

Эйтан Финкельштейн

ТОЛЬКО ПЕПЕЛ ЗНАЕТ

ИНТЕРВЬЮ, ЭССЕ, ОЧЕРКИ

ImWerdenVerlag
München 2014

© Эйтан Финкельштейн, 2014, второе издание, с исправлениями
© Оформление обложки. Vexler Verlag, Мюнхен, 2013
© Оформление. Im Werden Verlag, Мюнхен, 2014

ISBN 978-1-304-83314-3

Там — в Понарах и в Бабьем Яре,
Где поныне и следа нет,
Лишь пронзительный запах гари
Будет жить еще сотни лет!

А. Галич

В Казахстане и в Магадане,
Среди снега и ковыля...
Разве есть земля богоданней,
Чем безбожная эта земля?!

А. Галич

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ох уж этот XX век! Как изменил он лицо Земли, как преобразил жизнь ее обитателей, как перекроил карту мира! Да случилось ли человеческой цивилизации пережить столько «тектонических сдвигов», столько невероятных взлетов и немыслимых падений за всю свою историю? Вопрос открыт, но бесспорно одно — жизнью людских век этот унес больше, чем все предыдущие столетия, вместе взятые. Не пощадил он ни большие народы, ни малые, ни тех, кто мерз за Полярным кругом, ни тех, кто изнывал от жары на Апеннинском полуострове. И все же, когда в «небесной канцелярии» подвели итоги века, оказалось, что одного народа в Европе не досчитались: из более чем восьми миллионов европейских евреев, что обитали в Старом Свете к началу века, к концу его едва удалось насчитать миллион¹.

Что до Российской империи, то к началу XX века на ее территории насчитывалось около шести миллионов евреев². Проживали они в полнейшем бесправии: запертые в границах черты оседлости, они не имели права передвигаться по стране, не имели права на образование, на получение профессии, на государственную службу, на владение землей, на всё! К

¹ По оценкам разных источников, в 1900 году на европейском континенте проживало от 8 до 8,6 миллиона евреев, или 82 % всего еврейского населения планеты. Трудности еврейской демографии упираются в вопрос о том, «кого считать евреем», ответов на который существует довольно много.

² Согласно первой в России всеобщей переписи населения, в 1897 году в Российской империи проживало 5,3 миллиона евреев. К началу Первой мировой войны (1914) их численность достигла 5,7 миллиона человек.

тому же пропаганда, инициируемая и поощряемая двором, правительственными и церковными кругами, травила и унижала пасынков империи, обвиняя их во всех грехах и во всех неудачах: от очередного неурожая до поражения в войнах. Травила и призывала к погромам. Шумным, типа Кишиневского или Одесского, или «заурядным» — бесчисленным нападениям и избиениям как в черте оседлости, так и повсюду по Империи.

С другой стороны, к концу XIX века общественная, культурная и даже политическая жизнь на «еврейской улице» достигла размаха и глубины, которым могли позавидовать многие малые народы тогдашней Европы, те, которые позже обрели государственность и заняли свою нишу в Европейском доме. Даже спустя столетие трудно не подивиться количеству тогдашних политических, общественных и культурных течений в российском еврействе, равно как и числу газет, книг, журналов, что выходили на идише, иврите и русском. Поражает и та роль, которую это бесправное меньшинство играло в жизни самой России, а позже ее преемника — Советского Союза.

Прошел век, целый век. По законам демографии число российских евреев должно было достичь как минимум десяти миллионов. Но где они? Их совсем нет в бывшем Царстве Польском, ныне независимой Польше³. Нет их в Литве и Белоруссии⁴. Что же касается России⁵, то еврейская фамилия нет-нет да и всплывет в этой стране по тому или иному, чаще скандальному, поводу. Нет-нет да и откроется там синагога, музей, культурный центр. Но все это не меняет того факта, что история евреев в России завершилась. Завершилась в том

³ В 1939 году в Польше проживало 3,5 миллиона евреев, в 2002 году — около тысячи.

⁴ В 1939 году в Литве проживало более 200 тысяч евреев, в 2001 году — менее 4000 человек.

⁵ По оценке на 2009 год, численность еврейского населения России достигала 400 тысяч человек, но она стремительно уменьшается, так как значительную часть общины составляют люди преклонного возраста, а что касается молодых, то они продолжают либо эмигрировать, либо ассимилироваться.

смысле, что они уже никогда не будут самостоятельным и весомым национальным меньшинством, не смогут играть сколько-нибудь заметной роли в жизни России, влиять на ее настоящее и будущее. Рассеявшись по разным странам, они перестанут играть самостоятельную роль и в жизни мирового еврейства.

Куда же исчез этот народ?

Ответ известен. Первая мировая война и распад Империи, революции и гражданские войны, массовые погромы и выселения с насиженных мест унесли жизни сотен тысяч российских евреев, а другие сотни тысяч вынуждены были эмигрировать (главным образом, в США). Потом был ленинский террор, гонения на синагогу, запрет иврита и разгром общинной жизни с ее традиционными институтами. Потом — Вторая мировая война и Освенцим. Потом сталинский террор, травля, гонения и ГУЛАГ. Потом хрущевско-брежневский «жидомор»: запрет на профессии, закрытие доступа в ведущие вузы, изгнание со сколько-нибудь значимых должностей, безудержная антисемитская (антисионистская) пропаганда и антисионистские процессы. Все это положило начало борьбе советских евреев за выезд в Израиль (после 1967 года), завершившейся (после 1989 года) массовым бегством во все стороны шара земного.

Как такое стало возможным?

Предлагаемая книга — попытка ответить на этот вопрос. В основе ее — интервью, которые автор-составитель взял в разное время у бывших узников Освенцима и ГУЛАГа, у писателей, философов, музыкантов, ученых — тех, кто попытался осмыслить, что произошло с российским еврейством в XX веке⁶. Попытку эту делает и сам автор, перу которого принадлежат три последних очерка.

Насколько же удался сей замысел, судить читателю.

Эйтан Финкельштейн

⁶ В книге использованы интервью, которые автор брал в разное время для радио «Свобода», а также для «Еврейского журнала» (Мюнхен), журнала «Forum» (Köln) и газеты «Forward» (New York).

ОСВЕНЦИМ И ГУЛАГ: ОТКРОВЕНИЕ ЗЛА

В ночь с 26 на 27 января 1945 года советские войска освободили нацистский концентрационный лагерь Освенцим (Oświęcim, Auschwitz), место на планете Земля, где на площади в 500 гектаров были убиты миллион сто тысяч евреев, 140 тысяч поляков, 22 тысячи цыган, 12 тысяч русских, 25 тысяч людей других национальностей¹.

Михаил Чечинский (1924, Лодзь — 2011, Хайфа), польский журналист, бывший узник концлагеря Освенцим

Мой номер Б-8259, я попал в Аушвиц из Лодзи, точнее, из Лодзинского гетто утром 30 августа 1944 года.

Я родился в Лодзи, там же попал в гетто, где провел четыре года и повидал все его ужасы. Оттуда высылали людей на смерть, в лагерь уничтожения Крумхов. Об Аушвице в Лодзинском гетто до его ликвидации в августе 1944 года мы просто ничего не знали.

Поняли ли вы, куда попали?

Это был долгий процесс. Сначала мы прошли селекцию. Уже во время селекции было видно, что мы попали в ад. После селекции, когда я увидел, что родителей повели куда-то направо, где стояли большие здания с огромными трубами, я еще не соображал, где нахожусь. Позже, после того как мы прошли так называемую баню и нас куда-то погнали, я видел,

¹ Данные о погибших в концлагере «Освенцим — Трешлинка» взяты из книги: Yisrael Gutman and Michael Berenbaum. ANATOMY OF THE AUSCHWITZ DEATH CAMP. Indiana University Press, 1994.

как бросают живых людей в огромную яму с огнем. Я видел, как человека с одной ногой бросили в яму. Живого — бросили в яму! Я думал, что я попал в ад. Я был уверен, что уже умер, покинул землю и нахожусь в аду.

Потом, после этой страшной дороги нас затолкали в какой-то барак. Там было так много людей, что не хватало места, чтобы просто стоять, и если кого-то вытолкнули наверх, он уже не мог попасть вниз. Мы так были прижаты друг к другу, что если кто-то падал, он уже не мог подняться. Кто-то умирал, но мы даже не знали, что между нами находятся трупы. В эту первую ночь вышел к нам какой-то «капо» — камрач-полиций. Это были «лучшие узники», политические или криминальные заключенные, чаще всего из немцев или людей других «арийских» национальностей. И он нам объявил — с гордостью и восторгом, что мы попали в самый большой лагерь в мире, самый страшный лагерь, который войдет в историю человечества. Нам он сказал это для того, чтобы мы знали, куда попали. Но мы и тогда не поняли, где находимся. Только днем, когда мы вышли на площадку перед баракom, мы увидели большие печи, из которых валил густой дым, а в воздухе стоял запах, такой тяжелый и сладкий, какой бывает, когда сжигают мясо. Мы не знали, что это такое, но от него ужасно заболела голова. Потом я подошел к проволоке, которой был огорожен наш барак, и за ней увидел человека, который убирал площадку. Он посмотрел, что вокруг никого нет, и начал мне говорить немножко по-русски, немножко по-польски: «То, что ты видишь на той стороне, это газовые камеры и крематории, где без конца, непрерывно сжигают людей».

Что произошло после того, как вы поняли, что попали в лагерь уничтожения?

Как может реагировать человек, который абсолютно лишен возможности что-либо сделать? Вокруг стоят вышки, а на них эсэсовцы с пулеметами. У нас же не только не было никакого оружия, но мы были очень слабые, мы же пять лет недо-

едали, мы были скелетами, мы еле-еле двигались, все реакции у нас были замедленными. Надо было иметь очень сильный характер, чтобы как-то себя организовать. Случайно я узнал, что мой старший брат, Леви его звали (он женился еще до войны и уехал из Лодзи в Островец), тоже находится в этом лагере. Он там был уже долгое время и работал на фабрике, которая называлась «Моновиц». Я его увидел впервые за пять лет. Брат-то мне и рассказал, что такое Аушвиц. Он умолял меня, чтобы я старался, как только мог, уйти из того сектора, где я находился, потому что этот сектор служил как бы резервом для газовых камер. Если ночные поезда почему-то не приходили в Аушвиц и не хватало «материала» для уничтожения, эсэсовцы брали людей из нашего барака, чтобы камеры работали без остановки.

Как вы сумели выжить в этом аду: благодаря каким-то личным качествам, особым обстоятельствам? Или это случайность?

Этот вопрос мне задавало много людей, и я сам себе много раз его задавал, но я просто не в состоянии на него ответить. И не только потому, что я пережил гетто и пережил Аушвиц. Я и потом имел столько разных, как бы сказать, «шансов» погибнуть. Я ведь бежал, потом был солдатом Красной армии, воевал на фронте, но все-таки остался жить. Почему? Я не знаю.

Каким образом вам удалось бежать из Освенцима?

Я бежал не из самого лагеря. Я бежал во время так называемого «марша смерти». Когда началось большое советское наступление — это было 17 или 18 января 1945 года, наш лагерь эвакуировали, как и все другие лагеря, которые находились в районе Силезии. Нас погнали пешком на запад. Ходили разговоры, что колонна узников концлагерей растянулась на 15 километров. Конечно, я этого не видел, я видел только свою часть колонны. Нас конвоировали эсэсовцы с собаками и каждого, кто не мог идти или отставал, расстреливали на месте.

Вся дорога была усеяна трупами, поэтому ее и называли дорогой смерти. И вот с этого «марша смерти», ночью, мне удалось бежать. Я прятался в одной польской деревне. Я помню имена тех, кто меня спасал. Поляка звали Бронек, польку Ядвига, украинец был Бруно, русский Анатолий, еще один украинец — Иван. Вот этим людям я и обязан жизнью.

Как вы оказались в рядах Красной армии?

Когда в деревню вошла Красная армия, я стал просить, чтобы меня взяли добровольцем. Конечно, я выглядел подходящей, поначалу меня не хотели брать, но потом все-таки взяли. Я воевал в 314-й дивизии. Я не успел много повоевать, всего несколько месяцев. Тем не менее, половина моего взвода за это время полегла.

Когда вы воевали в Красной армии, пришлось ли вам самому освободить другие концлагеря?

Да, пришлось, и это для меня было необыкновенное переживание. Переживание на всю жизнь, вплоть до сегодняшнего дня. Это случилось уже после того, как закончилась война. Мы воевали до 11 мая — наш полк должен был задержать дивизию СС «Герман Геринг», которая пробивалась на запад к американцам. У нас был приказ задержать ее в Судетах. 12 мая мы попали в какой-то район, где к нам вышли узники в одежде, которую я сам недавно носил. Эти люди бросались к нам, обнимали и целовали нас, цветы нам дарили. Я помню, как получил такой цветок. Ведь это была весна, цветы цвели всюду. Я отдал цветок Быкову, Грише Быкову, моему боевому товарищу.

Помните вы кого-то из своих однополчан?

Да. Мои самые хорошие друзья — это Быков, Моляшов, Нестеров — командир нашего взвода, старшина Чапыга, украинец.

Прошло много десятилетий с тех пор, как был освобожден Освенцим. Как вы смотрите на события тех лет на фоне сталинского террора, на фоне войн, революций, бесчисленных конфликтов и трагедий всюду на планете Земля?

Сегодня модно сравнивать террор сталинский с террором нацистов. Я точно знаю — потому что и сам пережил много, и много говорил с людьми, много читал — сравнивать то, что происходило в Советском Союзе, в сталинских лагерях, с тем, что делали нацисты, просто нельзя. В СССР был совсем другой мир террора. Для примера. В сентябре 1943 года немцы дали приказ уничтожить всех детей до 10 лет в Лодзинском гетто. За пять дней они собрали 16 тысяч детей, столько, сколько еще нашлось в гетто. Трудно себе представить, что там делалось, что происходило в гетто, какая борьба шла между родителями и эсэсовцами! Родители прыгали из окон вместе с детьми. Убивали себя и своих детей. Эсэсовцы стреляли направо и налево. В конце концов этих детей вывезли в концлагерь «Крумхов» и там их убили. Я себе задаю вопрос: было ли когда-нибудь в истории сталинского террора нечто подобное? Где такое было в истории человечества?

Да, конфликты по всему миру были и есть, есть ужасные конфликты, но вопрос в том, чему люди научились на примере той трагедии, которую мне пришлось пережить. В этом отношении я не большой оптимист.

* * *

Слово «ГУЛАГ» — Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения — означает не более чем название одного из подразделений сначала НКВД, потом — МВД и Министерства юстиции СССР. Но в мировой лексикон это слово вошло как олицетворение всей системы массовых преследований, чудовищной эксплуатации и политических репрессий против собственного населения страны. За семьдесят лет его существования через ГУЛАГ прошли десятки миллионов человек,

миллионы остались там навсегда. Точные цифры как арестованных, так и погибших в ГУЛАГе неизвестны.

Борис Хазанов (1928, Ленинград), писатель, публицист, бывший узник сталинских лагерей

В 1949 году вы, студент пятого курса МГУ, были арестованы и провели в ГУЛАГе восемь лет. А потом была долгая жизнь: медицинский институт и работа врача, журнал «Химия и жизнь» и первые шаги в литературе, в том числе и самиздатской. Фактическая высылка из СССР, эмигрантский журнал «Страна и мир», публицистика, переводы. И, наконец, большая литература — десять романов, повестей, рассказов.

Не забыли ли вы за все этим, что когда-то носили звание «эка сталинского разлива»?

Лагерь — часть моей биографии, я всегда помнил и буду помнить до конца моей жизни, что я бывший заключенный. Это все равно что бывший люмпен или граф. Можно стать кем угодно — служить в банке, сочинять романы или развозить по домам глаженое белье — и при этом ни на минуту не забывать, что ты граф. Лагерь есть принадлежность к определенному сословию. Лагерь есть профессия, которую можно слегка подзабыть, но разучиться ей нельзя, она остается с тобой навсегда. Лагерь был нашим истинным отечеством, вся же прочая жизнь представлялась счастливым недоразумением, дезертирством, отпуском, который затянулся лишь потому, что всеильные тайные учреждения перегружены делами и до тебя просто еще не дошли руки. Мы остались в живых по недосмотру начальства. И всю жизнь, сколько мне еще осталось, я буду помнить это отечество, эту истинную Россию, потому что такое отечество у нас и было. И если потом я снова жил в московской квартире, спал в своей постели и притворялся свободным человеком, то это был всего лишь отпуск, это было попустительство судьбы, чье терпение рано или поздно должно было иссякнуть. В любую минуту меня могут разоблачить. Ибо под цивильным костюмом у меня лагерная

шерсть. Ибо я бывший люмпен. Ибо на самом деле я переодетый граф, мое происхождение никуда от меня не делось, мое дело следует за мной, и койка и пайка ждут меня в лагере.

Подобно многим, долгие годы я жил в ожидании и уверенности, что рано или поздно меня возьмут снова. Мир концентрационных лагерей, лагерный образ жизни, лагерная цивилизация не есть для меня нечто оставшееся в прошлом. И я полагаю, что в известной мере это относится и ко всему нашему поколению. Тогда, в тридцатые, сороковые, пятидесятые годы этот затерянный мир был глубоко засекречен, множество людей даже не догадывались о его существовании, а те, кто догадывался, делали вид, что не знают. И сами сидельцы, вычеркнутые из жизни, как казалось, навсегда, не думали, что когда-нибудь о них заговорят там, на воле. Но настала пора — она давно уже настала, — когда лагерь должен быть осмыслен не только на эмпирическом уровне.

Да, лагерь был повседневной жизнью для миллионов и десятков миллионов людей; лагерь был частью колоссальной бюрократической машины, и эта повседневность и эта машина были не только злой тривиальностью, но, как сказала Ханна Аренд, банальностью зла. Великого зла, имя которому — наше столетие. Не сразу, постепенно, как на темной сцене, перед нами вырисовывается то, что можно назвать фундаментальным изобретением века и чего не знали прошлые века.

Дошло ли до сознания сегодняшних россиян понятие «ГУЛАГ», пытаются ли они осмыслить эту «банальность зла»?

Дошло ли это до сознания? Люди прочли книжки о лагерях, ужаснулись — и забыли. Доказательством того, что осмыслить феномен лагеря сумело, по крайней мере в России, лишь очень незначительное меньшинство, является тот факт, что тайная полиция благополучно пережила и режим, которому она служила, и государство, где она создала собственное государство. Нет больше гигантского контингента узников, этих бесконечных колонн, марширующих в утренней мгле

под дулами автоматов. Девять десятых заключенных лежат на полях захоронений. А эти крысы живы и здоровы, как ни в чем не бывало.

А Освенцим? Присутствует ли в стране ГУЛАГа память — пусть на уровне православного богословия — о другом вселенском Зле?

В Британской энциклопедии, в статье «концлагерь» имеется два раздела. Два классических лагерных государства — гитлеровская Германия и Советский Союз. Спору нет, оба монстра похожи друг на друга, как братья. Бесспорно, однако, и то, что Колыма и Освенцим — разные вещи.

Когда-то одно неосторожное упоминание о лагере могло стоить человеку лагерного срока. Не говоря уже о попытке сравнивать нацистские и советские лагеря. Сегодня в России вам уверенно скажут, что все это одно и то же. Но вам скажут так, словно бы давая понять: нас Освенцимом не удивишь, мы сами с усами. Освенцим — не наше дело, **Освенцим нас не интересует.**

Тут я перехожу ко второй половине вопроса: способна ли православная церковь и православное богословие артикулировать в современных терминах свое отношение к лагерям уничтожения, к газовым печам. Смешно даже спрашивать об этом. Конечно, нет. Уже потому, что Освенцим их никогда не интересовал. Память об Освенциме попросту отсутствует в православном сознании, подобно тому, как Освенцим отсутствует в сознании огромного множества людей в России. Ведь слишком многим кажется, что уничтожение евреев имеет значение, главным образом, для самих евреев. Слишком многие утешают себя мыслью, что христианство — религия любви — не имеет отношения к антисемитизму. Но я напомним вам слова немецкого католического теолога Иоганна Баптиста Меца, чью книгу я когда-то перевел. В речи, обращенной к студентам богословского факультета, он сказал:

«Не надо заниматься такой теологией, которая воспитывает безразличие к Освенциму. Могу вам дать простой, но

в высшей степени ответственный критерий оценки, чего стоит такая-то философская или богословская система. Спросите себя: остается ли теология, которую вы учите, после Освенцима такую же, какой она была прежде? Если да, то держитесь от нее подальше!»

Холокост предъявил страшный счет христианству — всему христианству. Холокост поставил христианство перед необходимостью всмотреться в себя так пристально, как это не делалось, по меньшей мере, со времен западной реформации. Скажу больше: прежнее благолепное христианство в каком-то смысле погубило вместе с евреями. Я хотел бы знать, как нам относиться к дому веры, где терпят присутствие петербургского митрополита Иоанна.

Я хотел бы услышать, что думают православные христиане о только что выпущенном — с соответствующего благословения — обширном учебном пособии по Закону Божьему, где говорится, что еврейский народ **заслужил** гонения, так как он отверг Христа. Я приехал в Россию и услышал беседу, которую вели известный журналист и прославившийся своим либерализмом дьякон. Один интеллигентный человек задает другому интеллигентному человеку вопрос: нужно ли требовать от евреев покаяния в том, что они распяли Христа. И спрошенный дает компетентный ответ. Я не стану спрашивать о том, **откуда эти ученые люди узнали, что евреи распяли Христа**. Я хочу только знать, слышали ли когда-нибудь эти люди об Освенциме. И я задаю вопрос, уже не другим, а самому себе: что остается от христианства после того, как были убиты две трети потомков того самого народа, который создал христианство и в преследование которого христианство внесло столь значительный вклад? Если бы, как обещано, произошло второе пришествие, если бы Христос очутился в нашем мире, его захихнули бы в товарный вагон, наподобие тех телячьих вагонов, куда заталкивали и нас, в транспорт, идущий в Польшу. И вместе со всеми он замаршировал бы в газовую камеру.

Евгений Барабанов (1943, Ленинград), искусствовед, историк литературы, публицист, теолог, почетный доктор теологии Тюбингенского университета

Доводилось ли вам бывать на территории концлагеря Освенцим? Если да, то что произвело на вас самое сильное впечатление?

Первый и единственный раз я видел лагерь Освенцим в 1975 году. Впрочем, тогда это был уже не лагерь, но лишь следы лагеря, обращенные в музей. Продвигались мы по этим следам, подобно паломникам по иерусалимской Via dolorosa, — не пропуская ни одного звена в отлаженном хозяйстве нацистского комбината смерти. Экскурсовод, тактично не замечавший нашей потерянности, старался придерживаться документированных фактов и цифр. Многих из них я, конечно, не запомнил и смог восстановить позже, ужаснувшись коварству будто бы «щадящего душу» забвения. Да и могла ли память удержать в себе такое:

«...В январе 1942 года при крематории № 1 был пущен бункер с двумя газовыми камерами общей вместимостью 800 человек; в июне того же года второй бункер, четыре газовые камеры которого вмещали 1200 человек; 22 марта 1943-го — крематорий с четырьмя газовыми камерами на три тысячи человек, а в июне уже действовали еще три таких крематория. Их «производительность» позволяла за пять часов одновременно уничтожить 12 тысяч человек. Летом 1944 года в Освенцим каждый день доставляли 20—25 тысяч евреев для ежедневного уничтожения.

Общее число погибших в Освенциме составило около полутора миллионов человек, 85 % которых были евреями».

Осуществить все это можно было благодаря самому совершенному оборудованию, специально разработанному видными немецкими учеными и инженерами, а также благодаря немецким фирмам, поставлявшим газ «циклон-Б» и фенол, инъекциями которых умерщвлялись сразу по прибытии бере-

менные женщины и другие осужденные на смерть. Лагерь Освенцима считался прибыльным предприятием. Помимо использования багажа и личных вещей, утилизации подлежали останки жертв: зубы из ценных металлов, женские волосы, использовавшиеся для набивки матрасов, кости, из которых на германских химических предприятиях изготавливали суперфосфат... Нужно ли продолжать?

Я хорошо помню: тогда, на территории бывшего концлагеря, я решительно не мог понять никаких связей, охватить целое. Внимание возвращалось к единичному, частному; глаза упирались в детали, цепляясь за ничтожные мелочи. Они-то и поразили тогда внезапным открытием: **даже победившее, триумфальное зло не содержит в себе ничего, кроме беспредельной тривиальности.** Именно тривиальностью, миллионно раз помноженной на смертоносную принудительность, слепила в Освенциме чудовищная, непостижимая реальность невозможного. Она-то и была переходом в антимир, невообразимый и немыслимый для прежних поколений.

Вы много лет работали в европейских, в частности немецких, университетах. Удалось ли, на ваш взгляд, западным теологам осмыслить истоки, глубину и масштабность вселенского зла, имя которому «Освенцим»?

Непостижимость Освенцима по сей день преследует Европу радикальными вопрошаниями о самих основах западной культуры. И, прежде всего, — о фундаменте христианской веры. Вопросы эти мучают теологов, философов, писателей:

«Если Христос был вместе с жертвами Освенцима, где, на чьей стороне были христиане, христианские церкви, их теологи? Почему они безмолвствовали, потворствуя своим молчанием торжеству зла? Не оттого ли, что были уверены: Христа не может быть среди этих нелюдей-евреев, когда-то распявших нашего Господа? А если так, мог ли вообще быть Освенцим без древней антиеврейской традиции в самом христианстве? Но если мы согласимся, будто Христос вне Освенцима, если Он не с обреченными на смерть стариками, женщинами,

детьми, доходягами, если Он не среди тех, чья вина заключалась лишь в том, что они не «арийцы», как не был «арийцем» и сам Христос, возможно ли всерьез проповедовать веру в искупительную жертву на голгофском кресте? В конце концов, о какой именно вере и вере в какого Бога мы еще можем и должны говорить сегодня?»

В Германии подобные вопросы набирали силу по мере удаления от времен катастрофы. С особой страстью и мучительной остротой они зазвучали в шестидесятые годы. Их задавали молодые люди — те, чье детство и юность пришлось на годы войны и послевоенной разрухи. Освенцим стал для них обвинительным заключением просветительскому либерализму их отцов и дедов. И в этом смысле **знаком завершенности прошлого**: осуждением исторической ограниченности христианского самопонимания, разрывом с верой в традиционные буржуазные ценности. Доротея Зелле, одна из подвижниц обновления христианского сознания, вспоминает:

«Мне было пятнадцать лет, когда закончилась война. И эта величайшая историческая травма, конечно, в значительной мере повлияла на мое развитие. Одним словом, я росла после Освенцима. Я прочла, что на языке, который я так люблю, — языке Гете и Гельдерлина — отдавались приказы об уничтожении людей, об их отправке в газовые камеры. Узнав об этом, я больше не смогла оставаться в родительском доме, несмотря на весь его либерализм. Потому что этот либерализм, в общем-то, ничего не сделал, чтобы предотвратить немецкую трагедию. Катастрофам, обрушившимся на нас в этом столетии, он не смог противопоставить ничего, кроме относительной просвещенности, относительного гуманизма и относительной гражданственности...»

Впрочем, ядовитым воздухом разочарований, тоски по прочному фундаменту надежды и одновременно разрушительной ненависти к старому миру дышала вся послевоенная Европа. Отсюда, из той же послевоенной травмы, **устойчивое стремление ограничить топографию зла и террора**, свести их только к преступным действиям строителей Третьего рейха.

Ну а ГУЛАГ, какое место в западной теологии занимает массовое, мотивированное не расовыми, а социальными причинами истребление людей в Советском Союзе?

Трудно поверить, но именно многие из тех, кто принял боль памяти об Освенциме, слышать ничего не хотели о миллионах жертв классового расизма — о жертвах ГУЛАГа. «Почему?» — мучительно допытывались совестливые люди в России. Что отличало расово мотивированную бесчеловечность от бесчеловечности классово мотивированной? То же массовое истребление людей, не знающих, почему и за что их убивают. Та же беспредельная жестокость к обреченным. Та же отрава секретности, доноительства, предательства. То же бесстыдство пропаганды. И та же чудовищная слепящая тьма непостижимого зла, бесконечно усиленного то молчаливым, то шумным соучастием. Исторически все объяснимо: с победами Красной армии Советская Россия выступила в новой роли — в роли спасительницы западной цивилизации от гитлеровского варварства. Ее участие в освободительной войне не позволяло вспоминать о том, что столь же чудовищные преступления и еще в большем масштабе совершали большевики в России и что именно они-то и послужили образцом для нацистских организаторов массового террора. Так, тоталитаризм, вчера еще казавшийся несовместимым с самими основами европейской цивилизации, был принят в состав демократического мира, чтобы решать его судьбы. И это при том, что важнейшие пункты обвинительного заключения на Нюрнбергском процессе, подписанные среди прочих и Главным обвинителем от Советского Союза Руденко, были полностью приложимы к коммунистическому режиму. Так, в обвинительном заключении Нюрнбергского трибунала говорилось:

«Для того чтобы обезопасить свою власть от всяких покушений... нацистские заговорщики создали и расширили систему террора против предполагаемых или подозреваемых противников нацистского режима. Они сажали в тюрьмы этих людей без суда, держали их в так называемом «предварительном заключении» и в концентрационных лагерях, подвер-

гали их преследованиям, унижению, ограблению, рабству и смерти...»

А вот выдержка из доклада Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС:

«Массовые аресты и высылки многих тысяч людей, казни без суда и нормального следствия... Признания арестованных добывались жестокими и бесчеловечными пытками... Массовый террор против партийных советских кадров и против простых советских граждан... Массовые выселения с родных мест целых народов...»

Напоминать об этом сегодня — все равно что стучаться в открытую дверь. И все же, именно здесь, у порога будто бы «общеизвестного», «очевидного» и подстерегает нас роковое слепое пятно: невозможность увидеть самое главное — самих себя, свою судьбу, свой путь. Невозможность увидеть правду и честь на перекрестке намерений и последствий. Невозможность принять ответственность — без самооправданий, завистливой униженности или агрессивного высокомерия. Невозможность сделать шаг от растлевающей идеологии выживания к исполненной достоинства жизни.

Говоря об этой спящей невозможности, я вовсе не имею в виду коллективную вину. Не существует вины или невиновности целого народа. Виновность и невиновность — категории личные, а не коллективные. И Нюрнбергский трибунал осудил не народ, но преступления конкретных преступников, их злодеяния, их идеологию. Тем самым он дал народу возможность строить новую жизнь без забвения прошлого. Реализацией этой возможности и стала Федеративная Республика Германия, одна из ведущих стран сегодняшней Европы. Страна, открывшая двери для евреев-эмигрантов и постоянно о них заботящаяся.

Опасный процесс невротического вытеснения неудобного прошлого в область бессознательного был нейтрализован последовательным анализом всех значимых элементов нацистской эпохи: расистской и антисемитской идеологии, их исторических корней, системы нацистского законодательства, экономики, культурной политики, образования, прессы, языка,

конкретных постановлений и поступков. Результаты этого тщательно документированного и рационально обоснованного самоанализа, продолжающегося по сей день, представляют собой целые библиотеки всевозможных публикаций, доступных каждому. Разумеется, дело не ограничилось книгами. Между прошлым и будущим пролегла тщательно разработанная система законодательства, позволяющая сегодняшнему обществу придерживаться правил моральной гигиены и защищаться от вирусов тоталитаризма, вражды и ненависти. И в центре всего — активная память о жертвах былых преступлений.

Прошло много лет с тех пор, как закрылись ворота сталинских лагерей. Сегодня информацию о том времени может получить каждый, кто того пожелает. Происходит ли, на ваш взгляд в постсоветской России процесс осознания чудовищных преступлений, олицетворяемых словом «ГУЛАГ»?

В России ясной раздельной черты между преступлениями и жертвами провести не удалось. В послесталинские десятилетия шла долгая, изнурительная борьба за то, чтобы избежать ответственной встречи с преступным прошлым. Даже доклад Хрущева был опубликован только во второй половине правления Горбачева, да и то после длительных споров. В хрущевские и брежневские времена у власти оставались не только организаторы массовых репрессий вроде Суслова, но и продолжатели их дела все в той же карательной системе вроде Андропова, преследовавшего проявления инакомыслия лагерями, спецтюрьмами и психушками. Работа по реабилитации жертв сталинских репрессий, начатая после смерти Сталина, к середине 60-х прекратилась вовсе. И, конечно же, — ни слова о том, что массовый террор против населения, жестокие пытки и расстрелы начались задолго до Сталина. Новая комиссия по реабилитации приступила к работе только в 1988 году. До сих пор общее число жертв не поддается учету: счет идет на десятки миллионов, и разница между ними определяется все теми же, непостижимыми для ума миллионами. И при

этом — ни одного открытого процесса, суда над палачами. До последнего времени все попытки приподнять завесу секретности над преступлениями партии и государства против человечности либо жестоко преследовались, либо изворотливо отклонялись. Да, жертвы ГУЛАГа оставили после себя памятную литературу, до недавнего времени запрещенную. Тут и воспоминания, и беллетристика, и опыты художественного исследования. Читали их главным образом диссиденты, пока в годы перестроечной гласности не обратилось это горькое наследие в инструмент политизации масс. Затем волна читательского возбуждения спала, оставив и знание, и память о трагическом прошлом чем-то необязательным, факультативным. Примечательно: возникновение и сосуществование двух общественных движений, почти одинаково себя назвавших — «Мемориал» и «Память», обнаружили, что у страны нет единого прошлого, нет одной и той же катастрофы, нет одних и тех же жертв, взывающих к поминовению. Прошлое оказалось податливым, избирательным, всецело зависимым от идеологических страстей и политической злобы дня. Теперь коммунистическая партия отошла в прошлое. Но инерция тоталитарной идеологии сжигает умы и совесть даже ее противников. Оттого-то суждения о прошлом по-прежнему не критичны, недостаточно документально и рационально обоснованы. Оттого и нравственная ответственность так легко подменяется либо сентиментальной бесчувственностью, либо навязчивым морализированием. Здесь по-прежнему господствует равнодушная к требованиям ума, совести и права **стихия бессознательного**: реваншистские фантазии о коллективном могуществе, параноидальная вера в еврейского троянского коня русской истории, поиск вездесущего врага, оправдание государственных проявлений садизма. Один из страшных символов этой безумной спутанности жизни — толпа людей с портретом Сталина в одной руке и церковной иконой в другой, собравшихся под красными знаменами возле мавзолея, где лежит мумия организатора массового террора. Недостаточно сказать, что все это «издержки переходного времени», неизбежные, пока мы строим демократию и рыночное

хозяйство. Сами по себе ни капитализм, ни демократические институты не способны остановить бесчеловечности: в мире немало государств с рыночной экономикой и жесточайшими авторитарными режимами.

Бесчеловечности может противостоять лишь общественная убежденность в абсолютной ценности каждой человеческой жизни, в деятельном законодательстве, защищающем права каждого человека. Но чтобы такая убежденность стала аксиомой повседневности, для этого и нужно принять боль и ответственность за прошлое. Открыть глаза на прошлое, чтобы избежать заразной слепоты к настоящему. Для этого и нужно воспоминание, даже если оно приносит страдания...

Это наша судьба — жить после Освенцима и ГУЛАГа.

* * *

Александр Архангельский (1962, Москва), литературовед, писатель, публицист, телеведущий

Европейские теологи пришли в ужас от того, что при полном равнодушии (если не сказать — попустительстве) западных церквей были уничтожены миллионы людей, чьи предки дали миру Иисуса Христа и само христианство. Ужаснулись и попытались осмыслить вселенское зло по имени «Холокост». Но они же «не заметили» или сделали вид, что не замечают, другое вселенское зло, имя которому ГУЛАГ. А православное богословие, заметило ли оно, осмыслило ли оно эти чудовищные злодеяния XX века?

Да, можно сказать, что православное богословие как бы не заметило ГУЛАГ, не осмыслило эту концентрацию зла, зримо явленную нам в XX веке. Ничего, что хотя бы отдаленно напоминало протестантские размышления о христианстве после Освенцима, тоже не было предложено. Тут можно довольно резко спросить: а чего вы хотите от церкви, главной целью которой было выжить, сохранить себя под безбожной властью.

И не десять, не двадцать, не сорок даже лет — семьдесят. Много ли богословских прозрений о ГУЛАГе и Освенциме дали церковные умы Праги и Берлина, Таллина и Риги? А ведь там были теологи, имевшие докоммунистический опыт свободной жизни, а значит — и опыт свободной мысли. В России же четыре поколения родилось и выросло в склепе, в полной темноте, четыре поколения церковных людей пробивались, прорастали ко Христу сквозь страх человеческий, сквозь непривычку к свободе. В том числе — а может быть, и прежде всего — к свободе богословствовать. Что же до хрущевских времен, когда советская литература открыла для себя Бабий Яр, Колыму, тем более — гитлеровские лагеря, то лучшие церковные умы в эти годы были заняты совершенно другим. Никогда угроза исчезновения православной церкви с лица русской земли — исключая, быть может, эпоху поволжского голода и времена живоцерковничества — не была столь реальной, как в благословенные времена «оттепели». Этого тоже нельзя забыть. О слабости человеческой, о добровольной зависимости многих иерархов от официально-советской точки зрения я и говорить не хочу: и так все понятно. Иными словами, можно было бы ответить: русская православная церковь была все эти годы в прямом смысле слова кладбищенской церковью, а на кладбище не очень-то подискутируешь. Да и к смерти привыкаешь.

И все же подобный ответ будет явно недостаточным. Потому что и у богословов русской эмиграции (в отличие от хороших, но нестрогих христианских публицистов вроде Георгия Федотова) мы не найдем «целенаправленных» размышлений на интересующую нас тему. И у церковных «диссидентов» 60—70-х годов их тоже почти не встретим. Ну ладно: православные диссиденты были мужественными людьми, но не слишком вдохновенными мыслителями. Но то, что можно назвать явлением Освенцима, не осмыслено и теми церковными интеллектуалами, которые сами прошли через лагерь.

Теми, кто погрузился на колымское дно, где Варлам Шаламов потерял веру. И не то что веру в Бога (с ней он расстался сам, о чем повествует в пронзительно жестоких мемуарах), но

уже и в человека. Пролистайте диалоги Марка Поповского с владыкой Лукой Воиносенецким или просмотрите жизнеописание сурового московского старца Сампсона (Сиверса), умершего совсем недавно — в 1979 году, или записи юродивого епископа Варнавы, который сам себя величал «дядя Коля». Все они, не стовариваясь, рассказывают о своем лагерном опыте как о непосредственной, глаза в глаза, встрече с врагом рода человеческого. Но никто не ставит вопрос о возможности «прежнего» христианства после катастрофического опыта XX века. Еще глупее было бы думать, что такими людьми могла двигать боязнь нарушить официальные табу. Сампсон был практически в подполье, Варнава находился на полулегальном положении. Нет: тут дело совершенно в другом.

В чем же?

Попробую объяснить с точки зрения церковной логики, изнутри ее. Во-первых, главным ответом на этот вызов, брошенный злом всем нашим представлениям о земном устройстве, о «взаимоотношениях» Бога и человека, стал сонм христианских мучеников XX века. Мучеников не за свои грехи, а за Христа. Они, если угодно, стали нашим «богословием Освенцима». Они своим мученичеством сказали то, чего обычный христианин, не мученик, сам от себя, сам по себе сказать был бы не вправе: что неверно спрашивать, за что человечеству даны такие страшные, такие унижающие его человечность испытания. Наверно, потому что на этот вопрос нет ответа. Ответ есть на другой вопрос: зачем Бог допустил такое сокрушительное торжество Сатаны? Повторяю, они, сияние их мученических венцов и есть ответ на вопрос — зачем? Так что обвинять московскую патриаршую церковь, нас, нужно не за «богословские упущения», а за то, что мы не чтим своих новомучеников, не канонизируем их, не обращаемся к их небесному покровительству.

Во-вторых, для православного сознания, даже самого либерального, даже самого европеизированного, сомнительна формула проблемы: возможно ли прежнее христианство по-

сле «лагерного потрясения» бытийственных основ. Сомнительна, потому что прежние христиане, чуть-чуть самодовольные и уверенные в своем превосходстве над «непросвещенными», конечно, невозможны. А так называемое «прежнее христианство» — абсолютно возможно, потому что Христос во все времена тот же, как было сказано Апостолом. Возможно, потому для нас вообще возможна жизнь после распятия, когда Бог умер на кресте, а, тем не менее, христианское человечество до сих пор живет и даже порою благоденствует. Возможно, потому что церковь — я сейчас имею в виду единую, неразделенную небесную церковь Христову — осталась жива и после самоубийственной практики инквизиции, и после Варфоломеевской ночи, и после Кишиневского погрома. Если бы церковь, если бы христианство было делом только человеческим, нас бы давно не было. Но пытаться понять что бы то ни было, до церкви касающееся, не учитывая, так сказать, «божественный фактор», — невозможно. И тут подходит пора сказать о том, что в-третьих.

В-третьих, у человечества слишком короткая память. Полагать, что никогда прежде мы не подходили к воротам адовым столь близко, как в XX столетии, — наивно. Кровь, кровавое телесное месиво, глумящееся над личностью социальное зло — все это сопровождало историю христианской Европы во все века ее существования. Вспомните пример совсем недавний — эпоху наполеоновских войн. Так ли уж много сверстников Наполеона дожило до его кончины? Так в чем же разница между катастрофическим опытом XX века и трагедиями предшествующих столетий?

Она не в количестве зла, а в его качестве. Никогда прежде народ, называющий себя христианским, не ставил целью уничтожить на корню другой народ, называющий себя иудейским. Никогда прежде один класс, называющий себя гегемоном, не ставил задачу ликвидировать другой класс — христианство. Никогда одно сословие, интеллигентское, не прибегало к услугам разъяренных масс, чтобы вырвать с корнем другое сословие, враждебное себе, — духовенство, и не становилось жертвой стихии, им же разбуженной. На все это можно

возразить, что гитлеровская Германия была вполне расхристанной, утратившей любовь и верность Христу, что от имени пролетариев действовали безбожные узурпаторы власти, что революционные интеллигенты были в большинстве своем самозванцами. Поэтому скажем иначе. Никогда прежде зло не открывало себя до такой степени, что его нельзя было бы романтизировать, усмотрев в нем некую демоническую красоту. Музыка Шостаковича, запечатлевшая адские ритмы XX века, корчится вместе с ними, она не в силах гармонизировать сатанинскую мелодику, сделать ее соблазнительной и влекущей. Если что православное богословие и не сумело, не пожелало осмыслить, то именно эту откровенность зла, явленного XX веку; зла, символом которого стали Освенцим и ГУЛАГ. Вот в этом можно и нужно предъявить упрек православной мысли. Это может и должно стать для нее интеллектуально-практическим заданием на ближайшие годы.

Между прочим, в ответах на поднятые XX столетием вопросы о природе социального зла нуждается не только «светская» публика, которая хотела вступить с православием в диалог. В этом нуждается и сам православный народ. Необъясненность пережитого нацией ужаса как бы загоняет его в сферу «коллективного бессознательного», и неизжитый, непознанный страх ищет себе выхода, уродуя национальную психологию. Проявления этого неизжитого, непознанного страха повсеместны. Я узнаю его следы и в шараханье многих православных от современной культуры, и в цепенящем ужасе перед живым католиком или протестантом, и в экзальтированном эсхатологизме. Вот, передо мною лежит книга «Россия перед вторым пришествием». Издано в Троице-Сергиевой лавре. Собрание выписок об ожидающемся конце времен. Дело, собственно говоря, нормальное — трудно быть православным и не верить в последние времена. Но когда листаешь страницу за страницей этот роскошно изданный том, поражает не только его полная неканоничность (тут даже приводится дата рождения Антихриста, что уж прямо противоречит Евангелию); поражает липкий, панический страх перед волей Провидения, какое-то недоверие к божественной благодати.

И это еще не худшая расплата за то, что мы не объяснили сами себе и миру то, что открыли нам Освенцим и ГУЛАГ.

МЕЖДУ ОСВЕНЦИМОМ И ГУЛАГОМ

Марк Мойзес (1928, Каунас, Литва), инженер, бывший узник концлагеря Дахау

Евреи в довоенной Литве пользовались политическими свободами наравне с другими гражданами и, кроме того, правами национального меньшинства. При этом они отнюдь не представляли собой монолитного сообщества: среди них были богатые и бедные, верующие и атеисты, правые и левые, коммунисты, сионисты, бундовцы... К какой среде принадлежали вы, на каком языке говорили, куда «смотрела» ваша семья — в сторону СССР, Палестины, Америки?

Я принадлежал к тем, кого называли «рабочими-средняками»: дед мой был кузнецом, отец — слесарем, мать работала на шоколадной фабрике, то есть все зарабатывали, к беспроектным беднякам себя не причисляли. Особенно религиозными не были. Говорили на идиш, ходил я в идишскую школу, хотя в Каунасе были и ивритские школы. Семья, большая семья — родители, дяди, их семьи — все были настроены просоветски, все смотрели в сторону Москвы.

Знали ли вы при этом о массовых репрессиях в СССР и, в частности, об искоренении там еврейской религии и культуры?

Сам я был еще слишком молод, но разговоры в семье помню. Дедушка обычно говорил, что в СССР происходит «что-то плохое, многих расстреливают, в тюрьмы сажают», но отец и дяди отвечали, что все это слухи, распространяемые буржу-

азным правительством (литовским. — Э. Ф.), чтобы скомпрометировать СССР. А Сталин, дескать, справедливо поступает, уничтожая врагов.

Как вы встретили оккупацию Литвы Красной армией в 1940 году?

Дело в том, что, в отличие от советских евреев, **литовские евреи знали, что происходило в Германии с приходом к власти Гитлера.** Я сам помню и Хрустальную ночь, и день нападения Германии на Польшу в 1939 году. Я шел из школы, и какой-то извозчик разрешил мне подсесть к нему на подводу. Вот он-то с тревогой в голосе сказал, что Гитлер напал на Польшу. Сразу же после этого в Каунасе появилось много еврейских беженцев из Польши, мы устраивали их в семьях, помогали, чем могли. Они же нам рассказывали, что немцы вытворяли в их стране. Это было так страшно, что взрослые даже не могли спать ночами: всех мучил вопрос: кто войдет в Литву первым — немцы или Советы? Надежды на то, что Литва останется нейтральной и независимой, не осталось — всем стало ясно, что такое уже невозможно. Так что когда 15 июня 1940 года Молотов сообщил, что советские войска вошли в Литву (мы слушали советское радио на идише из Белоруссии), радость была невероятная. Когда в городе появились первые красноармейцы, толпы евреев стояли на улицах и кричали: «Ура! Пусть живет товарищ Сталин!» Я помню, что даже буржуи, те, у кого были магазины и фабрики, говорили: «Лучше отдать магазин Советам, чем голову немцам». К тому же в буржуазной Литве мы жили тяжело, работы было мало, у мамы постоянно были долги, а тут жизнь улучшилась, работы прибавилось, все подешевело — еще сохранились запасы товаров в магазинах. Но самое важное и удивительное: открыли бесплатные вечерние школы, а для детей — кружки. И начали бесплатно показывать фильмы. Прямо на площадях, с двух сторон экрана, собиралось очень много людей. Ничего этого до прихода советской власти для простых людей в Литве не было, и мы верили новым властям, мы радовались.

Между тем война стояла у порога. Предупреждали ли вас новые власти о грозящей опасности в случае прихода немецкой армии, пытались ли вывезти вас на восток страны или спасти каким-то иным образом?

Напротив! Я помню первомайскую демонстрацию 1940 года. Везде лозунги, плакаты примерно такого содержания: «У них — на Западе — все плохо, там бомбят Францию и т. д. А у нас, в СССР, все хорошо, все спокойно!» Но при этом никто не говорил ничего плохого о немцах. Помню, кто-то из знакомых вернулся из Франции и рассказывал, как там ведут себя немцы, что они делают с евреями, так его даже арестовали «за распространение слухов»!

В конце концов вы дождались прихода гитлеровцев. Как это случилось?

Где-то в начале июня родители записали нас — меня и брата — в пионерский лагерь в Паланге в двух километрах от немецкой границы — видимо, сами власти искренне верили, что никакой войны не намечается. Обстановка в лагере была неприятная, нас часто дразнили, кричали нам «жиды»¹, мы с нетерпением ждали возвращения домой. 22 июня ровно в 4 часа начался артобстрел, загорелись виллы и гостиница, где тоже были дети. Сначала подумали, что это, возможно, маневры, но все же нам дали команду идти к берегу и двигаться на север. Мы и пошли. Все были голодными, перепуганными, маленькие дети плакали, но мы шли и шли и дошли до городка Лиепая. Идем дальше, встречаем на перекрестке красноармейца: высокий блондин в совсем новом обмундировании. Сказали ему, что мы из Каунаса, хотим добраться домой. Красноармеец показал нам дорогу в сторону леса и сказал, что там, за лесом, расположена МТС (машинно-тракторная станция. — Э. Ф.), где много грузовиков, на которых нас отвезут до-

¹ «Жидас» по-литовски означает «еврей». Слово это легитимное, иного слова для названия «еврей» в литовском языке не существует.

мой. Мы туда пошли, но там уже стояли немцы. Мы стали срывать с себя красные галстуки...

Несколько дней всех нас держали вместе, но потом появились белоповязочники² и начали нами командовать. Правда, ни убийств, ни избиений не было, и в конце концов мы вернулись назад в Палангу. Там мы тоже были вместе с литовскими детьми, но в один прекрасный день раздалась команда: «Жи́ды, три шага вперед!» Нас отделили и привели в какое-то тесное помещение. Кушать нам не давали, мы нашли где-то старую картошку и ее ели. Потом нас построили и куда-то повели. По дороге к нам присоединялись еврей-дачники и местные евреи. Когда все собрались, нас загнали в две синагоги. В одну поместили взрослых мужчин, в другую — женщин с маленькими детьми и нас, подростков.

Как вас там содержали?

Мы оказались в страшных условиях: было ужасно жарко, но окна открывать не разрешали, воды не было, в туалет не выводили, кушать не давали совсем. И издевались молодые литовцы-белоповязочники. У них было оружие. Однажды ночью они ворвались в синагогу, приказали выйти всем мужчинам старше 15 лет, отвели их куда-то на окраину Паланги и там расстреляли. Мне было 13 лет... Потом нас стали выгонять на работы — заставляли разбирать бункера, оставшиеся от Красной армии, а еще позже переселили в какой-то дом или поместье. Но там было не лучше, чем в синагоге.

Сколько времени все это продолжалось?

Месяц. А через месяц нас перевезли в Каунас, где я встретил своих родителей. Мама чудом избежала IX Форта³, а папе

² Имеются в виду молодые литовцы из организаций, сотрудничавших с немецкими властями.

³ IX Форт — особо укрепленное сооружение, часть бывшей оборонительной линии, построенной перед Первой мировой войной для защиты западных границ Российской империи. В годы первой независимости Литвы служил тюрьмой для уголовных преступников и коммунистов. В годы

повезло, потому что он не походил на еврея и к тому же он выменял у крестьянина свою одежду на крестьянскую рубашу, и белоповязочки его не трогали. Вскоре после этого, 15 августа, нас закрыли в гетто. Страдали мы в основном от литовцев. Немцы нами совсем не интересовались. К концу месяца начались «акции». Окружили один район гетто, сообщили, что евреи будто бы стреляли в немцев, и за это должны быть наказаны. Окруженных людей повели в IX Форт под Каунасом, где их расстреляли. Стреляли только литовцы. Позже мы узнали, что это был 12-й батальон. Хотя ни один человек не вернулся, мы не верили, что их могли расстрелять, думали, что они где-то работают. Потом была вторая акция. Почти половину гетто вывели, сожгли при этом больницу вместе с больными и всех отправили в IX Форт и там тоже расстреляли. 28 октября 1941 года в гетто объявили, что всем жителям нужно явиться на осмотр на площадь Демократии. Я пошел туда с родителями, а дедушка и бабушка шли отдельно. Целый день мы там стояли, литовцы из охраны избивали людей, всячески издевались. Командовал ими офицер авиации бывшей литовской армии Шимкус. Конечно, было там много немцев. На следующий день примерно 10 тысяч человек отобрали и повели в IX Форт и всех расстреляли. Там были мои дедушка, бабушка, тети, дяди. Но оттуда сумел убежать один мальчик по фамилии Блох. Он и рассказал, что там произошло. Сам мальчик после этого сошел с ума. Потом в гетто наступило затишье: я учился в ремесленном училище, работал в мастерских, где и присоединился к подпольному движению. В подполье действовали две наиболее сильные организации: одна сионистская, другая — коммунистическая, во главе которой стоял писатель Хаим Елин.

нацистской оккупации IX Форт стал местом массовых расстрелов евреев (около 30 тысяч) и вошел в историю Холокоста в качестве одного из символов уничтожения европейских евреев, наряду с Бабьим Яром, Румбулой, Панарами.

Чем вы занимались в подполье?

Мы, мальчишки, играли роль связных — ведь телефонов и почты в гетто не было, — стояли «на шухере», когда подпольщики устраивали какую-нибудь встречу, воровали на немецких складах обмундирование для тех, кто уходил из гетто к партизанам, выполняли разные поручения подпольщиков.

Однажды нам объявили, что гетто ликвидируется, а вместо него создается концентрационный лагерь. Хотя все осталось жить в своих домах, и вроде бы ничего не изменилось, но дело в том, что в концлагере не могли находиться дети. 27 марта 1944 года началась так называемая «детская акция». Я в этот день работал в ночную смену, а утром к нам ворвались немцы и украинцы из зондеркоманды⁴. Они ругались, избивали нас, а потом вывели на площадь около ворот гетто, где стояли автобусы с замазанными белой краской окнами. Громко играла музыка, и под веселые мелодии в автобусы бросали детей, иногда вырывая их из рук матерей. Последними вошли в автобус мой двоюродный брат Хаймоле, которому было семь лет, мой брат, который был на два года моложе меня, и я. Но вдруг меня кто-то схватил за шиворот и выбросил из автобуса. «Этот уже может работать», — сказал человек по-немецки. Он дал мне пинка, и я побежал домой. Но картина была жуткая: дети и их родители истошно кричали, собаки лаяли. Были слухи, что эти автобусы шли то ли на IX Форт, то ли прямо в Освенцим, но как бы там ни было, больше никого из этих детей никто никогда не видел. После этого нам сообщили, что гетто переводится в Германию. Никто этому не поверил: раз гетто ликвидируется, значит, ликвидируются и его жители... Наши люди пробовали подкупить коменданта гетто, пообещав, что будут его защищать, когда придут Советы, а также обещали собрать ему много золота. Комендант очень

⁴ Зондеркоманды — специальные карательные отряды, состоявшие, как правило, либо из украинцев, либо из эстонцев, либо из литовцев или латышей. Подчинялись они гестапо и предназначались для самых грязных и кровавых операций по уничтожению различных гетто, массовых расстрелов евреев, а также для убийства партизан и им сочувствующих.

уважал председателя нашего совета старейшин — это был знаменитый врач — и обещал выяснить правду. Через несколько дней он пришел и сказал, что гетто действительно ликвидируется. Все. Когда мы подошли к воротам, чтобы выйти из гетто, сердца у всех бились со страшной силой: если поведут направо — это IX Форт, если налево, то это дорога в город, речь может идти о поезде. Моя мама шла впереди, я кричу: «Мама, мама!», и вдруг вздох облегчения — всех повернули налево. Но тут произошел жуткий эпизод. Одна женщина тащила очень тяжелый чемодан, и в какой-то момент поставила его на землю, чтобы передохнуть. Тогда из толпы зевак, которые смотрели, как нас выгоняют, выскочил литовский парень, подбежал, схватил чемодан и бросился наутек. Женщина заплакала навзрыд: «В чемодане моя дочка!» Кое-кто пробовал бежать. Вдоль дороги росли кусты — нас вели не на городской вокзал, а на какую-то боковую железнодорожную ветку за городом — вот в эти кусты кое-кто и нырял. Наконец, нас заперли в вагоны, и поезд тронулся. На следующий день мы прибыли на станцию Штутхоф⁵ на польской территории. Там поезд остановился, женщин и детей — и мою маму — выгрузили на станции. Я просил оставить меня с мамой, но мне не разрешили, и я продолжил путь с отцом. Мы доехали до разъезда, и тут кто-то сказал: «Если поезд повернет налево, то, значит, нас везут в Освенцим». Но поезд проехал прямо. Нас привезли в Германию, в город Ландсберг, на станцию Кауфенринг. Там находился один из многочисленных филиалов концлагеря «Дахау» — лагерь № 1. Нас выгрузили и пешком повели в лагерь. На другой день устроили смотр: велели построиться рядами и начали отбирать детей. Высокий немец проходил по рядам и с помощью палки вытаскивал детей. Я стоял в третьем ряду на каком-то бугорке: моя голова была вровень с головами взрослых. За мной стоял папа, и когда не-

⁵ Концлагерь «Штутхоф» находился в Польше, недалеко от Гданьска. Содержались в нем, главным образом, еврейские женщины и дети. В последние месяцы перед освобождением лагеря туда были отправлены также советские военнопленные. Кроме того, в этот лагерь отправляли и литовских интеллигентов, выступавших против немецкой оккупации Литвы.

мец в очередной раз проходил мимо нас, папа начинал стонать. Но я так и остался в строю, а 130 детей, которых немец отобрал, отправили в Освенцим (с этими детьми случилось чудо — почти все они остались живы).

Что случилось с вами?

Началась каторжная работа и ужасный голод. Правда, нам, тем, кому было лет пятнадцать-шестнадцать, помогали наши лагерные подпольщики. Итак, нас отправили на стройку, мы выкладывали железобетонную стену вокруг авиационного завода. Мне повезло, в конце концов я попал в слесарную мастерскую. Дело в том, что мой отец был слесарем, и когда выкрикивали: «слесаря есть?», папа отозвался, и его взяли в мастерскую. Я же вначале работал на стройке, но ребята из моего барака видели, что я с каждым днем таю, пожалели меня и уговорили мастера, старика-немца, взять и меня в мастерскую. Конечно, специальности как таковой у меня не было, и я даже не знал, что ответить на вопрос: «Кто ты?». Но передо мной стоял человек, который сказал, что он кузнец. Я тут же сообразил: «Я — помощник кузнеца!» Это меня и спасло — у меня был огонь, у меня было тепло, у меня была теплая вода и возможность варить шелуху, которую находили на мусорных кучах другие заключенные и приносили мне. Я получал примерно десять процентов того, что варил. Это было хорошее подспорье. 24 апреля (1945 года. — Э. Ф.) нам сообщили, что отправляют нас в Швейцарию, чтобы через Красный Крест обменять на немецких военнопленных. Нас выстроили и повели...

Куда, в Швейцарию?

В какую Швейцарию! Нас повели в Дахау. Там собрали множество заключенных из всех филиалов этого лагеря. Приближались американцы, и мы понимали, что с нами хотят покончить, чтобы замести следы. Пошли слухи, что нас хотят отравить. Но через день нас выстроили и отправили в «смерт-

ный поход»⁶. Мы должны были проходить по 20 километров в день, но нам ничего не дали с собой — голодные, босые, одетые в лохмотья люди падали замертво, как мухи. Когда мы поднялись в горы, там лежал снег, моросил холодный дождь, стало совсем невыносимо. Но того, кто отставал, эсэсовцы расстреливали на месте. Один эсэсовский офицер предложил расстрелять всю нашу группу, но начальник колонны приказал ему расстрелять не нас, а советских пленных.

Я уже совсем не мог идти, но отец — он был крепче меня — шел сзади и поддерживал меня. У меня же был двусторонний мокрый плеврит, я думал, что это мой последний день. День этот был первое мая. Тем не менее, до ночи я продержался, а ночью нас спустили в какой-то овраг. Эсэсовцы остались в своих машинах наверху. Мы завернулись с отцом в одеяло и уснули. Утром просыпаемся, стряхиваем снег с одеяла, и отец заставляет меня встать и начать двигаться: «Иначе ты просто умрешь». Встаю я, встают другие люди, смотрим вокруг — и, о чудо! — никаких эсэсовцев.

А кто же вокруг? Американцы?

Нет, вокруг никого, только чуть вдали виднеются деревенские домики. Отец говорит: «Наберись сил, дойдем до этих домов, я попрошу для тебя чего-нибудь горячего, это тебе поможет». Мы пошли и вдруг видим уйму людей вокруг дохлой лошади. Они рвут с нее мясо и кушают его сырым. Я попытался было оторвать кусок, но получил пинок под зад и отлетел на несколько метров. Это было моим счастьем — те, кто попробовали дохлятины, почти сразу умерли... Наконец мы до-

⁶ Как выяснилось на Нюрнбергском процессе, глава Главного имперского управления безопасности Э. Кальтербрунер дал указание уничтожить концлагерь «Дахау» вместе со всеми его узниками с помощью бомбардировок с воздуха. Но этот план не удалось осуществить, и тогда возникла идея отравить всех узников, что тоже оказалось нереальным. И уже после этого был отдан приказ отправить всех узников в горы без продовольствия, с тем чтобы все они погибли по дороге. Память о печально знаменитой «дороге смерти» увековечена специальными монументами, расставленными вдоль всего пути следования узников.

шли до деревни, постучали в один дом. Нам дали теплой воды со сладким сиропом.

Кто дал? Немецкие крестьяне?

Да, они. Дали без всяких разговоров. Они очень боялись, что американцы поступят с ними так же, как немцы поступали с нами. Мы побрели с отцом дальше, по дороге забрели в какой-то сарай, я упал без сил. Это было второго мая 1945 года.

Когда же появились американцы?

Всю ночь в горах громыхла артиллерия, слышались взрывы, короче, шли бои. Утром, когда я проснулся, услышал гул танков. Я, опираясь на палку, еле-еле дополз до шоссе и лег прямо на дороге. Передо мной остановился танк, из него вышел чернокожий солдат и, увидев меня, начал креститься — такой страшный вид у меня был. Солдат вернулся в танк и принес мне шоколад. Потом мы отправились к врачу, который всем давал одно и то же лекарство — карболен, древесный уголь. Тогда я подумал, что американцы изобрели универсальное лекарство. Я до сих пор ценю это лекарство и всегда держу его дома. После этого нас отвезли в бывшую уже больницу СС.

Кто отвез? Американцы?

Да, американцы. Но долго нас там не держали и отвезли во Фрайман, район Мюнхена, где была база люфтваффе. Там мы пробыли почти месяц, но американцы не очень о нас заботились — им было не до нас. Потом появились советские офицеры и сказали нам — ребятки, зачем вам здесь мучиться и голодать? Вы знаете, как вас ждут на родине. Вам нужно только добраться до Эльбы. Там вас оденут с головы до ног и даже авторучку вам дадут. Мы, «ребятки», были «лево» настроены,

считали, что Советский Союз спас мир от Гитлера, так что мы поверили и поехали.

Но каким образом в Баварии, в зоне американской оккупации, оказались советские офицеры?

У них был договор с американцами. Советские офицеры искали власовцев и других русских перебежчиков. Но никто не запрещал им агитировать и нас.

Известно, что большинство узников лагерей и других перемещенных лиц отправлялись тогда в Америку. Так что дело, наверное, не только в том, что вас агитировали советские офицеры. Чего-то вы ожидали от возвращения в Советскую Литву, на что-то надеялись?

Во-первых, я искал маму. Во-вторых, я был болен пневмонией, в легких стояла вода, и я почему-то решил, что меня сразу пошлют в Крым на лечение. В-третьих, на стройке в Ландсберге я приобрел хорошую специальность, я стал слесарем-арматурщиком. Думал, там, дома, все разрушено, все будут строить, будет работа и для меня. Детские мечты...

Что касается Америки, то о ней у нас не говорили. Говорили о том, что нужно остаться, а потом поедem в Палестину⁷.

Как вас встретили в советской зоне оккупации?

Когда мы переехали Эльбу, нас встретили пожилые советские солдаты и начали нас грабить. Они сказали, что ищут украденную винтовку, а забирали все, даже женское белье. Они отняли у нас консервы и все то, что нам дали американцы, а кто сопротивлялся, того угрожали забрать в армию. В общем, мы остались ни с чем. Спасло нас другое. Когда мы

⁷ В первые послевоенные годы в лагерях для перемещенных лиц на территории Баварии скопилось 300 тысяч беженцев — бывших узников концлагерей, гетто и других аналогичных мест, которые годами дожидались разрешения на въезд в Америку.

шли через Польшу, то в районах, которые оставили немцы, а поляки туда еще не пришли, было много брошенных домов. Мы шныряли по этим домам и находили кое-какое пропитание. Так добрались до Литвы.

Как вас встретили в Литве власти, были ли допросы, репрессии?

Литовскую, или уже советскую, границу мы прошли без проблем, я направился в Каунас, но где искать мать, не имел представления. И вот первого августа 1945 года я стою на главной улице — Лайсвес Аллее (Аллея свободы. — Э. Ф.) и не знаю, куда идти. Вдруг вижу парня, с которым учился до войны. Он увидел меня и обомлел: «Говорили, что вас всех убили!» — «Как видишь, не всех...» — «Куда ты идешь?» — «Я не знаю, куда мне идти, у меня никого нет». — «Твоя мама здесь, беги на улицу Угнягису». Но я не мог бежать, я едва ходил. Мой знакомый побежал сам и сказал моей маме, что я здесь, на Лайсвес Аллее. Мама тут же примчалась. Мы стоим друг перед другом и плачем... Вот так состоялась наша встреча. Тут же дала знать о себе болезнь, я очень мучился, но о нас никто не заботился, никто нам не помогал.

Но хотя бы паспорт вам дали?

Это было позже, в Вильнюсе. Моя бывшая учительница Елена Хацкелес, святой человек, помогавшая детям-сиротам, дала мне рекомендательное письмо к доктору Бениамину Блюдсу в Вильнюсе, который работал директором клиники МВД. Вот он-то и устроил меня в туберкулезную больницу. Да и паспорт я получил «по благу». Я был знаком со стариком Кановичем, отцом известного писателя Г. Кановича. Тот был портным и обшивал жену начальника милиции. Он мне и «устроил» временный паспорт на полгода. Так что страна, которая нас «так ждала», ничего для нас не сделала, палец о палец не ударила, все мы делали сами и помогали друг другу. Но в НКВД нас вызвали. Я уже от знакомых знал, какие вопро-

сы там задают, и подготовил ответы. Меня следователь спросил, почему в 1941 году я остался в расположении неприятеля. Я ответил — потому, что вы нас бросили. Следователь начал на меня кричать, угрожал, но в конце концов меня не тронули, а временный паспорт поменяли на постоянный.

Вы начали работать или пошли учиться?

Я начал учиться на подготовительных курсах на рабфаке. Проблема для меня была одна — литовский язык, ведь в школе я учился на идише, литовский знал едва-едва. В конце концов я окончил рабфак на все пятерки, одна четверка была по литовскому языку. После окончания поступил в университет на физический факультет.

Это большой успех для бывшего лагерника из Дахау, не правда ли?

И да, и нет. Ведь я мечтал поступить в школу Михоэlsa, стать еврейским актером. До войны я больше всего любил смотреть спектакли разных еврейских театров, и желание стать актером засело где-то глубоко в душе. Но к тому моменту, когда я кончил среднее образование, прошел год, как мой кумир, Соломон Михоэлс, лежал в сырой земле.

Так вот откуда появился в Советской Литве любительский Еврейский театр, Еврейский хор, танцевальный ансамбль — все то, что позже получило название «Еврейская самодеятельность»! Как же возникло это уникальное для СССР явление?

В довоенной еврейской Литве театры были очень популярны. В Каунасе было четыре еврейских театра, где выступали труппы со всего мира, а в многочисленных местечках всегда работали любительские драмкружки. Ни телевизоров, ни кинотеатров тогда не было, и театр все это заменял. Так вот, когда я только приехал в Каунас, я услышал, что такие любительские труппы уже существуют, играют в них те же люди,

которые играли до войны и остались живы. И режиссеры были те же, довоенные — Каплан, Эпштейн и другие, чьи имена я уже не помню. До поступления на рабфак я работал сапожником, и вдруг однажды ко мне пришел Каплан и попросил починить туфли. Я ему говорю: «Денег я с вас не возьму, только дайте мне какую-нибудь, хоть самую маленькую, роль в вашем спектакле». Каплан меня пригласил сыграть в какой-то пьесе, а позже принял в свою любительскую труппу.

В каком году это было?

Это было в 1946 году. Так что утром я работал, потом шел учиться, а после — репетиции, спектакли. Я играл в спектакле по Шолом-Алейхему «200 000» и был на седьмом небе от счастья.

Где вы выступали, был ли у вас зритель?

Прежде всего, в Вильнюсе. Тогда там — до эмиграции в Польшу — проживали 25 тысяч евреев⁸. Потом Каунас и маленькие города Литвы. Так что недостатка в зрителях не было. Продолжались наши выступления до 1948 года, когда к нам все чаще стали приходить люди «оттуда» и говорить: «То, что вы делаете, — это становится опасно. Лучше расходитесь, ребята, подбру-поздорову, а то...» И все прекратилось вплоть до лета 1956 года, когда те же люди, что играли в любительских еврейских труппах, начали искать пути, как восстановить

⁸ Автор имеет в виду репатриацию в Польшу бывших польских граждан (1948—1957). Сталин разрешил эту эмиграцию, чтобы помочь коммунистической Польше заселить западные, бывшие немецкие, земли. Немцы с этих земель были изгнаны, но у Польши, потерявшей в войне миллионы граждан, не хватало человеческих ресурсов, чтобы их заселить. Правом на репатриацию тогда воспользовались полтора миллиона человек, из которых от 20 до 30 тысяч были евреями, сумевшими доказать свои «польские корни». Практически все евреи воспользовались возможностью выехать в Польшу для того, чтобы перебраться в США или Палестину, так как в Польше не существовало строгих ограничений на эмиграцию из страны.

то, что было в первые послевоенные годы. Но все усилия разбивались о нерешительность литовских чиновников от культуры. Никто не говорил «нельзя», но никто не говорил «можно». Все боялись, но, в конечном счете, нам повезло. В 1953 году в Литву начали возвращаться литовцы-эмигранты из Аргентины. Коммунисты и им сочувствующие. Среди них был человек по фамилии Лейкявичус, который до войны жил в местечке, общался с евреями, знал идиш и в Аргентине тоже дружил с евреями. Так вот его, «зарубежного» коммуниста, за какие-то заслуги назначили директором только что построенного Дворца культуры профсоюзов. К нему и обратился скрипач из вильнюсской филармонии Берл Цесарскис. Он был совершенно «кошерный», воевал в Советской армии в рядах 16-й литовской дивизии, потерял всю семью... Так вот, Цесарскис надел все свои ордена, пришел к Лейкявичусу и задал ему вопрос: «Почему при Дворце культуры профсоюзов существуют любительские украинские, польские, белорусские театральные коллективы, а еврейских нет? Разве мы здесь не живем? А ведь у нас есть много способных людей, которые уже играли в еврейских любительских театрах!» Лейкявичус, не зараженный антисемитизмом советских бюрократов, как русских, так и литовских, тут же согласился с предложением Цесарскиса. Мы недолго думая собрались и начали репетировать. Первый концерт драматического коллектива состоялся 27 декабря 1956 года. Маленький зал на 250 человек был переполнен, нас принимали «на ура». Потом был второй концерт, потом третий — дело пошло. Позже возник и хор, и танцевальный ансамбль. Когда об этом стало известно большому начальству, было уже трудно «делать аборт» — нас закрывать, это выглядело бы слишком вызывающе. К тому же в стране в самом разгаре была «оттепель», так что в каком-то смысле мы — дети оттепели! Тем не менее, нас всячески ограничивали, постоянно «закручивали гайки». Например, нам не разрешали развешивать афиши — ведь они были написаны на языке идиш! Мы, конечно, находили лазейки, развешивали наши афиши в парикмахерских, магазинах, в мастерских... При всем том, наши профессиональные аппетиты росли: мы уже ставили

многоактные спектакли, расширяли репертуар, привлекали способную молодежь. Но театральной сцены у нас не было, ни один театр не разрешал нам выступать в его помещении — им это запрещали свыше! И все же нам снова повезло. В 1957 году в Москве должен был проходить Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Должна была там участвовать и молодежь из Литвы. Но на это не хватало средств. Тогда наш руководитель Б. Цесарскис пошел в ЦК Комсомола Литвы и предложил: «Вы достаете нам театральную сцену, а мы отдаем вам все сборы со спектаклей». Так нам удалось выступить в республиканском Театре оперы и балета. Но потом снова начались ограничения и запреты, главные из которых — запрет на гастроли. В столицах — Минске, Ленинграде и Москве — это было категорически запрещено. А ведь в Москве жили четверть миллиона евреев, часть из которых помнила идиш — это была наша публика. Конечно, мы как-то изощрались гастролить то тут, то там, но все наши гастроли проходили на окраинах городов в каких-то неизвестных клубах и, конечно, без всякой рекламы. Короче, власти делали все для того, чтобы мы были, и одновременно, чтобы нас не было. Между тем мы продолжали выступать в Вильнюсе, дважды отмечали большими спектаклями годовщины восстания в Варшавском гетто, юбилей Шолом-Алейхема и т. д. Кроме всего прочего, был запрет на исполнение песен на иврите, особенно тех, которые были популярны в Израиле. Правда, мы и тут находили лазейки. Я выходил на сцену, объявлял: «Слова мои, музыка народная», и хор исполнял израильскую песню. Однажды я купил в магазине пластинку популярного в СССР американского певца Дина Рида «Песни народов мира». К моему удивлению, Рид исполнил и знаменитую израильскую песню «Хава нагила». Я тут же помчался к начальству и сказал: «Вот видите, эта пластинка официально вышла в СССР, почему нам нельзя исполнить песню, которую поет Дин Рид?» И мне разрешили с тем, чтобы я объявил со сцены: «Песня из репертуара Дина Рида». Так вот мы и крутились...

Как повлияла на вас и других участников «Еврейской самодеятельности» Шестидневная война 1967 года?

О, колоссально повлияла! Литовским евреям, евреям Вильнюса не надо было объяснять, что такое Израиль и что там происходит. В Израиле почти у всех были родственники, шли письма, приезжали туристы, почти все слушали израильское радио. Известие о начале войны мы восприняли как личное горе, многим казалось, что Израилю пришел конец, но через шесть дней не было предела нашей радости...

Тогда-то вы и другие участники «Еврейской самодеятельности» решили уехать в Израиль?

Все было не так быстро и не так просто. Сначала у нас возник раскол. И вот по какому поводу. В 1971 году в Брюсселе должна была состояться Конференция в защиту советских евреев⁹. Конференция вызвала большой интерес в мире, на нее собрались приехать многие выдающиеся люди из Европы и Америки. Готовились к ней и в Москве. Власти решили направить туда двух «дрессированных евреев» — главного редактора единственного в СССР журнала на идише «Советише геймланд» («Советская родина». — Э. Ф.) Арона Вергелиса и генерала в отставке Давида Драгунского. Им поставили задачу «противостоять сионистам» и, в частности, доказать, что в СССР существует еврейская культура. Для этого посланникам Кремля потребовался соответствующий фильм. А где его взять? Конечно, снять наш Вильнюсский коллектив! Так вот, вызвали меня и второго руководителя «Самодеятельности» Мишу Пьянко к начальству и говорят, что так-то и так-то, нужно снять фильм о наших коллективах и показать всему миру, что в СССР существует еврейская культура. В ответ я заявил, что в комсомоле меня учили не врать. А я все время вру и вру, и я устал врать. Какая еврейская культура в СССР! Нет ее. Я стал говорить, какие препятствия нам чинят везде и во всем.

⁹ Речь идет о Всемирной конференции солидарности с советским еврейством, которая состоялась в Брюсселе 23—25 февраля 1971 года.

Особенно на гастролях. Я выложил им факты притеснения и даже издевательств над нами. Пьянко меня полностью поддержал. Короче, мы отказались выступать в качестве подставных лиц. Понятно, после этого мы стали персонами нон грата, нам пришлось уйти, бросить свое детище, которому мы в течение многих лет отдавали все свои силы. Но случилось так, что вместе с нами коллектив стали покидать другие участники, главным образом молодежь. Осталось там лишь незначительное меньшинство, которое практически неспособно было продолжить дело.

Когда это случилось и что произошло дальше?

Это случилось в январе 1971 года. А дальше? Мы — костяк нашей группы — собрались и решили: будем подавать документы на выезд. Это было рискованно во всех отношениях, начиная с того, что тебя выгонят с работы, начнут травить детей в школе, кончая... тюрьмой. Но мы решили — будь что будет, больше в этой стране мы жить не можем! И началась новая эпопея — борьба за выезд. Сначала нужно было получить вызов из Израиля. Это не всегда было просто — КГБ могло вызов и не пропустить. Затем надо было собрать массу документов. Самое сложное при этом — получить характеристику с работы, в которой обязательно должна была быть сделана приписка: «Дана для представления в ОВИР для получения разрешения на выезд на постоянное место жительства в Израиль. Характеристика обсуждена на собрании трудового коллектива». Вот тут-то начинались настоящие бои. Начальство ни за что не хотело такие характеристики давать. Часто ставили условие — дадим, но при условии, что ты тут же уволишься. Потом начинались собрания, где тебя клеймили как врага, агента империализма и сионизма, а то и шпиона. Но все это — лишь цветочки, ягодки были впереди. Подав документы, нужно было неопределенное время ждать ответа. А ответ был один — «Отказано!» Почему, отчего и когда ждать разрешения, никто вам не объяснял. Максимум: «Через год можете подать снова». Тем не менее, терять нам уже было нече-

го, мы включились в борьбу, которую вели наши активисты-отказники. Мы писали коллективные письма во все советские инстанции, включая самого Брежнева, а также за границу — в ООН, президентам, премьерам всех демократических стран. Потом мы стали коллективно ходить в приемные МВД Литвы, ЦК Компартии Литвы, и, наконец, 22 июня (1971 года. — Э. Ф.) устроили голодовку в Москве в здании Центрального телеграфа. Приезжали иностранные корреспонденты, нас фотографировали, расспрашивали, принимали от нас индивидуальные и коллективные письма, чтобы опубликовать их за границей. Я уж не говорю о простых людях, которые собирались и диву давались — еврейская забастовка с лозунгом: «Отпустите нас в Израиль!»! Такого москвичи еще не знали!¹⁰ Короче, для властей это было как разорвавшаяся бомба.

Чем же эта забастовка кончилась?

Тем, что всех нас арестовали, отвезли на вокзал и принудительно, под охраной, отправили в Вильнюс.

И все?

Нет, не все. Именно с этого момента лед тронулся: мы стали получать разрешения. Не все, конечно, кое-кто застрял на годы, но большинство вильнюсских и каунасских евреев в 1971—1972 годах уехали в Израиль. А когда все туда перебрались, мы возродили наше детище, Вильнюсскую еврейскую самодеятельность. Теперь уже под названием «Анахну канн» («Мы здесь», иврит. — Э. Ф.) мы гастролировали по всей стране и, что там, — буквально по всему миру! США, Канада, Европа, Латинская Америка, а после того, как Литва в 1991 году получила независимость, мы побывали и там. И что Примеча-

¹⁰ Первое открытое письмо в Комитет по правам человека ООН направила 6 августа 1969 года группа из 18 глав семей грузинских евреев. Грузинские же евреи (36 человек) провели первую голодовку на Центральном почтамте Москвы.

тельно, когда одни поколения наших актеров, танцоров, певцов сходили со сцены, на смену им приходили новые, причем часто из числа местных ребят и девчат, чьи деды изгоняли в Израиле язык идиш и идишистскую культуру, травили ее приверженцев.

Так прошли семьдесят лет с тех пор, как я покинул Дахау, и сорок лет, как я покинул Советский Союз.

* * *

Томас Венцлова (1937, Клайпеда), литовский поэт, переводчик, филолог-славист, публицист и общественный деятель (один из основателей Литовской Хельсинкской группы, 1976), профессор Йельского университета (США)

Хотели бы вы что-то добавить к рассказу М. Мойзеса?

Сначала я бы хотел прокомментировать некоторые места в том, что рассказал г-н Мойзес. Он, например, пишет, что его семья была рабочей и придерживалась просоветских взглядов. Любимый миф в Литве — что все евреи придерживались просоветских взглядов в эпоху довоенной независимости. Это не так. Было много религиозных евреев, которые по определению не могли быть просоветскими. Было много еврейских буржуа, среди которых большинство, естественно, не было просоветским, хотя кто-то мог на всякий случай флиртовать с компартией, такие случаи я знаю. И были сионисты, стремления которых никак не совпадали со стремлениями коммунистов. Если взять все эти группы (которые в какой-то мере пересекались), то их было огромное большинство. Конечно, попадались просоветские евреи, так же, кстати, как и просоветские литовцы. Может быть, среди евреев процент был несколько больше, потому что немалое количество евреев принадлежало к городской бедноте, пролетариату, и там коммунисты имели свои кадры. Литовцы были в основном кре-

ствиями, а с крестьянами коммунистам всегда бывало гораздо труднее.

Вы моложе г-на Мойзеса, но и вам пришлось познать, что такое немецкая оккупация. Как все это виделось «с другой стороны»?

В начале войны г-н Мойзес был, насколько понимаю, уже пионером, то есть ему было лет десять или больше. Я был тогда трехлетним мальчиком. Мой отец принадлежал к просоветской прослойке литовцев и стал даже наркомом просвещения. Я это все не слишком ясно помню. Когда началась война, отец уехал, говорили: «эвакуировался», но на самом деле это было всеобщее бегство коммунистических и прокоммунистических слоев. Бежала, например, знаменитая поэтесса Саломея Нерис, столь же знаменитый прозаик Пятрас Цвирка — кстати, отец с ними обоими дружил. Немало таких людей оказалось в России, из них даже создали (не только из них, но в большой степени из прокоммунистических беженцев) так называемую «Литовскую дивизию». Туда призвали и литовцев, несколько поколений которых прожили в России (в Сибири и других местах — иногда это были потомки царских ссыльных, еще помнившие литовский язык). Призвали и литовских евреев, которым удалось сбежать от нацистов — они составляли чуть ли не половину дивизии. Ну вот, мой отец оказался в России, был связан с Литовской дивизией, а мать в хаосе войны потеряла с ним контакт, со мной, трехлетним, осталась в Литве, была арестована. Арестовали ее так называемые «белоповязочники», о которых г-н Мойзес немало говорит. Что это такое? Сейчас это называется «июньским восстанием». В момент начала войны довольно большие группы литовцев надели белые повязки, некоторые из них были вооружены, некоторые нет, но доставали вооружение и стали брать власть в свои руки. Красная армия бежала в полном беспорядке, НКВД оставил даже некоторые свои архивы — не успел или не смог сжечь, хотя в таких ситуациях в любой стране положено секретные архивы уничтожать. Архивы попали

в руки «белоповязочников», потом немецких властей, и кое-что из этого было тогда опубликовано — тексты, надо сказать, достаточно страшные. Предполагалось, что «белоповязочники» будут выгонять Красную армию из Литвы — в какой-то мере они этим и занимались, но в малой мере, поскольку эта армия и без их усилий драпала на восток. Но значительное их количество занялось решением «еврейского вопроса».

Предмет этот очень сложен, и мне бы хотелось сохранять полную объективность. Восстание против сталинского режима было легитимным. Люди имели полное право и даже, пожалуй, обязанность воевать против этого режима и вообще против советской оккупации. Но, увы, с самого начала в это была подмешана черная струя. Руководство восстанием осуществлялось в основном литовскими эмигрантами, которые находились в Берлине. Естественно, они вступили в отношения с германскими властями, ожидая, что нацисты позволят воссоздать независимую — формально независимую, прусскую Литву. Дескать, как дальше будет, посмотрим, главное — объявить независимость, стать чем-то вроде Словакии или, еще лучше, — Финляндии. Ради этого они пошли на поклон к Гитлеру и обязались исполнять главные директивы нацистского правительства Германии — прежде всего, по отношению к евреям. Нацисты помогли им — снабжали оружием, обеспечивали логистику. В программе возникшего тогда правительства — оно называлось «Временное правительство Литвы» — были вполне пронацистские моменты, касающиеся «еврейского вопроса». Была дана индульгенция: евреи ставятся вне закона, с ними можно делать все, что хочешь. Естественно, многие стали делать, что хотели, и обо всем этом г-н Мойзес пишет.

Моя мать была арестована, и первый вопрос следователя-белоповязочника к ней был, не еврейка ли она, тем более что отчество у нее Мельхиоровна. Мельхиор — это же еврейское имя! На это мать заявила: «Нет, это католическое имя, Мельхиор — один из трех волхвов, которые поклонились Христу, у литовцев это имя встречается, хотя и довольно редко». Что было правдой. Она действительно не была еврейкой — была

литовкой, то есть «арийкой», и католичкой. На это следователь сказал: «Известно, что все литовские наркомы женаты на еврейках». В этом тоже была доля истины — за коммунистов литовские девушки, как правило, не выходили, они были крестьянки и ревностные католички. А городские, я бы даже сказал — более цивилизованные — еврейские девушки иной раз завязывали романы с коммунистами, и таких случаев было не так уж мало. Мать довольно долго держали в тюрьме, выясняли ее происхождение. Наконец выяснили, что она арийка и католичка, и через три месяца отпустили под гласный надзор полиции. Еврейкам, конечно, так повезти не могло. В современной Литве существует тенденция делать из июньского восстания некую героическую страницу литовской истории. На мой взгляд, это глубоко неверно, даже постыдно, и Литва должна бы заявить раз и навсегда, что она категорически не относит это восстание к числу положительных, тем более героических, исторических фактов. Этого до сих пор не сделано — не знаю, будет ли сделано вообще.

Немцы не оправдали ожиданий литовской группы, которая вступила с ними в контакт. Они заявили, что Литва будет управляться просто немецкой администрацией, а «временное правительство» может разойтись. Оно и разошлось, затаив на немцев некоторую обиду. В Словакии или Хорватии подобные правительства долго еще действовали и весьма и весьма себя запятнали. Литовское же правительство действовало около двух месяцев, хотя тоже успело себя запятнать. Если бы немцы позволили и дальше ему действовать, было бы, наверное, еще хуже. Во всяком случае, это далеко не светлая страница литовской истории.

Что касается меня, то я, трехлетний, оказался у чужих людей на руках. Мать сидит — я об этом, естественно, не знал. Отец в Москве — я об этом тоже не знал. Это была травма, которая, видимо, как-то отразилась и на моем характере, на всей моей биографии — такую травму я ни одному ребенку не пожелал бы. Потом мать вернулась, и стало как-то легче. Мы дождались возвращения советских войск, что для нас с матерью было все же избавлением. Для огромного большинства литов-

цев это было не так. Для тех евреев, которые уцелели в гетто, — таких было уже очень немного в 1944 году — это тоже было избавлением, освобождением. В этом смысле судьба нашей семьи была похожа на судьбу евреев. Но огромное большинство литовцев восприняло это как новую оккупацию, может быть, даже худшую, чем немецкая, с точки зрения, так сказать, литовских национальных надежд. Так оно продолжает быть до сих пор. В этом есть определенный резон — действительно в 1944 году вернулась сталинская оккупация, которая привела к репрессиям, депортациям, к полному подавлению общественной и культурной жизни.

Современные российские интеллектуалы — философы, писатели, теологи — часто говорят о том, что в Советской России далеко не все — и не всё — знали о существовании лагерей ГУЛАГа, а об Освенциме вообще едва слышали. Соответственно и осмыслить, оценить эти явления они не могли. В Литве никто не может сказать: «ГУЛАГ и Освенцим мы не заметили...» Гидра ГУЛАГа терзала Литву начиная с первых дней оккупации в 1940 году и кончая кровавыми событиями у телебашни в Вильнюсе в 1990-м. Что касается Освенцима, то четырехлетняя немецкая оккупация привела не только к истреблению литовского еврейства, но и к немалым жертвам среди литовского населения, к постоянному страху, к огромным материальным потерям. И, что очень важно, к расколу общества, когда один брат служил в зондеркоманде, а другой прятал еврея в своем подвале...

В межвоенное время в Литве многие евреи в определенном смысле принадлежали к элите. Городские жители, жители местечек в основном были евреи. Литовцы были крестьянами. Евреи были более грамотными, более активными. В торговле, в финансовом деле, в интеллигентских профессиях они, несомненно, играли значительную роль, и, когда началась конкуренция, разумеется, по адресу евреев стали выдвигать обвинения. Существовала и традиция литовского антисемитизма — по крайней мере, с XIX века. Раньше были просто две общины, которые жили изолированно друг от друга, но в кон-

це XIX века, с развитием капитализма, они стали сталкиваться на экономической почве, на почве интеллигентских профессий, возникла определенная вражда. Многие деятели литовского национального движения допускали антисемитские высказывания. Не все, но многие, в том числе Винцас Кудирка, автор национального гимна, вообще-то человек, скорее, левых и цивилизованных взглядов. То же самое касалось ряда — тоже не всех — католических священников, у которых сохранилась старая католическая традиция — «евреи Христа распяли», евреи прокляты, еврейский народ как бы выброшен за пределы истории. Правда, были священники, которые на слова «евреи Христа распяли» отвечали: «Все мы распинаем его ежедневно и ежечасно». В первые годы литовской независимости, в двадцатые годы, победило умеренное, спокойное отношение. Среди литовцев, как среди каждого народа, были филосемиты, были люди нейтральные, которые относились к человеку не по его происхождению, национальности, религии или языку, а по его человеческим качествам. И таких людей было довольно много. К концу тридцатых годов ситуация стала портиться, возникло молодое поколение националистов и католиков, в нем были многочисленные лица, склонявшиеся в сторону Германии, полагавшие, что немецкий опыт следовало бы использовать. Именно они оказались, так сказать, первой скрипкой во время июньского восстания.

Конкретно об Освенциме литовцы во время войны знали, наверно, немного, но о немецких лагерях, конечно, знали. В эти лагеря попадала и литовская интеллигенция. В них истреблялись русские военнопленные, которым ни один литовец даже сочувствовал. И, разумеется, невозможно было не знать об истреблении евреев, хотя его размах и все детали были известны не каждому.

В постсоветской России темы «ГУЛАГ» и «Освенцим» перестали быть запретными. Тем не менее, для режима, который предпринимает максимум усилий, чтобы вырастить «нового российского человека» — патриота и антизападника, необходимо не только воссоздать образ врага, но и навязать ему «безупречную»

версию отечественной истории. Понятно, ГУЛАГ — лишь помеха этой мифологизированной истории. Официальная пропаганда либо его не замечает, либо преподносит как некое случайное и малозначительное явление в цепи непрерывных побед и достижений русского народа. Само собой, работа по изучению и увековечению памяти о ГУЛАГе на официальном уровне практически не ведется. Лишь очень небольшая часть общества знает и помнит об этом страшном периоде жизни страны, лишь некоторые инакомыслящие интеллектуалы не боятся говорить о ГУЛАГе. Что же касается Освенцима, то власти предпочитают делать вид, что России это вообще не касается. Освенцим, дескать, явление чисто западное: там евреев уничтожали, там и должны расплачиваться. СССР же спас мир от нацизма, а евреев — от поголовного истребления. Но ведь чуть ли не половина жертв Холокоста жила на территории бывшего СССР! При этом помощи от властей никто из них не дождался. Любопытно и другое. Если в вопросе о ГУЛАГе властям все же кто-то противостоит, то в части Холокоста «народ и партия едины». Характерный пример. Отвечая на вопрос писателя Бориса Хазанова: «Что думают о Холокосте в современной России?», один из независимых московских интеллектуалов Григорий Померанц ответил просто: «Что нам ваш Холокост, нам своего ГУЛАГа хватает!» Если сегодня в России и существуют какие-то институты памяти о Холокосте, то все они — искусственно привнесенные на российскую почву «продукты» зарубежных еврейских организаций, их филиалы и т. д.

Другое дело Литва. Преступления нацистов и коммунистов там официально осуждены, отрицание Холокоста и преступлений советского режима преследуется по закону. Что касается еврейских организаций, то деятельность их ничем не ограничена. Верно, проблем, особенно связанных с возвращением еврейской собственности, здесь еще много, но, в общем и целом, Литва, став членом ЕС и НАТО, явно стремится жить по законам, принятым в Европейском сообществе. Но все это на официальном уровне. А что думают и что говорят об Освенциме и ГУЛАГе в современном литовском обществе? Выкристаллизовался ли там консолидированный взгляд на эти две трагедии Литвы, или все это по-прежнему разделяет общество? Готовы ли сегодня в тех или иных

кругах трезво взглянуть на то, что произошло с Литвой в XX веке? Готов ли кто-то взять на себя часть ответственности за прошлое, хотя бы во имя будущего? Вдохновляет ли кого-то в Литве пример современной Германии, где политика покаяния и примирения дала блестящие результаты?

К сожалению, вдохновляет недостаточно. Я внимательно слежу за интернет-порталами и прессой в Литве. Сам я в Литве не живу, но бываю часто и даже выступаю — в тех же интернет-порталах и в той же прессе появляются мои высказывания. Сейчас весы находятся как бы в положении относительного равновесия. То есть, несомненно, существуют группы людей, существуют публичные высказывания вполне разумные, честные и достойные. Их даже чуть больше, чем я ожидал. Но, с другой стороны, существует большая группа людей другого толка — в общем, это правая часть населения. Существуют экстремисты, особенно в Каунасе. Правая сторона политического спектра, к сожалению, часто блокируется с этими экстремистами, национальными радикалами — в погоне за головами (они проиграли выборы, но надеются следующие выиграть), в погоне за рейтингами, за популярностью, а иногда, наверное, и по каким-то идейным, принципиальным соображениям. Считается, что говорить правду о ситуации во время войны означает оскорблять литовский народ, который, дескать, столько вытерпел от Сталина и коммунистов, что это смывает с него любые грехи. Думаю, *summa summarum* таких взглядов придерживается больше половины. Пока еще больше половины.

Приведу пример, очень для меня важный. Недавно произошло перезахоронение господина Амбразявичюса, который, кстати, сменил свою фамилию в Америке (даже раньше) на Бразайтис, то есть он выступает то как Амбразявичюс, то как Бразайтис. Это был правый католический деятель, который до войны занимался в основном культурными делами — издал, скажем, учебник мировой литературы для гимназий. Кстати, совсем неплохой, цивилизованный учебник, я в ранней юности прочел его не без пользы для себя. Но Амбразя-

вичюс оказался — отчасти волею обстоятельств — во главе временного (пронацистского) правительства. На нем лежит ответственность за антиеврейские законы и за то, что временное правительство объявило о своей верности принципам «новой Европы», то есть Гитлера — преклонилось перед Гитлером в надежде на то, что он поможет восстановить какую-никакую литовскую независимость. Они, несомненно, рассматривали разные варианты. Но большинство из них думало, что Германия войну выиграет и придется с немцами как-то сотрудничать. Исходя из этого, они и строили свою политику. Амбразявичюс не только не остановил убийства и погромы, но в каком-то смысле дал им индульгенцию — через печать, через правительственные манифесты все это поощрялось. Вот его и решили торжественно перезахоронить. Это был любимый проект, насколько понимаю, Витаутаса Ландсбергиса и близких к нему людей. Кстати, отец Ландсбергиса был министром этого временного правительства. Говорят, что он помогал евреям (единственный, кстати, из всех этих министров), что он ужасался погромам. Мне об этом почти ничего не известно, но вполне возможно, что так и было. Но в любом случае это стало любимым проектом правых — привезти прах Амбразявичюса из Америки в Литву и перезахоронить у главного каунасского собора, примерно как если бы Петэна перезахоронили в парижском Пантеоне. Ответственные лица меня даже спрашивали, как я к этому отношусь, не могу ли дать какой-нибудь совет. Я сказал, что у нас страна демократическая: так же, как во Франции могут быть поклонники Петэна, в Испании — поклонники Франко, у нас могут быть поклонники Амбразявичюса. Само по себе это не преступно, и поклонники имеют право его захоронить. Но власти не должны поддерживать это ни единым словом и ни единым центом. Ну, власти публично не присоединились. На перезахоронении был Ландсбергис как частное лицо. Был и бывший президент Адамкус — думаю, это огромная его ошибка. Но власти дали все-таки на перезахоронение деньги. Мне, да и не только мне казалось важным выразить протест против этого деяния. Причем протест этот, на мой взгляд, должны были выразить не только люди еврейского происхождения, но и эт-

нические литовцы, потому что это наше внутреннее литовское дело, а не просто еврейско-литовский конфликт (как его многие характеризуют). К счастью, удалось это сделать — около двадцати человек, историков и политических деятелей, даже один национальный герой, Томас Шярнас, даже одна известная деятельница эмиграции подписали открытое письмо по поводу перезахоронения Амбразявичюса. Что касается меня, то я, между прочим, Амбразявичюсу даже чем-то обязан — именно он был тем, кто отпустил мою мать на свободу. Он был ее учителем в средней школе, знал, что она арийка и католичка. Но, думаю, никогда бы этого не сделал, если бы она на самом деле была еврейкой. Реакция на это письмо протеста была очень острой. Некий национальный радикал назвал нас «квистингами», что достаточно смешно, потому что именно Амбразявичюс вполне соответствует всем характеристикам «квистинга». Этот радикал даже написал в интернет-портале: «запомните их фамилии». То есть рано или поздно нам покажут «кузькину мать». На днях я прочел в Интернете: «Опять муссируется миф, что Амбразявичюс был пронацистом». Простите, это не миф, это факт. Его правительственные заявления, которые вполне доступны, опубликованы и перепубликованы, доказывают, что он солидаризировался с нацизмом, даже если позднее от него отошел. Далее говорится: «Миф этот полезен только Кремлю, и все эти люди, вероятно, куплены Кремлем». Что, на мой взгляд, абсолютный бред. Вот такая реакция до сих пор более часта в Литве, чем реакция трезвая и достойная. Но, слава богу, есть трезвые и достойные люди, и надеюсь, что их будет становиться больше.

МЫ ИЗ СТРАНЫ ГАЙДАРА

Бенедикт Сарнов (1927, Москва), литературный критик, публицист, писатель

Ваш долгий — 60 лет! — и исключительно плодотворный труд связан с советской литературой и ее творцами — писателями. Кажется, вы знаете здесь все и обо всем. Уверен, от вашего внимания не ускользнул тот факт, что среди советских писателей — значительных, средней руки и совсем посредственных — несоразмерно много евреев. Но вот вопрос: именно среди писателей еврейского происхождения, скажем так, наблюдается чуть ли не сплошное дезертирство из еврейства: смена имен, фамилий, а также демонстративное, порой — кичливое обращение в православие. Часто эта маскировка весьма несурозна, часто — смешна, а то и просто нелепа, но нет сомнения — популярности у читателей она никому не добавила.

Так чем вы можете объяснить эту писательскую тягу к дезертирству — отсутствием национального сознания или чем-то еще?

Владимир Жаботинский в одной из ранних, дореволюционных статей («К юбилею Шевченко», 1911), рассуждая о национальном самосознании народа — любого народа! — и с уверенностью утверждая незыблемую прочность, нерушимость этого национального самосознания, вскользь с нескрываемым презрением заметил: «...сколько бы ни лжесвидетельствовали о противном разные эксперты из национальных оборотней».

Несмотря на жесткую безапелляционность этого замечания, ему все же показалось, что сказанного недостаточно, и он счел необходимым тут же добавить: «Эксперты этого рода столь же компетентны в оценке национальных чувств того народа, от которого они отстали, сколь компетентен дезертир в оценке патриотизма и боевого духа той армии, из которой он сбежал».

Если следовать этой убийственной логике, я менее всего гожусь на роль эксперта, способного судить о национальном самосознании моих соплеменников. Ведь я как раз и есть тот самый «национальный оборотень». Ну, если не оборотень, так уж во всяком случае — дезертир. Но думаю, тем не менее, что сомневаться в моей компетентности все же не следует, поскольку вся армия, о состоянии духа которой идет речь, состояла из таких же дезертиров. Да и не сами, не по своей воле оказались мы дезертирами...

По чьей же?

Вероятно, каждый человек может отнести к себе ставшие крылатыми слова, брошенные в мир Антуаном де Сент-Экзюпери: «Я родом из страны моего детства...» Так вот, я хочу рассказать о стране, из которой мы родом, — я, мои товарищи по несчастью, люди одного со мною возраста и сходной с моей судьбы. Но как это сделать? Не описывать же ее географию, историю, царящие в ней законы... Все это тоже, быть может, представило бы известный интерес, и не только для историков. Но у меня иная цель, совсем другая задача. Я жил в той стране, дышал ее воздухом, когда он еще не рассеялся. Я помню, как особенно, по-своему преломлялись лучи в ее атмосфере. Но чтобы воспроизвести эту исчезнувшую атмосферу, я вынужден буду то и дело прибегать к цитатам. Больше всего цитат будет из книг Аркадия Гайдара. Собственно, ту страну, о которой пойдет речь, по справедливости следовало бы именовать «страной Гайдара».

Итак — «страна Гайдара».

Для начала — о некоторых свойствах народонаселения этой страны. Вернее, только об одном его свойстве: о его, так сказать, национальной принадлежности. Главный герой повести Гайдара «Военная тайна», шестилетний малыш Алька, — «полукровка». Отец его — русский инженер Сергей Ганин, а мать — молдавская еврейка Марица Маргулис.

Если бы Алька вырос и дожил до наших дней, это обстоятельство оказалось бы для него чревато множеством весьма болезненных проблем. Почти наверняка возникли бы у него в связи с этим какие-то мучительные комплексы. А если бы даже и не возникли, в глазах довольно многих его соотечественников он навсегда остался бы человеком не совсем полноценным, «порченным». «Порченным» в их глазах является не только тот, у кого половина еврейской крови, но даже и тот, у кого этой чужой крови всего лишь четвертушка. Существуют у них на этот счет даже специальные условные обозначения: «Половинка», «Четвертинка»... В одной статье, опубликованной в журнале «Наш современник», детей от смешанных (разумеется, смешанных с евреями) браков сравнивали с мулами, которые — цитирую: «будучи помесью кобылы с ослом, изворотливы, хитры и коварны».

Но в «стране Гайдара» таких проблем не возникает. Там все решается просто:

— Папа у меня русский, мама молдавская, а я какой? Ну, угадай.

— А ты? Ты советский. Спи, Алька, спи...

И Алька, полностью удовлетворенный этим ответом пионервожатой Натки, спокойно засыпает.

«Страну Гайдара» населяют люди с необычными, какими-то **вненациональными** именами: Тимур, Бумбараш, Иртыш, Чук, Гек, Алька, Гейка, Натка... (именно «Натка», а не «Наталя»). На первый, поверхностный взгляд, эта вненациональность гайдаровских героев роднит созданную этим писателем страну с другой страной, созданной воображением другого литератора, жившего и творившего в ту же эпоху, — Александра Грина.

Но ведь «страны Грина» никогда не существовало!

Верно, «страна Грина» от «страны Гайдара» отличалась тем, что она не имела никаких точек соприкосновения с реальностью. «Страна Гайдара», напротив, была не только связана с реальностью прочными, кровными, родовыми узами. Предполагалось, что она-то как раз и есть — **настоящая, подлинная реальность**. Во всяком случае, та часть окружающей нас реальности, которой принадлежит будущее. И жители «страны Гайдара» были реальными, живыми людьми. Мало того: они представлялись автору (и не только ему) главными героями окружающей нас реальности. Уж во всяком случае — самыми яркими, самыми типичными ее представителями.

«Эта была хорошая песня. Это была песня о заводах, которые восстали, об отрядах, которые, шагая в битву, смыкались все крепче и крепче, и о героях-товарищах, которые томились в тюрьмах и мучились в холодных застенках. — А много нашего советского народа вырастает, — прислушиваясь к песне, подумала Натка».

Так думает, так чувствует жительница «страны Гайдара» — комсомолка Натка Шегалова.

А вот как думали и чувствовали ее сверстники — жители реальной страны России, родившиеся в 20-х:

Мы были новой страной,
Еще не признанной, но сущей.
Гражданской сказочной войной
Она ворвалась в мир грядущий.

Что мы услышали от мам?
Все то, что прочие? едва ли...
Другие песни спели нам,
Другие сказки рассказали.

Наум Коржавин

Мы, лобастые мальчики
Невиданной революции...

Павел Коган

Только советская нация
Будет и только советской расы люди...
Михаил Кульчицкий

Сейчас, задним числом, нас пытаются уверить, что это была кучка отщепенцев, безнадежно оторвавшихся от родной почвы, людей без корней, «без роду, без племени». Проще говоря — евреев. (С наибольшей определенностью эта нехитрая идея была высказана в на шумевшей статье Станислава Куняева «Поэзия пророков и солдат». Выразители этого мироощущения деликатно именовались «поэтами-ифлийцами», но фамилии выбранных автором поэтов — Павел Коган, Арон Копштейн, Борис Слуцкий — не оставляли никаких сомнений насчет истинных его намерений.)

Один из моих друзей, прошедших войну, поделился со мной однажды таким самонаблюдением. Он рассказал, что, глядя на поле боя, где лежали тела убитых, он поймал себя на мысли, что мертвыми людьми для него были только свои. Убитых немцев он как-то за людей не принимал. Не помню, то ли он сам вспомнил тогда этот термин, то ли это пришло нам в голову одновременно, но как-то сразу возникло в нашем разговоре словосочетание, придуманное (для своих целей) Станиславским: **круг внимания**. Убитые немцы были для моего друга-фронтовика как бы даже и не людьми, потому что они оказались **за пределами** его круга внимания.

Вот так же и жители «страны Гайдара», распевая: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!», не чувствовали чудовищной фальши этих слов не потому, что были злыми и жестокими. Равно и не потому, что не подозревали о существовании лагерей и тюрем, где мучились и страдали миллионы их соотечественников, но лишь по той единственной причине, что все эти муки и страдания (о которых они, конечно же, знали — списки расстрелянных печатались в газетах) были за пределами их круга внимания.

Лагеря, тюрьмы, расстрелы — все это, конечно, происходило не на другой планете, а в их родимом отечестве, в их соб-

ственной стране. И в то же время все это происходило не в той стране, где они жили, — не в «стране Гайдара».

Конечно, я бы сильно погрешил против истины, если бы стал утверждать, что все население Советского Союза сплошь состояло из обитателей «страны Гайдара». Нет, и не может быть никаких сомнений в том, что «страна Гайдара» охватывала лишь **часть**, может быть, сравнительно малую часть населения СССР. Но народонаселение этой мифической, иллюзорной, вымышленной страны отнюдь не состояло лишь из горстки молодых поэтов-ифлийцев. Из людей другого, старшего поколения «этот прекрасный новый мир», мир «без России, без Латвий», в котором все мы скоро будем жить единой дружной семьей, грезился не одному только Маяковскому. Достаточно напомнить, что даже Шолохов (сейчас в это просто невозможно поверить!) устами своего Макара Нагульнова тоже мечтал о мировой революции, после которой все нации на земле перемешаются, сольются в одну, и все отпрыски этой будущей единой мировой расы будут «личиком приятно-смуглявые и все одинаковые».

Великий эксперимент, начавшийся в России в октябре 1917 года, захватил миллионы людей. Я говорю не о тех, кто стали в буквальном смысле слова жертвами этого эксперимента, оказавшись насильственно втянутыми в сферу его прямого действия. Я говорю лишь о тех, кто искренне испытал на себе воздействие этого мощного магнитного поля — не о жертвах физических, а о тех, чье сознание, чья психика оказались в плену этого **всемирно-исторического заблуждения**.

Сейчас много говорят и пишут о тягчайших последствиях, которыми этот эксперимент оказался чреват для русского народа. Те, кому за всем этим мерещится коварный антирусский заговор («русофобия»), особенно настойчиво подчеркивают, что непоправимый урон был нанесен самому генофонду русской нации. Это правда. Но правда эта сразу превращается в ложь, едва только начинаются разговоры о том, что генофонд русского народа пострадал даже больше, чем генофонды других народов, населявших территорию бывшей Российской империи. Меньше разве пострадал генофонд калмыков

или чеченцев, или крымских татар? Да и вообще, недостойное это занятие — взвешивать на каких-то несуществующих весах, чьи беды и страдания весят больше. Но при всем при том следует все-таки признать, что был народ, для которого в одном отношении (только в одном!) этот великий эксперимент оказался чреват наиболее губительными последствиями.

Кого вы имеете в виду?

Среди многочисленных персонажей одной из самых любимых книг российских интеллигентов 30-х годов — «Золотого теленка» Ильфа и Петрова — на миг промелькнул американский журналист, сионист, мистер Хирам Бурман. Беседуя со своими советскими коллегами, мистер Бурман заметил, что его, как сиониста, больше всего интересует еврейский вопрос.

— У нас такого вопроса уже нет, — сказал Паламидов.

— Как же может не быть еврейского вопроса? — удивился Хирам.

— Нет. Не существует.

Мистер Бурман заволновался. Всю жизнь он писал в своей газете статьи по еврейскому вопросу, и расстаться с этим вопросом ему было бы больно.

— Но ведь в России есть евреи? — сказал он осторожно.

— Есть, — ответил Паламидов.

— Значит, есть и вопрос?

— Нет. Евреи есть, а вопроса нету.

Может быть, советский журналист Паламидов просто поддразнивает мистера Хирама Бурмана? Сознательно эпатирует его? Ничуть не бывало. Уверяя, что никакого еврейского вопроса в СССР нет, Паламидов серьезен и глубоко искренен. Он говорит то, что думает. Его ответ на самом деле представляется ему (как, впрочем, и авторам романа) полностью исчерпывающим существо дела.

Именно так воспринимали этот диалог читатели 30-х годов. Вместе с Ильфом и Петровым снисходительно посмеивались они над мистером Хирамом Бурманом, не понимаю-

щим, как это может быть: евреи есть, а еврейского вопроса нет!

Даже и сейчас люди, принадлежащие к поколению первых читателей Ильфа и Петрова, — те, чья молодость пришлась на 20—30-е годы, — когда разговор заходит о так бурно расцветшем у нас после войны антисемитизме, искренне недоумевают: «Откуда она взялась, эта зараза? Ведь до войны ничего похожего не было! Совсем не было. Мы знать не знали и ве-дать не ведали, кто из нас еврей, а кто русский, или украинец, или татарин!»

И дружно приходят к выводу, что «зараза» пошла от Гитлера, что пришла она на нашу землю вместе с войной, с оккупацией. Ну а уж потом — от антисемитской политики Сталина, который, победив Гитлера в войне, оказался побежден им идеологически. (Даже Эренбург, который, казалось бы, был проницательнее многих, как будто тоже склонялся к этому объяснению: когда кто-то в его присутствии сказал, что пакт с Гитлером был для Сталина браком по расчету, он ответил, что от брака по расчету, к сожалению, тоже рождаются дети.)

Вряд ли стоит ломиться в открытую дверь, доказывая, что антисемитизм в России никогда не умирал, что темная эта стихия после войны на нас не с неба свалилась, а просто вырвалась, выплеснулась на поверхность жизни из не очень даже подпольных и тайных, всегда существовавших глубин ее.

Тогда откуда же взялась у людей, чья молодость пришлась на 30-е годы, святая уверенность, что в их юности «ничего похожего у нас не было и в помине»? Что это: возрастная ностальгия, естественное человеческое желание видеть свое прошлое только в радужных, светлых тонах? Или они обманывают самих себе?

Нет, не обманывают. Все, что они говорят о стране, в которой жили «до войны», — чистейшая правда. Ведь жили они тогда не в России, а в «стране Гайдара». А там этот проклятый «еврейский вопрос»... Нет, нельзя сказать, чтобы его в «стране Гайдара» так-таки уж совсем не было. Старый сионист мистер Хирам Бурман, рассуждая по старинке (коли есть евреи, так

уж наверняка есть еврейский вопрос) был не так уж далек от истины. Проклятый вопрос, как принято было выражаться в ту пору, **подчас, временами, в отдельных случаях**, к сожалению, еще давал о себе знать. Например, вот так:

«Подошел и сел незнакомый парнишка. Он был старше и крепче Владика, лицо его было какое-то серое, точно вымазанное серым мылом, а рот приоткрыт, как будто бы и в такую жару у него был насморк.

Он наскреб табаку, поднял с земли кусок бумаги и, хитро подмигнув Владика, свернул и закурил. Из-за угла выскочил Йоська. Наткнувшись на Владика, он, было, остановился, но, заметив мяч, подошел, поднял и укоризненно сказал:

— Что же! Если ты на меня злишься, то тебе и все виноваты? Ребята ищут, ищут, а ты не можешь мяч через забор перекинуть?..

Йоська убежал.

— Видал? — поворачиваясь к парню, презрительно сказал оскорбленный Владик. — Они будут мячи кидать, а я им подкидывай. Нашли дурака-подавальщика.

— Известно, — сплевывая на траву, охотно согласился парень. — Им только этого и надо... такая уж ихняя порода.

— Какая порода? — удивился и не понял Владик.

— Как какая? Мальчишка-то прибежал — жид? Значит, и порода такая!

Владик растерялся, как будто бы кто-то со всего размаха хватил его по лицу крапивой.

«Вот оно что! Вот кто за тебя! — пронеслось в его голове. — Йоська все-таки свой... пионер... товарищ. А теперь вон что!»

Сам не помня как, Владик вскочил и что было силы ударил парня по голове. Парень оторопело покачнулся. Но он был крупнее и сильнее. Он с ругательствами кинулся на Владика, но тот, не обращая внимания на удары, с таким бешенством бросился вперед, что парень вдруг струсил...»

Аркадий Гайдар. «Военная тайна»

Будучи писателем честным, искренне верящим, что изображает он в своих книгах не выдуманную, мифическую «страну иностранию», а самую что ни на есть реальную, взаправдашнюю Страну Советов, Гайдар не мог сделать вид, что слово

«жид» обитателям этой страны так-таки уж совсем незнакомо. Но сакраментальное слово это, произнесенное вслух, не нарушает гармонию изображаемой им вселенной. Напротив, оно эту гармонию даже как бы оттеняет, делает мир «страны Гайдара» еще более гармоничным, более цельным.

Ни Владик Дашевский, ни Натка Шегалова, ни Тимур, ни Иртыш, ни Чук, ни Гек, ни Алька — ни один из подлинно гайдаровских героев это грязное слово выговорить не смог бы ни при каких обстоятельствах. Произносит его персонаж, словно бы явившийся в чистый и светлый гайдаровский мир из какой-то другой галактики. Он даже и физически отличается от гайдаровских героев не меньше, чем отличался бы от землян какой-нибудь инопланетянин.

Итак, проклятый вопрос все-таки существует.

То есть, нет. Вопросы как такового все-таки нет. И антисемитизма **как явления** тоже нет. Есть отдельно взятые антисемиты. Но это выродки, гнусная отрыжка прошлого, печальное наследство, доставшееся жителям «страны Гайдара» от старой России. Такова в самых общих чертах была модель этой новой вселенной. Но в жизни все получилось иначе. Польша так и осталась Польшей, Германия — Германией. То же — и с другими народами, населявшими «до эксперимента» территорию бывшей Российской империи. После всех чудовищных потрясений, выпавших на их долю, все-таки остались собою, сохранили свой национальный облик и литовцы, и латыши, и татары, и башкиры, и калмыки, и чеченцы... **а нас на свете нет...**

О каждой нации, о каждой этнической группе, из которых в недавнем прошлом состояла «новая историческая общность — советский народ», можно — с большими или меньшими оговорками — сказать, что она вернулась (или возвращается) к своему прежнему национальному бытию. Но этот, казалось бы, всеобщий, не знающий никаких исключений закон роковым образом не распространяется на евреев.

В Праге есть поразительный музей — Старая синагога. Там собраны еврейские национальные и религиозные святыни чуть ли не со всего света. В самом этом факте, конечно, ни-

чего такого уж особенно поразительного нет: почему бы не быть еврейскому национальному музею хотя бы даже и в Праге? Поразительно то, что создан этот музей был по замыслу Гитлера. Идея состояла в том, чтобы эта старая пражская синагога — одна из самых старых в Европе — стала бы последним (единственным на планете!) хранилищем памяти о народе, навсегда исчезнувшем с лица земли. Осуществить этот свой грандиозный замысел гитлеровцам, как известно, не удалось. Но на одной шестой части земной суши он, похоже, все-таки осуществился. Евреи на территории бывшего Советского Союза по-прежнему есть. (Хотя с каждым годом, даже с каждым месяцем их становится все меньше и меньше.) А вот что касается еврейского вопроса, то он, судя по некоторым признакам, здесь уже решен окончательно. Конечно, он решен не так (совсем не так), как намеревались его решить гитлеровцы. Но не менее радикально.

И это при том, что Холокоста гитлеровского типа в СССР не было?

В одной из глав романа Фазиля Искандера «Сандро из Чегема» рассказывается о еврее Самуиле, которого занесло (куда только суровый ветер рассеяния не заносил евреев!) в высокогорный Чегем. Чегемцы, впервые столкнувшиеся с представителем странного народа, живущего не на своей земле, засыпают его вопросами, на которые он отвечает легко, не задумываясь. Но один из их вопросов чуть было не поставил его в тупик:

— Ответь нам на такой вопрос, Самуил, — спросили чегемцы, — еврей, который рождается среди чужеродцев, сам от рождения знает, что он еврей, или он узнает об этом от окружающих наций?

— В основном от окружающих наций, — сказал Самуил и добавил, удивленно оглядывая чегемцев: — Да вы совсем не такие простые, как я думал.

Вопрос и в самом деле свидетельствует о том, что чегемцы — совсем не такие простаки, какими могли показаться.

Этим вопросом они попали, что называется, в самую точку. Ухватили самую суть интересующей нас проблемы. Это на самом деле очень глубокий, если угодно, — метафизический вопрос.

К рассмотрению его на ином (вот этом самом метафизическом) уровне, пожалуй, стоило бы вернуться. Но пока отмечу только, что «торговый еврей» Самуил на этот пронизательный вопрос чегемцев в принципе ответил неправильно. На протяжении всей своей многовековой истории евреи узнавали о том, что они евреи, отнюдь не только от «окружающих наций». Но этот ошибочный ответ возник не на пустом месте. Кое-какие основания именно для такого ответа у Самуила имелись. Основанием для этого был, я думаю, опыт его общения (а вернее, опыт общения автора романа «Сандро из Чегема») с советскими евреями.

В поэме Маргариты Алигер «Твоя победа», написанной вскоре после войны и повествующей о событиях военного времени, есть такой эпизод:

Стоя у печи и руки грея,
Древнюю рассучивая нить,
Мать моя сказала: — Мы евреи.
Как ты смела это позабыть?

Героиня в ответ на этот суровый вопрос раздражается бурным монологом:

Да, я смела! Понимаешь, смела!
Было лучезарно все вокруг...

Дальше можно и не цитировать. Смысл этого ответа целиком и полностью сводится к тому, что, поскольку все вокруг было лучезарно, то есть поскольку никто ей про ее еврейство со стороны («от окружающих наций») не напоминал, то она и имела решительно все основания об этом своем еврействе не вспоминать тоже.

Не станем выяснять, действительно ли так уж лучезарно было все вокруг до войны с нацистами или героине поэмы Маргариты Алигер это только казалось. Достаточно лишь отметить, что это ее сознание в основе своей было глубоко советским. В этом своем бурном патетическом монологе поэтесса, в сущности, выразила хорошо нам знакомое мироощущение жителя «страны Гайдара».

Но что тут нового? Разве не так же ощущали себя немецкие евреи, давно уже привыкшие считать себя немцами и вдруг накрытые зловонной волной нацизма? И разве капитан французского генерального штаба Альфред Дрейфус не мог бы с той же искренностью воскликнуть, что до того, как обрушилось на него лживое обвинение в шпионаже, «было лучезарно все вокруг»? Разве еврей, привыкший считать язык и культуру страны, в которой он живет, своими, — такая уж новость в многовековой истории еврейского рассеяния?

Верно, капитан Дрейфус до случившегося с ним несчастья (да и после этого, вероятно, тоже) считал себя настоящим французом. Мало того! Он был убежденным шовинистом, ярким французским патриотом. О самочувствии же и самосознании прочно ассимилированных немецких евреев в пору прихода к власти Гитлера ясное представление дает роман Л. Фейхтвангера «Семья Оппенгейм», написанный по горячим следам событий — в апреле—сентябре 1933 года. Юному Бертольду Оппенгейму, покончившему с собой из-за того, что новый учитель — фанатичный нацист — обвинил его в «антипатриотизме», до наступления нацистской эры, вероятно, даже и в голову не приходило, что в его родной Германии могут найтись люди, в чьих глазах он окажется не совсем настоящим, не совсем полноценным немцем.

Ситуация как будто совершенно та же, в какой оказались советские евреи, давно уже не вспоминавшие про свое еврейство и вдруг столкнувшиеся с обвалом анкет — национальность отца, национальность матери, с антисемитами-профессорами, обрушивающими всю свою эрудицию на юного аби-

туриента, чтобы не дать ему поступить на какой-нибудь там физтех или мехмат. Точь-в-точь как Бертольд Оппенгейм, они вдруг снова очнулись от сладкого сна. Очнулись — и оказались в совершенно ином мире, разительно, чудовищно отличающемся от того, в каком они жили с рождения.

Да, сходство есть, и немалое. Трагическое столкновение повзрослевших выходцев из «страны Гайдара» с нарождающимся русским фашизмом, казалось бы, просто повторило за 10—15 лет до того описанную Фейхтвангером трагедию юного Бертольда Оппенгейма. Но было в этой драматической судьбе советских евреев и нечто иное, совсем новое. Такое, с чем их предки за всю историю своего рассеяния не сталкивались еще ни разу. Казалось бы, за тысячи лет своего существования еврейская диаспора испытала все, что только может вместить человеческое воображение. Но — как ни дико это звучит — я все-таки осмеливаюсь утверждать, что такого она еще не знала.

Полная, даже абсолютная языковая и культурная ассимиляция вовсе не мешала европейским евреям — не только в далеком прошлом, но и в XIX и даже в XX веке — **ощущать и осознавать себя евреями**. В России после революции 1917 года сложилась совершенно иная ситуация. Возникла иллюзия, что великая русская революция откроет новую эру в истории человечества, навсегда покончив с такими «пережитками проклятого прошлого», как Бог, царь, Отечество, семья, частная собственность, государство, религия, нация и т. д. Русские евреи увидели для себя в Октябрьской революции некий уникальный шанс навсегда покончить с проклятым еврейским вопросом не потому, что революция эта уравнила евреев в правах с представителями «коренной» нации (такое случалось и раньше чуть ли не во всех европейских странах). Уникальность этой революции состояла в том, что она упразднила **саму идею нации**. Именно в этом и состояло **окончательное решение еврейского вопроса в России**. В чем другом, но в этом нас не обманули. В отличие от всех других, это свое обещание русская революция выполнила.

Но ведь обещание это было дано не только евреям. Русским, латышам, грузинам, калмыкам, татарам — всем народам, населявшим территорию бывшей Российской империи, тоже было объявлено, что пролетарии не имеют отечества. И нельзя же всерьез утверждать, что по-настоящему поверили в это только евреи.

Нет, конечно. Поверили многие. Но, в отличие от евреев, у представителей всех других народов, населявших Российскую империю, отечество **было**. А у евреев его давно уже не было. Приняв, вобрав в свою душу эту чеканную формулу, они ничего не потеряли. В отличие от пролетариев других наций, им тут и в самом деле нечего было терять.

Все народы, населяющие нашу распавшуюся империю, независимо от того, утратили или сохранили они веру своих отцов, когда утверждение, гласящее, что пролетарии не имеют отечества, обнаружило свою несостоятельность, очнулись от этого сна все-таки на своей земле. Евреи же, отказавшись от веры отцов, обрубали последнюю нить, связывавшую их с их еврейством.

К Троцкому однажды явилась депутация киевских раввинов с просьбой защитить их от местных властей, вознамерившихся закрыть главную городскую синагогу. Просители явно рассчитывали на то, что у своего соплеменника Троцкого они скорее найдут сочувствие, чем, скажем, у грузина Сталина или русского Калинина. Но Лев Давыдович вылил на них ушат холодной воды:

— Я не еврей, — резко сказал он. — Я интернационалист.

В том ответе — не в резкости его, а в самом, что ли, грамматическом построении этой фразы — выразилась, как мне кажется, самая суть того выбора, который сделали в 1917 году русские евреи, принявшие Октябрьскую революцию.

По нынешним нашим понятиям, ответ Троцкого не только излишне запальчив, но даже как бы и не совсем логичен. Ведь можно же быть интернационалистом, оставаясь при этом русским, украинцем, грузином, армянином, латышом. Так почему же нельзя быть интернационалистом, оставаясь

в то же время евреем? А вот нельзя. Потому что **нельзя принять новую веру, не отрекшись от старой**. Нельзя исповедовать одновременно две религии.

При всей своей кажущейся нелогичности, ответ Троцкого был глубоко логичен. Он означал, что, принимая новую (интернационалистскую) веру, еврей должен отречься от своего еврейства. Он должен перестать быть евреем.

Но тогда что это такое — быть евреем?

Пытаясь ответить на вопрос, что такое быть евреем, Мартин Бубер (в статье «Еврейство и евреи», 1911) приводит слова неведомого мне Морица Геймана, который сказал по этому поводу следующее: «То, что еврей, занесенный на необитаемый, непосещаемый остров, представляет себе как еврейский вопрос, — только это и есть еврейский вопрос».

Предполагается, очевидно, что еврей, оказавшийся на необитаемом и непосещаемом острове, узнает о том, что он еврей, не «от окружающих наций». При этом Мориц Гейман и цитирующий его Мартин Бубер уверены, что и там этот вопрос останется. Более того, они убеждены, что только на необитаемом острове он, наконец, обретет истинный смысл. Именно там, освободившись от необходимости стесняться своего еврейства, отречься от него («отъевреиваться», как говорит современная молодежь), равно как и от своего противоположного «комплекса», проявляющегося в стремлении подчеркивать свою кровную связь с преследуемым, истребляемым народом, — только там, оставшись наедине с собой, еврей может докопаться до своей еврейской сути. Иными словами, только на необитаемом острове пресловутый еврейский вопрос предстанет перед ним как вопрос сугубо метафизический, экзистенциальный. Мартин Бубер предлагает мне ощутить себя частью бесконечной, уходящей в глубь времен истории еврейского народа:

«Эти люди там, вдалеке, эти жалкие согбенные крадущиеся люди, бредущие от села к селу, не ведающие, как и чем они будут жить завтра; эти неповоротливые, почти оглушенные

толпы, погружающиеся на суда, не зная, куда и зачем: всех их мы ощутим не просто как своих сестер и братьев, но каждый из нас, утвердившись в самом себе, почувствует: эти люди — часть меня самого. Я не сострадаю им, я стражду сам. Не моя душа принадлежит народу, но мой народ — моя душа».

Изю всех сил пытаюсь я последовать этому совету, но ничего не выходит! Никакого, даже самого слабого отклика не рождает в моей душе эта нарисованная Бубером, картина.

В обитаемом мире я, быть может, и сумел бы ощутить свою общность с этими «неповоротливыми, почти оглушенными толпами». Но это было бы ответом, реакцией на нравственную невозможность отречения от своей принадлежности к ним. А здесь, на необитаемом острове, где отвечать никому — здесь, наедине с собой, зачем мне притворяться?

Но означает ли это, что, оказавшись на необитаемом острове, наедине с собой, я даже и не вспомнил бы о том, что я — еврей?

Ей-богу, не знаю. Может быть, и права была моя — принявшая православие — подруга Зоя Крахмальникова, сказавшая мне однажды:

— Твоя беда в том, что ты — не еврей, не христианин, не коммунист. Ты — никто.

Может быть, я и в самом деле урод? Что-то вроде ибсеновского Пера Гюнта, которого надо отправить на переплавку к Пуговичнику?

От всех этих мыслей я несколько приуныл. Не потому, что поверил, что быть евреем, или христианином, или коммунистом лучше, чем быть **никем**, а потому, что усомнился в своем праве быть экспертом в оценке национальных чувств даже тех евреев, которые родились и жили в «стране Гайдара». Впрочем, я все-таки не стану утверждать, что все мои соплеменники думают и чувствуют, ощущают и осознают себя так же, как я. Некоторые из них мучительно, иступленно пытаются ощутить свою связь с «дружинниками в кольчугах и стрельцами в кафтанах». Приняв православие, они готовы даже принять мученический венец, пострадать за новую веру. А некоторые так даже готовы страдать вдвойне — как преследуемые совет-

ской властью верующие христиане и как евреи, призванные искупить вину своего народа перед Россией. («Чего стоит ручеек еврейской крови в сравнении с океанами русской крови, пролитой евреями», — говорится по этому поводу в романе новообращенного Феликса Светова, во девичестве Фридлянда, «Отверзи ми двери».)

Другие, напротив, так же мучительно и так же иступленно стараются утвердить свою кровную связь с еврейством. Отращивают пейсы, строго блюдут субботу и, к вящему ужасу своих родителей, выросших в «стране Гайдара», тщательно следят, чтобы молоко (Боже упаси!) не кипятилось в той же кастрюльке, в какой варился мясной бульон. Меня так и подмывает задать этим новым соплеменникам (или даже не им, а себе) простой вопрос: интересно, стали бы они проделывать все эти штуки, оказавшись на необитаемом острове?

И тем не менее, я не хочу подвергать сомнениям ни искренность тех советских евреев, которые ударились в православие, ни столь же безусловную искренность тех, кто решил обратиться к иудаизму. Но каким искренним ни было бы это обращение, одно для меня несомненно: они тоже обломки Великой катастрофы. Такие же беженцы из «страны Гайдара», случайно уцелевшие после крушения этой новой Атлантиды, как и те, кто не в силах ощутить свое родство со стрельцами в красных кафтанах, ни с героическими защитниками древней крепости Масада. Все мы — жертвы гигантского провалившегося эксперимента, который был начат в нашей стране в октябре 1917 года и последствия которого будут расхлебывать не только дети наши, но и внуки.

* * *

Артур Штильман (1935, Москва), скрипач. Родился в семье дирижера Российского государственного симфонического оркестра кинематографии Давида Штильмана. Окончил Центральную музыкальную школу при Московской консерватории, саму консерваторию и аспиран-

туру по классу проф. Д. Цыганова. С 1966 по 1979 год — скрипач оркестра Большого театра (Москва), а с 1980 по 2003 год — в Метрополитен Опера (Нью-Йорк).

Начнем с разговора о вашем отце. Откуда и из какой семьи он родом, владел ли и пользовался ли языком идиш?

Мой отец родился 23 октября 1905 года в Херсоне в день «генерального погрома». Бабушку прятали где-то в подвале. Такое вот было начало... Так что Февральская революция 1917 года пришлась евреям Херсона весьма по душе. Но Октябрь, мягко выражаясь, их сильно озадачил. Дед был арендатором постоянного двора, где останавливались окрестные помещики, купцы, привозившие зерно на продажу, и прочий люд. Вообще, извоз и содержание заезжих дворов было традиционным занятием евреев черты оседлости. И у Бориса Пастернака дед промышлял тем же в Одессе, и у знаменитого ивритского поэта Хаима Бялика отец арендовал заезжий двор.

Так вот, сразу после Октября постоянный двор моего деда национализировали, превратили его в «общежитие пролеткоммуны». Деда же назначили туда чем-то вроде швейцара. Вскоре его должность упразднили, и семья осталась без средств к существованию. Продавали все, что могли, голодали, с трудом выживали.

В шестнадцать лет, это было в 1921 году, отец отправился в Москву. Перед этим он успел окончить пять классов гимназии, что дало ему прекрасный русский язык — грамотность совершенную, отличное произношение, неплохое знание основ немецкого и французского языков. Конечно, в раннем детстве он посещал и хедер, но не увлекся изучением основ Библии и талмуда — характер был неусидчивый, слишком кипучий, деятельный. При этом он обожал слушать канторов в синагоге. А в Большой хоральной синагоге Херсона пели и Гершон Сирота, и Моше Кусевицкий, и Пинкус Миньковский, и другие знаменитые канторы. В возрасте восьми лет, то есть осенью 1913 года, отец начал заниматься игрой на скрип-

ке. Дело было так. Однажды в городе гастролировал Миньковский, дед пригласил его домой с просьбой прослушать сына и посоветовать — стоит ли тому заниматься музыкой. Миньковский положительно оценил способности отца и сказал, что заниматься музыкой ему не только нужно, но просто необходимо! Миньковский нашел у отца абсолютный слух и отличную музыкальную память. Отец начал изучать игру на скрипке в Музыкальном училище ИРМО (Императорского русского музыкального общества) и учился там вплоть до 1918 года. Вообще Херсон не был культурной «дырой». В Херсонском драматическом театре работал Мейерхольд, да и другие театральные и музыкальные знаменитости частенько посещали город. Дед же не был театральным завсегдатаем, он любил поэзию и литературу — русскую и еврейскую, и сам писал стихи на идиш и по-русски. При этом передавать еврейские культурные традиции детям дед не спешил, большей частью в доме говорили по-русски, выписывали русские газеты, книги и т. д. О высокой (не бытовой) еврейской культуре в семье деда говорить не приходится. А тут еще революция...

При всем том бабушка всегда придерживалась религиозных традиций: дом был кошерным, в субботу зажигались свечи, праздники неукоснительно блюлись... Мой отец идиш понимал, сам говорил мало, хотя в разговорах со старыми приятелями любил вставлять словечки и выражения на идиш. В общем, как мне кажется, семья отца была разделена на двое — дед определенно был склонен к ассимиляции, а бабушка этому противилась, хотя и принимала многие аспекты светской жизни как неизбежные в послереволюционной действительности. Помню, уже в поздние 40-е, в спорах с отцом она иногда произносила слово «закон!» И тут мой отец останавливался и прекращал попытки оправдать свой атеизм... В общем, он принадлежал к «детям революции», как метко охарактеризовал его поколение знаменитый российско-американский скрипач Натан Мильштейн.

Ваш отец был прирожденным музыкантом и с детства мечтал стать скрипачом. Но были ли у него представления о соб-

ственно еврейской культуре? Делал ли он когда-нибудь попытки связать себя с еврейской сценой, музыкой, театром? Посещал ли он ГОСЕТ (Государственный Еврейский театр), водил ли знакомство с еврейскими писателями, поэтами, актерами?

Овладев к тринадцати годам некоторыми профессиональными навыками игры на скрипке, отец начал работать в Херсонском театре оперетты, будучи при этом единственным кормильцем семьи: отца, матери и двух младших братьев. Там, в театре, он и «заболел» работой в оркестре, ничего вокруг себя не видел и видеть не хотел. Но, играя в оркестре, он мечтал стать дирижером! Он самостоятельно изучал партитуры, наблюдал за всем происходящим на сцене и, обладая прекрасной памятью, запоминал целые спектакли, что впоследствии очень пригодилось в его профессиональной работе дирижера частного театра оперетты Кошевского во второй половине 20-х годов, то есть когда ему едва исполнилось двадцать лет. Так получилось, что он увлекся опереттой на русском языке и был далек от еврейского театра на идише или иврите.

Да, конечно, в поздние 20-е, после частичного возвращения ГОСЕТа в Москву, он посещал спектакли этого театра, иногда играл там в оркестре. Он был знаком с композитором и альтистом Львом Пульвером, многолетним руководителем музыкальной частью ГОСЕТа, но ни еврейский театр, ни народная музыка как таковая не была предметом его особого внимания. Вероятно, дело было в том, что никто с детства не привил ему интереса к этому виду творчества — как народно-го, так и академического. С другой стороны, все его окружение стремилось в «большой мир», в мир больших городов. Городки же и местечки, где они родились и провели детство, представлялись им «маленьким» миром, миром уходящим, в котором доживали свой век лишь старые люди, люди из прошлого. Не могу сказать, что отец стеснялся этого мира, но он им и не гордился. Предметом его гордости, сколько я его помню, были его собственные достижения в «большом мире»: высокий социальный статус, должности, награды, все то, что он сам заработал. Все же еврейское отходило для него куда-то на зад-

ний план, к какой-то локальной этнической культуре, к чему-то вроде «национальной декады литературы и искусства». Конечно, это было не совсем так. ГОСЕТ, например, до войны был даже гордостью Москвы — туда ходили знаменитости вроде Алексея Толстого, но ходили они в основном из-за личного знакомства с Михоэлсом или другой какой-нибудь звездой театра. Вот так сложилась музыкальная судьба моего отца.

Воспринимал ли ваш отец и его друзья нацистскую Германию не только как военную угрозу Советскому Союзу, но и как отдельную и смертельную угрозу именно еврейскому народу? Знали ли, говорили ли в вашей семье и в вашем окружении о том, что позже стало называться словом «Холокост»?

В 1941 году мой отец после окончания консерватории работал заведующим музыкальной частью и главным дирижером Московского цирка. Это нужно было для освобождения от обязательного распределения на работу на периферию. Госцирк помог прекратить прокурорское «дело об уклонении от распределения» против отца. Помимо этого отец продолжал работать дирижером в Оркестре кинематографии с самого начала звукового кино по озвучиванию фильмов — художественных, документальных, детских, мультипликационных, научно-популярных и т. д. И вот настал тот самый день... Туманное утро 22 июня 1941 года, которое не забудет никто из нас, кто был тогда уже в достаточно сознательном возрасте. В середине июля мы с мамой были эвакуированы в Свердловск, а в начале сентября приехал туда и отец. Приехал с ним и его приятель режиссер цирка Юрий Сергеевич Юрский. Помню их разговоры в нашем маленьком номере гостиницы «Большой Урал». Помню, что уже в сентябре они говорили о том, что фашисты полностью уничтожат еврейское население. Информация была полуофициальная — она просочилась из какой-то районной газеты и пошла гулять уже в устной форме. Отец рассказал Юрскому историю то ли из этой газеты, то ли из устного фольклора, потому что они были дружны еще с довоенной поры, да и жена Юрского, а стало

быть, мать будущего известного актера — Сергея Юрского была еврейкой.

Помню, что Юрий Сергеевич с ужасом слушал рассказ моего отца. История же эта произошла в один из первых дней оккупации небольшого местечка на Украине. Немцы не везде и не сразу начали приводить в исполнение **окончательное решение**, то есть массовые убийства. Они объявили еврейскому населению местечка, что всех будут переселять в выстроенные специально для них поселки в другой местности и что через день-два приедет большой начальник, которого следует приветствовать хлебом-солью, и он официально объявит евреям об этом. Все так и произошло. Было приказано после объявления о «переселении» троекратно крикнуть «Хайль Гитлер!», после чего евреи со скрбом были погружены в большие грузовики и увезены в «другую местность». Кто-то чудом уцелел и рассказал эту историю. Вот так, вероятно, немцы на первых порах развлекались, но осенью 1941 года мы знали о тотальном уничтожении немцами (нацистов называли общим именем — «немцы») всего еврейского населения оккупированных областей Союза.

Позднее, осенью 1942 года, когда встал вопрос о нашем возвращении в Москву — отец находился в Москве с начала 1942 года и всю войну работал на студии документальных фильмов — мы отчетливо представляли себе, что если придется встретиться с немцами, то всем нам конец. Мы понимали, что рискуем, но верили, что возврата к тому, что случилось в 1941 году, не будет. Почему верили? Хотелось верить... но при этом совершенно ясно понимали — не дай бог, все снова вернется к ситуации «как тогда, в 41-м», все мы погибнем. Так что понимание угрозы самому существованию СССР — это одна часть войны, а другая ее часть — ясное осознание смертельной опасности для всех евреев страны. Кстати, в первый день войны еще можно было слушать зарубежное радио, и мы в подмосковном городе Кратово случайно «набрили» на передачу из Германии на русском языке. Прекрасно поставленный баритон вещал: «Русские люди! Германская армия — освободительница несет вам свободу от жидов и коммунистов!»

Это было главным. А потом давались советы, как следовало встречать «армию-освободительницу» — валить столбы, резать провода, но охранять мосты! В общем, особенного секрета из отношения нацистов к евреям не делалось. А что касается разговоров о положении евреев в Германии, то об этом дома в 1940—1941 годах я тоже слышал немало.

Слышали ли вы от вашего отца после войны такие слова: «До войны у нас антисемитизма не было!»?

Да, конечно. То есть имелось в виду, что тогда в народе «с этим делом» было потише. Народ, он знает, когда что можно. Тогда за слово «жид» можно было схлопотать большую неприятность. То есть была уголовная статья, и под горячую руку иногда ее могли и применить. Помню, что в нашем дворе на Большой Калужской, где отец получил две комнаты в трехкомнатной квартире, я до войны никаких разговоров, хоть как-то связанных с антисемитизмом, не слышал. Мы тогда жили с бабушкой, и у нас жил дядя — младший брат отца. Все новости — домашние, рабочие и даже уличные обсуждались, и я не припомню до войны ничего подобного. Я очень удивился, когда в 1982 году прочел книгу «Великий террор» Роберта Конквиста, где совершенно ясно было сказано, что главный удар сталинской чистки партийных кадров с самого начала 30-х и даже раньше — с конца 20-х — был нанесен именно по еврейской составляющей партийной номенклатуры.

Просто тогда это был «невидимый антисемитизм». А «видимого», то есть уличного, бытового не было. Но он ждал своего часа. И этот час настал — 22 июня 1941 года.

При всем том в 1942 году вас приняли в Центральную музыкальную школу при Московской консерватории, потом была сама эта консерватория, потом — аспирантура, а в 1960 году вы получили место в оркестре Большого театра. Лучшие музыкальные учреждения страны! Как это совмещается с гонениями на деятелей искусства, ученых, врачей с еврейскими фамилиями, с борь-

бой с «космополитами», расстрелом членов Еврейского антифашистского комитета, с «делом врачей», наконец?

Еще задолго до войны началась эра международных конкурсов музыкантов-исполнителей. В 1927 году Лев Оборин получил Гран-при на конкурсе имени Шопена в Варшаве, а Давид Ойстрах в 1936 году на конкурсе им. Венявского — второе место. В следующем году — 1937-м, он выиграл первую премию на конкурсе им. Изаи в Брюсселе. Вместе с ним завоевали почетные призы Буся Гольдштейн, Лиза Гилельс, Марина Козолупова и Миша Фихтенгольц. Тогда-то в верхах поняли, что с помощью таких дарований можно упрочить престиж страны на международной арене. По образцу международных начали проводить всесоюзные конкурсы, в которых участвовали еще почти дети — скрипачи Буся Гольдштейн, Лиза Гилельс, Миша Фихтенгольц, пианисты Эмиль Гилельс, Роза Тамаркина и другие юные музыканты. Стала ясна необходимость готовить особо одаренных детей, обещавших в будущем стать первоклассными солистами. Для этого в больших культурных центрах страны стали создавать специальные «детские группы для особо одаренных детей» при консерваториях. Тогда-то при Московской государственной консерватории возникла Центральная детская музыкальная школа (ЦДМШ). С самого начала она предназначалась для подготовки музыкантов (солистов по всем инструментам), готовых представлять Советский Союз на международных конкурсах. И верно, все (кроме Д. Ойстраха) участники международных соревнований скрипачей, пианистов и виолончелистов учились в ЦДМШ.

Мы с мамой вернулись из эвакуации в Москву 20 ноября 1942 года. В столице тогда было очень мало детей, а основной состав ЦДМШ еще находился в эвакуации в Пензе. Перед новым годом отец привел меня на экзамен в ЦДМШ. Играть я ни на скрипке, ни на рояле еще не начинал, но следовало пройти проверку слуха, ритма, отгадывания нот и повторения на слух несложных мелодий. Меня зачислили в подготовительный класс — «нулевку» — на полгода. С окончанием последних воздушных налетов на Москву я сыграл свой переходный экза-

мен из нескольких маленьких пьес в сопровождении фортепиано и был окончательно принят в ЦМШ.

В августе в Москву стали возвращаться эвакуированные в Пензу профессора и ученики ЦМШ, а уже осенью 1943 года звуки фортепианных концертов Чайковского, Листа, Рахманинова разносились по всей школе. Концерты юных музыкантов в старинном зале ЦМШ были очень волнующими, но особенно важными были выступления отобранных детей для полугодовых концертов в Малом и Большом залах консерватории. За право играть в консерватории боролись не только москвичи, но и ленинградцы, одесситы, киевляне и т. д.

При всем том в довоенные годы ни о каком антисемитизме при отборе кандидатов на конкурсы не было. Так что детей еврейского происхождения там было, думаю, чуть ли не 90 процентов. После войны положение существенно изменилось. Начиная с 1946 года музыкальное начальство старалось максимально «разбавить» однородный — еврейский — состав школы. Но как они ни старались, ничего не получалось: скрипачи были в основном еврейского происхождения, виолончелисты — самого разного, пианисты — русского и еврейского, так что государственная политика, так ясно изложенная в документе — докладной записке в ЦК Александрова от 17 августа 1942 года, начала постепенно претворяться в жизнь. Но, повторяю, главная цель ЦМШ состояла в подготовке молодых музыкантов для участия в международных конкурсах и завоевании главных призов для СССР. Так что с конца 40-х годов концепция воспитания «молодых дарований» пришла в противоречие с новой политикой, в основе которой лежал антисемитизм. В нашем случае следовало выдвигать кадры для участия в конкурсах из числа «коренного населения», «коренной нации». Ну, с пианистами это еще как-то можно было уладить, а со скрипачами дело обстояло много хуже.

Когда о первом послевоенном конкурсе им. королевы Елизаветы в Брюсселе узнал сам Сталин из якобы адресованной ему королевской телеграммы, он наложил резолюцию: «Послать. Обеспечить победу». А как ее обеспечить? На вопрос комитета по делам искусств, кто бы мог стать реальным

претендентом на победу, Давид Ойстрах ответил: Леонид Коган.

Так это было или нет, но советские конкурсанты в Брюсселе завоевали первое место (Леонид Коган), второе (Михаил Вайман), пятое (Ольга Каверзнева) и седьмое (Алексей Горохов). То есть случались ситуации, когда власти вынуждены были делать исключения, но там, где это было возможно, делали все для «очистки жизненного пространства для коренной нации».

С 1950 года я стал заниматься у профессора Д. М. Цыганова. Осенью того же года успешно выступил на концерте учащихся ЦМШ в Малом зале консерватории с концертом Мендельсона (первая часть), но уже осенью 1951 года был отстранен от такого же концерта. Моему отцу в школе объяснили: «Мы здесь ни при чем. Афишу утверждает репертуарный отдел комитета по делам искусств». Насколько помню, до марта 1953 года одна, максимум две еврейские фамилии фигурировали в таких концертах, но мне снова разрешили выступить только в апреле 1953 года — через месяц после смерти Сталина и за несколько месяцев до окончания школы.

Что касается консерватории, то при поступлении туда линия начальства обозначилась яснее ясного. Тень Трошина, не слишком образованного заведующего кафедрой марксизма, которому нужно было сдавать экзамен по истории СССР, витала над всеми, чьи фамилии были для него труднопроизносимы. А с двойкой по любому предмету — пусть по истории СССР — стать студентом консерватории было невозможно.

Но вначале был экзамен по специальности. Я играл две части партиты Баха для скрипки соло, причем едва я начал играть, как в класс вошел ректор консерватории А. В. Свешников. Я играл с максимальной сосредоточенностью и глубиной, на которую был способен, так что экзамен прошел в высшей степени успешно. Но я тогда и не подозревал, что важнее всего было для меня присутствие на экзамене Свешникова.

Между тем неумолимо приближался день сдачи экзамена по истории СССР. Мы увидели Трошина — невысокого роста, немного седеющий, в сером костюме, — который восседал

в кресле председателя. В качестве членов экзаменационной комиссии должны были присутствовать профессора Б. В. Кузнецов и М. Н. Тэриан и ассистентка Трошина В. Багирова. Михаил Никитич Тэриан не приехал, сославшись на то, что у него заболел зуб. Таким образом, в приемной комиссии из объективных преподавателей остался один Борис Евгеньевич Кузнецов, знавший профессиональный уровень игры каждого из нас. Тем, кого Трошин запланировал «завалить», экзаменационные ведомости не выдавались до самого конца. Вскоре один из моих приятелей, Миша Б., вышел, смущенно улыбаясь, — он пока был единственным, кто получил пятерку. Он удовлетворял строгим расовым критериям нашего «экзаменационного палача». Едва я начал отвечать, как Трошин стал меня перебивать — то ему не нравилось употребленное мною слово, то он старался сбить меня с толку, задавая не относящиеся к делу вопросы. Хотя теоретически я был готов к такому «допросу», неожиданно это вызвало во мне раздражение и желание не дать ему заткнуть мне рот и выпроводить вон. Я старался во что бы то ни стало не отклоняться от темы, он же продолжал перебивать меня все чаще и чаще. Экзамен превращался в допрос. Когда я вышел из аудитории, мне было ясно, что Трошин поставит мне «неуд». Я немедленно позвонил домой, чтобы сообщить об этом маме. Она страшно заволновалась, хотя и должна была быть вполне готовой к такому повороту событий. Потом в консерваторию приехал отец. На наше счастье, из дверей класса, где проходил экзамен, вышел Борис Евгеньевич Кузнецов. Он подошел к отцу и сказал: «Тэриан не приехал на экзамен. Я не могу один бороться с этим бандитом (так и сказал моему отцу!). Позвоните Цыганову и попросите его срочно приехать сюда. Это совершенно необходимо!»

Не задавая лишних вопросов, Цыганов сказал, что едет в консерваторию. Я увидел его входящим в класс, где уже почти одержал над нами свою «победу» Трошин. Дмитрий Михайлович приехал после пяти часов вечера. Экзамен продолжался еще свыше двух часов. Наконец, около восьми вечера все экзаменаторы пошли для обсуждения результатов в каби-

нет А. В. Свешникова. За окнами было уже темно, когда нам роздали экзаменационные ведомости.

Трошин кое-кому уже поставил в ведомость «неуд», но я почему-то этой участи избежал. Возможно, до меня у Трошина просто руки не дошли. Цыганов детально рассказал все перипетии обсуждения в кабинете ректора. За пятнадцать минут до конца экзамена он вышел из класса и прошел в кабинет Свешникова. Там он, по его словам, заявил ректору, что если Трошин будет продолжать в том же духе, то в скором времени ему, Трошину, самому придется играть на международных конкурсах и в лучших оркестрах страны. Свешников его успокоил, и, когда речь зашла обо мне, Александр Васильевич просто приказал Трошину: «Этому абитуриенту поставьте проходной балл!» То есть спасительную тройку. Если бы Свешников не слышал моей игры на вступительном экзамене, кто знает, скорее всего, судьба оказалась бы ко мне не столь благосклонной, чуда бы не произошло. Вот вам и ответ на вопрос: «Вы же учились в консерватории, а потом в аспирантуре, чего вы еще хотите!» Кстати, об аспирантуре.

К концу 50-х годов ситуация на внутреннем музыкальном рынке в Союзе сложилась так, что право на концертную работу, право быть солистом Московской филармонии или Московского консерватории получали только лауреаты международных конкурсов. Без лауреатского диплома сделать это было абсолютно невозможно!

Политика же музыкальных властей оставалась прежней: «Нам нужны люди с понятными фамилиями, а не всякие там...» Примерно к 1963 году молодых людей с «непонятными» фамилиями, но с большим талантом скопилось человек десять-двенадцать. Никого из них за последние шесть лет не выпустили ни на один международный конкурс! Правда, перед этим мне пришлось участвовать во Всероссийском и Всесоюзном конкурсах скрипачей — в 1960 и в 1961 годах. Я знал, что заведующим конкурсным отделом был бывший виолончелист М. Н. Анастасьев, который уже до конкурса говорил многим педагогам, что сделает все, чтобы меня не пропустили в финал. Мой руководитель проф. Цыганов это знал,

но так как он был председателем жюри, то надеялся на лучшее. Я не хотел участвовать в конкурсе, хотя был аспирантом на исполнительском отделении и участие в конкурсах было моей «служебной обязанностью». Сорок минут Цыганов уговаривал меня принять участие в конкурсе (у него в классе на тот момент никто не был готов с подходящей для этого мероприятия программой). Наконец я согласился. И что же? Анастасьев публично заявил: «Я ставлю Штильману самые низкие баллы, а он все равно пролезает на следующий тур!» И не имело значения, что моя игра получила высокую оценку Д. Ойстраха, Цыганова, ряда профессоров Ленинграда, Минска, Тбилиси, важно, что он, Анастасьев, проводил «правильную политику!» И он победил. После финального прослушивания с оркестром он сделал все, чтобы я оказался за чертой лауреатов и остался бы только дипломантом конкурса. Цыганов был очень расстроен, на что я ему заметил: «Ведь и Анастасьев надеялся на «лучшее» — не допустить меня на финал! Хотя бы это у него не получилось!»

Неожиданно к весне 1963 года что-то изменилось: внезапно открылся шлюз, отгораживавший нас от участия в международных конкурсах. Все мы были распределены между четырьмя-пятью конкурсами. Выбирать не приходилось. Так неожиданно я попал в Будапешт на конкурс камерной музыки памяти композиторов Вайнера и Бартока. Получив там третье место (первое не было присуждено вообще), я приехал в Москву в несколько лучшем положении, хотя концертные организации были переполнены солистами всех специальностей. В общей сложности к 1965 году в СССР было 614 лауреатов всех конкурсов по всем специальностям. Но это уже была реальная жизнь. Поездив некоторое время с гастрольями от Союзконцерта, я сделал выбор, хотя в целом это было ниже моих возможностей и способностей, которые должны были остаться нереализованными на всю жизнь! Я решил поступать в оркестр Большого театра. Вообще говоря, для властей в ту пору главным было не давать увеличиваться количеству «неправильных фамилий» на афишных тумбах городов страны. Что касается оркестров — симфонических, оперных, камер-

ных, то есть музыкальных коллективов, то их участники были для публики в значительной мере анонимны. По крайней мере, до того момента, когда данный коллектив начинал собираться с гастролями за границу. Тогда шла настоящая проверка. Я не говорю, что такой проверке не подвергались и люди с «правильными» фамилиями, (особенно в Большом театре), но, насколько мне известно, самые знаменитые оркестры Москвы не испытывали давления властей с целью уменьшения «нежелательного элемента».

Когда-то мне рассказал забавную историю мой друг, бывший солист Большого театра певец Владимир Отделенов. Во время одного из визитов Элеоноры Рузвельт в Москву она встретила с Фурцевой — тогда министром культуры. Вдова президента США заговорила с Фурцевой о дискриминации евреев в СССР. На это Фурцева ответила: «Да что вы! У нас в одном оркестре Большого театра работает больше 70 процентов евреев!» — «Так вы все-таки их считаете!»

Во всяком случае, в **Большом театре, крупнейшем художественном учреждении страны, дискриминации евреев не было.** За исключением певцов! После ухода на пенсию Рейзена и Хромченко, насколько мне известно, ни один солист-певец еврейского происхождения не был зачислен в труппу Большого театра. Иными словами, музыканты в оркестре, певцы в хоре, танцоры в балете (немногие солисты балета еврейского происхождения, тем не менее, со сцены театра почти никогда не сходили — но это явление все же исключительное!) могли работать долгие годы, будучи в известном смысле «невидимками». Но я бы погрешил против истины, если бы не сказал: театр гордился своими музыкантами, и на афишных концертах на сцене театра выступало достаточно много солистов оркестра с еврейскими фамилиями. Так что Большой театр и по сей день остается для меня единственной «малой родиной».

И все же вы решили покинуть эту «малую родину». Вместе с большой. Почему? Неужели тот факт, что вам не позволили стать солирующим скрипачом, так больно ударил по вашему

самолюбью? В конце концов, солирующих скрипачей во всем мире можно пересчитать по пальцам, вы же находились на второй ступеньке сверху: стабильная работа в одном из лучших оркестров мира, престиж, гастроли....

Так почему все-таки вы уехали?

Причин было много. Взять хотя бы проблему неизлечимо больного сына. Ему и здесь, в Америке, приходится жить вне дома, в лечебном учреждении. Но представить себе, что он попал бы в аналогичное заведение в СССР, — становится жутко...

Но вернемся к амбициям.

Начну с Бориса Гольдштейна (1922—1987). Это был скрипач выдающийся, скрипач мирового масштаба, звезда среди звезд первой величины. Но! Преподавать ему разрешали только в Музыкальном училище, а за более чем три десятилетия работы солистом Московской филармонии за границу ему позволили съездить... дважды! В 1974 году Гольдштейн эмигрировал, осел в немецком городе Ганновере. Получив место профессора Музыкальной академии в Вюрцбурге, он в возрасте 52 лет начал (заново!) концертную деятельность. Начал беспрепятственно и... успешно. Какое это должно было произвести впечатление на его коллег в Союзе?

Конечно, при Сталине мы и думать не могли ни о какой загранице. Власти тогда по-своему поступали разумно — никого и никуда не выпускать! Ведь, раз увидев, как живут люди «за бугром», нормальный человек становился на всю жизнь «отравленным» заграницей. Так произошло в конце войны с миллионами солдат и офицеров Советской армии, увидевших своими глазами немецкие деревни и города. С точки зрения властей, это было совершенно неподходящее зрелище для советского человека.

Люди, которым уже после смерти Сталина довелось хоть ненадолго съездить за границу, поражались огромному контрасту между жизнью в СССР и тем, что они видели в той же Польше или Венгрии, не говоря уж о Западной Европе, США или Японии. Могу засвидетельствовать: в поздние 50-е и ран-

ние 60-е годы многие мои коллеги после очередного заграничного турне очень хотели навсегда покинуть «родину мирового социализма». Кроме того, для нас, музыкантов-исполнителей, был и дополнительный стимул — то, что принято называть «свободой творчества». После визита в Москву в 1956 году скрипача Исаака Стерна, позже Бостонского, а потом и Филадельфийского симфонических оркестров стало очевидным профессиональное отставание исполнительского искусства в СССР. Мы, советские исполнители, поняли, в какой мере отгорожены от музыкальной культуры Запада, от последних достижений его многочисленных школ и центров. Оно и понятно, в СССР до 60-х годов практически не исполнялись Малер, Рихард Штраус, Стравинский, Барток, Кодаи, Бернстайн и даже Брамс, Бетховен, Моцарт, Вагнер, Сибелиус, Брукнер. Ну а поскольку у нас не было широких контактов, не было интенсивного обмена с лучшими музыкантами и музыкальными коллективами мира, то мы так и варились в собственном соку. Но в зрелом возрасте у многих, и у меня в частности, возникла острая потребность свободно — без разрешения властных чиновников — посещать лучшие оперные театры, слушать лучшие симфонические оркестры, самому исполнять то, к чему лежала душа, и так, как я считал нужным. Это горячее внутренне стремление играло не последнюю роль в принятии решения об отъезде у многих людей, в том числе и у меня.

Все это было хорошо, но как уехать? Конечно, мы то и дело слышали, что на Западе остался то один, то другой человек. Но чаще всего перебежчиками были крупные чины КГБ или партийные бонзы, то была их прерогатива. Для человека искусства, раз в жизни выехавшего на Запад, остаться там означало подвергнуть семью и оставшихся в СССР родственников страшной опасности.

И тут, в июне 1967 года, случилась Шестидневная война на Ближнем Востоке. Вдохновленная победой Израиля, группа совсем уже отчаянных сионистов пошла на немислимый риск и... получила разрешение на выезд. Вырвалась она из СССР, между прочим, совершенно легально, на законном основании «воссоединения семей». Как бы там ни было, после Шестид-

невной войны в СССР возникло само понятие «эмиграция». Потом было «самолетное дело», когда в 1969 году в Ленинграде судили группу людей, в том числе и не евреев, за попытку утнать самолет. Этот процесс дал новый толчок — уезжать стали тысячи. Коллективный опыт отъезжающих накапливался и распространялся все шире и шире.

Конечно, причины отъезда были у всех разные. Что касается меня, то я не был диссидентом в смысле присоединения к какой-либо группе в борьбе за перемены в СССР. После 1945 года, когда «это», то есть государственный антисемитизм, начало проявляться широко, открыто и понятно даже для меня, десятилетнего тогда мальчика, я перестал чувствовать себя частью этой страны. Поэтому желание уехать из СССР и жить за границей зрело давно...

Мы ждали разрешения восемь с половиной месяцев, а через 10 дней после отлета из Москвы началось вторжение советских войск в Афганистан.

Помню, как мутным ноябрьским утром, пройдя последний «шмон», я шел по длинному стеклянному коридору со своей скрипкой по направлению к автобусу, который отвозил пассажиров к самолету. Вдруг меня остановила группа молодых людей. Это были итальянские джазисты, вылетавшие домой другим самолетом. Показывая на мою скрипку, они спросили — куда я еду? Я ответил, что в Вену, в эмиграцию. Они бросились меня обнимать и кричать по-английски — поздравляем! От этого стало сразу тепло на душе. Вскоре я нашел своих — жену и сына, и мы сели, наконец, в самолет. Взлет — и земля, покрытая грязным талым снегом, стала быстро уходить куда-то вниз. Так начался счастливый и неповторимый день — день отъезда. Дату 26 ноября 1979 года мы празднуем и по сей день. Прожив 44 года в Москве и более 30 лет в Америке, мы не устаем благодарить Бога, позволившего нам начать вторую жизнь.

Константин Кикоин (1945), физик, профессор Тель-Авивского и Дрезденского университетов

Имена вашего отца и дяди — Абрама и Исаака Кикоиных — были известны в СССР не только физикам, но и широкой публике хотя бы потому, что братья — соавторы популярного школьного учебника по физике. А еще Исаак Кикоин был одним из творцов советского атомного оружия, академиком, лауреатом бесчисленных премий, орденоносцем и пр. При всем том мало кому известно, что братья родились в религиозной семье, получили традиционное еврейское образование, владели ивритом и — что самое невероятное — соблюдали основные предписания иудейской религии до конца своих дней!

Итак, первый вопрос. Во всех энциклопедиях написано: «И. Кикоин родился в местечке Жагоры (Литва), а в 1915 году семья Кикоиных переселилась в Псков». Поскольку евреям было категорически запрещено жить вне черты оседлости, напрашивается вывод: Кикоины оказались в числе тех, кого в 1915—1916 годах российская армия тысячами изгоняла из родных мест по приказу ее главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича, повелевшего выселять евреев из зоны военных действий, «так как они по родству языка могли шпионить в пользу противника». Братья когда-либо вспоминали о том, как их семья оказалась в Пскове?

Сценарий был несколько иной. Дело в том, что мой дед, Кушель Исаакович Кикоин, был учителем в школе. Точных сведений о его жизни у меня нет, но из тех фрагментов, что сохранились в воспоминаниях его детей, я знаю, что он, окончив иешиву в местечке Жагоры, мог продолжать учебу и стать раввином. Вместо этого он отправился в Петербург, возвратился оттуда учителем математики, работал в начальной школе, а затем стал ее директором. Учителем он был, по-видимому, замечательным. В конце 90-х годов со мной связался пожилой человек из Бруклина, который вел свой род из тех же Жагор. Он ухитрился отыскать нескольких уроженцев этого

литовского местечка, доживших до конца века, и эти люди на склоне лет гордились тем, что в детстве были учениками Кушеля Кикоина. И меня он отыскал не как племянника Исаака Кикоина, а как внука Кушеля Кикоина. Дед был человеком широко образованным. Помимо всего, что положено знать «ученому еврею», он владел несколькими европейскими языками, включая греческий и латынь, безупречно говорил и писал по-русски. Уже в 30-е годы, когда оба его сына жили в Ленинграде и переписывались с отцом на иврите, он требовал, чтобы хотя бы раз в году они писали ему по-русски, чтобы проверить, насколько хорошо братья владеют этим языком.

Так вот, в 1915 году, когда линия фронта приблизилась к Шавельскому уезду, Кикоины были высланы не как потенциальные немецкие шпионы, а эвакуировались как казенные служащие. Они ехали с относительным комфортом в дилижансе¹. Это обстоятельство, конечно, не избавило их от горь-

¹ Скорее всего, это семейная легенда. Кушель Кикоин, как «лицо иудейского вероисповедания», не мог быть государственным служащим, директором казенной школы. Возможно, речь идет о частном учебном заведении. Еще важнее то обстоятельство, что в 1915 году существование черты оседлости никто не отменял, переехать в Псковскую область, лежащую вне черты, ни один еврей не мог. Только в связи с поражениями русской армии в Первой мировой войне ее главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич приказал выселять евреев из зоны военных действий вглубь империи. При этом люди получали предписание покинуть тот или иной район и отправиться в ту область России, где их ставили на учет в полиции согласно предписанию о выселении. Сам же характер выселения в разных местах мог протекать по-разному. В одних местах воинские начальники давали людям два-три дня на сборы и даже предоставляли им транспорт, в других — просто выгоняли людей из домов, гнали до ближайшей железнодорожной станции и отправляли по месту назначения. Тот факт, что Кушель Кикоин отправился в ссылку «с относительным комфортом в дилижансе» ровным счетом ничего не доказывает. При этом часто случалось, что перемещенные евреи, чтобы не вызывать лишних подозрений окружающих, часто скрывали, что они «выселенцы». Сомнительным представляется и утверждение, будто Кушель Кикоин «отправился из местечка Жагоры в Петербург и вернулся учителем математики». Вероятнее всего, следуя веянию времени, он решил прервать религиозное образование и отправился в одну из учительских семинарий, которые давали и религиозное, и светское образование. Эти семинарии не требовали гимназического диплома, освобождали от призыва в армию и частично

кой участи «перемещенных лиц». Жизнь эвакуированных в Опочке в конце войны и в первые годы после октябрьского переворота была чрезвычайно скудна. Настолько скудна, что Исааку, которому было чуть больше десяти, пришлось подрабатывать репетиторством и, кажется, даже побыть мела-медом (учителем. — Э. Ф.) в хедере, благо его выдающиеся способности и абсолютная память ему это позволяли. А в 1921 году Кушеля Кикоина перевели преподавателем математики в Псков — в знаменитую мужскую гимназию, к тому времени уже, конечно, бывшую. По-видимому, у родителей Исаака и Абрама комплекс «перемещенных лиц» и ностальгия по Жагорам остались до конца жизни, но сами братья были почти целиком захвачены новой действительностью. Они числили себя псковичами и в последующие годы приезжали в Псков как на родину.

Большинство российских евреев, которые безоговорочно приняли советскую власть и безоглядно ринулись в новую жизнь, довольно легко добиваясь успеха (не в последнюю очередь потому, что революционный террор открыл им множество «вакансий»), происходили из социальных низов, из местечек черты оседлости. Нищета и убогий быт с одной стороны, религиозная и культурная деградация — с другой, заставляли их без сожаления рвать с «уходящим в прошлое» миром. Братья же Кикоины были воспитаны в другой традиции, они не могли не знать о красоте и величии Библии и собственно еврейской культуры. Тем не менее, вместе со всеми они «ринулись» в советскую жизнь.

Чем, по вашему мнению, они руководствовались — тягой к образованию, желанием сделать карьеру или чем-то еще?

В своем ответе на этот вопрос я могу опереться только на немногие странички воспоминаний, которые братья Кикоины оставили о себе, и на редкие разговоры с отцом. Но я, естественно, и сам много думал на эту тему, особенно в последние

открывали путь к российскому университетскому образованию. Все они, однако, располагались в городах черты оседлости — в Вильне, Варшаве, Житомире, но никак не в Петербурге.

лет десять-пятнадцать, когда дяди и отца уже не было с нами, а я перебрался в Израиль, где подобные вопросы «носятся в воздухе». Я почти уверен, что основной движущей силой в действиях старшего брата (младший был ведомым) явилось неистребимое еврейское любопытство — в его случае это жажда научного познания. Исаак Кикоин был человек необычайных дарований, он мог бы проявить себя в любой области как умственной, так и практической деятельности. Но случилось так, что время его становления как личности пришлось на середину 20-х годов, когда в Ленинграде буквально из ничего возникла физика, причем не в качестве абстрактной академической науки, а в качестве практической профессии, тесно связанной с инженерией. Инженер-физик — это то, что было написано на знамени, развернутом Абрамом Федоровичем Иоффе, и именно под это знамя, не колеблясь, встал Исаак Кикоин. Советскую власть, тогда еще на вид не столь страшную, он, как и все его ровесники, скорее всего, воспринимал как данность, равно как и еврейскую мудрость, полученную из отцовских рук. А все остальное он должен был добыть сам. Жажда знаний и понимание своего призвания — вот, по моим понятиям, «сокрытый двигатель его». Стремление к познанию физического мира вполне гармонично уживалась в нем, как и в его младшем брате, с мудростью Торы и Талмуда.

Жизнь семьи Кикоиных в Пскове была, конечно, скудной, как и у всех граждан Советского Союза в 20-е годы, но в интеллектуальном смысле она была вполне полноценной. Они учились в лучшей школе города, в их распоряжении была богатая школьная библиотека, из которой в те годы еще не успели вынести идеологически сомнительные дореволюционные издания. Отец мне рассказывал, что большую часть своих познаний в истории он получил, именно роясь в книжных шкафах, содержимое которых сохранилось с гимназических времен. В то же время отец извлек своего младшего сына со двора, когда тому едва исполнилось шесть лет, и засадил за тору. Мама, дочь раввина, в этот день плакала от счастья. Думаю, что «комплексом Багрицкого» — мироощущением советских евреев, с облегчением освободившихся от своего «убогого ме-

стечкового прошлого», никто из семейства Кикоиных не страдал. Братья Кикоины не афишировали своего еврейства, но и не пытались от него избавиться, оставаясь при том вполне лояльными советской власти.

Понятно, как ощущали себя ваши отец и дядя в довоенный период — альфой и омегой их жизни стала наука. Но вот началась война с нацистской Германией. Потом откуда-то возник и стал с невероятной скоростью распространяться антисемитизм практически погромного характера. Самое поразительное состояло в том, что именно в разгар этого погрома, (убийство Соломона Михоэлса, «дело Еврейского антифашистского комитета», «дело врачей», массовые увольнения евреев и т. д.) Исаак Константинович успешно продолжал работать в атомном проекте, получать всевозможные награды и пользоваться исключительными льготами. Ясно, что «особо полезных евреев» власти ограждали от антисемитизма, но как эти люди чувствовали себя в те годы? А ведь в атомном проекте было занято много ученых-евреев ранга Кикоина. Даже главным конструктором советской атомной бомбы, а позже — научным руководителем атомного центра «Арзамас-16» был Юлий Харитон. Известно вам что-либо о настроениях людей, которые вложили в руки Сталина «атомную дубину»?

Этот комплекс вопросов для меня очень труден, прежде всего потому, что, насколько мне известно, Исаак Кикоин никогда не делился своими мыслями о советской власти ни с кем из своих близких. Жена его, дочь «красного профессора», была убежденной сталинисткой и оставалась таковой до конца своих дней. От самого же Исаака Константиновича я никогда не слышал никаких речений ни в пользу советской власти, ни против нее. Разумеется, официальные речи, произнесенные на публичных мероприятиях, в счет не идут — ритуал есть ритуал. Можно только полагать, что в основном он разделял общественные убеждения с людьми своего круга и своего положения.

В свое время Даниил Гранин в книге «Зубр», посвященной Н. В. Тимофееву-Ресовскому, сформулировал эту позицию,

как своеобразный договор с дьяволом и его подручными: «Вы поставили перед нами задачи, почти что невыполнимые. Мы это для вас сделаем, для нас это профессиональный вызов, но в души к нам не лезьте и работать нам не мешайте». Весьма существенно, что все ученые курчатовского призыва были патриотами своей страны в лучшем смысле этого слова и убежденными государственниками. Теперь такая позиция называется конформизмом, но я думаю, что в их случае этот ярлык неприменим. Гонка вооружений с США в системе их ценностей была суровой необходимостью. Свою работу они рассматривали как часть общего дела и критиковали партийные власти прежде всего за их некомпетентность и непрофессионализм, за то, что эти власти, дав «спецам» одной рукой большие возможности, другой рукой в силу своей принципиальной неэффективности всячески мешали им исполнять возложенные на них задачи. Скрытое, а по временам и явное юдофобство властей было всего лишь одной из множества помех, которые приходилось преодолевать как еврею Харитону, так и славянину Курчатову.

Нужно также иметь в виду, что устройство Советского Союза во многих отношениях копировало феодально-рабовладельческие устои Российской империи, кое-как приспособленные к специфической идеологии большевизма. Иерархическая система «кормления» и «откупов» лежала в основе государственного механизма. На самом верху государь-генсек, власть его зиждется на заветах, полученных от верховного существа, чья земная оболочка покоится в мавзолее около главного въезда в Кремль. При генсеке королевский двор политбюро, которое, собственно, и делает государя, далее крупнейшие феодалы — секретари республиканских ЦК, обкомов и крайкомов партии, почти полновластные хозяева своих регионов. У тех — свои вассалы...

Кроме того, имелись отраслевые феодалы — министерства, комитеты и т. п. Дело каждого министра — обеспечить функционирование вверенной ему отрасли, а внутри министерства

его власть была почти неограниченной. Минсредмаш² был одним из таких огромных феодалов. Его структуры охватывали всю страну. В каком-то смысле и Курчатов, и Кикоин, и Харитон были феодалами среднего уровня. Над ними всеми нависал Берия, перед которым каждый из них отвечал своей головой в самом прямом смысле этого слова.

После смерти Сталина и устранения Берии система стала более мягкой, но сущность ее никоим образом не изменилась. На каждом уровне этой системы имеются тесные связи подчинения с вышестоящим предыдущего уровня и связи начальствования с ближайшими нижестоящими. Те же, кто находится несколькими уровнями ниже, существуют для руководителей данного уровня только в виде административных единиц, производственных ячеек, воинских подразделений и т. д. Мне кажется, что не только занятость своим делом, но и полная встроенность в эту систему позволяла руководителям «Проекта» (по созданию атомного оружия. — Э. Ф.) не задумываться о том, чьими руками построены корпуса лабораторий и цехов, дороги и коммуникации и что случилось с этими строителями после ввода «объекта» в строй. Но на уровне своего «объекта» каждый из руководителей знал всех ключевых людей, их деловые возможности и житейские обстоятельства и делал все возможное, чтобы оградить «своих» от посягательства бдительных органов и вздорных преследований по национальной и/или партийной линии. Я слышал немало историй о том, как и Харитон, и Зельдович, и Кикоин вызволяли своих еврейских сотрудников из ситуаций, почти безнадежных. Я. Б. Зельдович прямо говорил, что свои возможности этого рода он использует только для помощи попавшим в беду соплеменникам³.

² Министерство среднего машиностроения (Средмаш) — одно из самых засекреченных и могущественных министерств советского военно-промышленного комплекса. Отвечало за «атомные» проекты — ядерное оружие, атомные реакторы для военных и гражданских целей (атомных электростанций) и т. д.

³ Подобное утверждение, особенно в отношении Ю. Харитона, противоречит многочисленным свидетельствам, подтверждающим тот факт, что именно высокопоставленные еврей-руководители, боясь быть обвиненными в национализме или «потворстве сородичам», избегали принимать на

Со слов Зои Ионовны, жены академика И. М. Лифшица, который был, кажется, единственным другом Якова Борисовича, известно, что когда она указала на орденские планки на его пиджаке как на доказательство того, что жизнь прожита не напрасно, Я. Б. отмахнулся со словами: «Так за эти цацки я продал свою бессмертную душу...»

Что думали по поводу своих регалий Харитон и Кикоин, мне неизвестно. Лауреатские льготы и привилегии этих людей, насколько я знаю, мало волновали. Они ими не пользовались.

Так уж и не пользовались? Но ведь жили они — в том числе и Исаак Кикоин — в самых лучших квартирах, получали дачи в элитных дачных поселках, ездили на персональных автомобилях, получали кремлевские или академические пайки и прочее, и прочее. К тому же, мне помнится, что за дачи, пайки, путевки на закрытые курорты, поездки за рубеж и другие льготы шли просто-таки битвы, там кипели шекспировские страсти.

Во всяком случае, те, о ком я говорю, за льготами не гонялись хотя бы за недостатком времени, детей воспитывали в строгости, но внуков, конечно, баловали.

Мрачная эпоха борьбы с космополитизмом, как известно, по времени совпала с пиком работ над сверхоружием. Руководители проекта работали на износ с краткими перерывами на сон. Работали они за совесть, не за страх, ибо, не вкладываясь в такое неподъемное дело без остатка, довести его до завершения невозможно никому⁴. Про своего отца, которого к тому

работу, оказывать протекцию и тем более вступаться за чем-то провинившихся евреев. В своих «Воспоминаниях» А. Д. Сахаров рассказывает о том, что, когда нужно было вступить за ведущего сотрудника «Объекта» (Арзамас-16. — Э. Ф.) Льва Альтшулера, позволившего себе «неправильное» высказывание о генетической теории, Зельдович попросил «замолвить за него слово» Сахарова и Забабахина, так как ему было «неудобно заступаться за другого еврея».

⁴ Утверждения автора, будто ведущие ученые «Атомного проекта», увлеченные наукой, не замечали ничего вокруг себя, не соответствует действительности. В своих «Воспоминаниях» академик А. Д. Сахаров расска-

времени от «Проекта» отстранили по доносу, но жить и работать дозволили, я знаю, что он, будучи заведующим кафедрой в крупнейшем вузе Свердловска (Уральском индустриальном — позднее политехническом — институте. — Э. Ф.), являлся фигурой весьма заметной в городском масштабе и прекрасно понимал, что, когда будет дан свисток, он будет среди первых, за кем придут.

Я бы многое отдал за право хотя бы в виде «молчаливого привидения» присутствовать при разговорах, которые братья Кикоины вели между собой за закрытыми дверями отцовского кабинета во время визитов старшего брата к нам в Свердловск в те годы, когда первые бомбы уже были испытаны. «Отец народов» уже занял свое место на том свете, не успев прихватить с собой племя Израилево, а все руководители проекта (кроме Ю. Б. Харитона) вернулись к нормальной научной деятельности. Но, увы, этого не было, и домысливать содержание этих бесед я не имею права. Что я знаю довольно хорошо, так это отношение людей этого круга к диссидентству своего товарища по «Объекту» А. Д. Сахарова в 70—80-е годы. Они, конечно, старались не подписывать письма-пасквили, но в глубине души считали, что Сахаров занялся не своим делом. Превыше всего в научных кругах ценились профессионализм и эффективность, и даже порядочные люди полагали,

зывает, что сотрудники «Объекта» постоянно сталкивались с зэками. В частности, Сахаров пишет о восстании заключенных, работавших в зоне «Объекта». Восстание организовали бывшие армейские офицеры. Им удалось разоружить охрану, вырваться с территории «Объекта». На подавление восставших были брошены три дивизии НКВД. Позже сотрудникам «Объекта» объявили, что все «бандиты» уничтожены. Рассказывает Сахаров и о другом событии, свидетельствующем о тесной «связи» ведущих сотрудников «Объекта» с заключенными. Событие это связано с главным теоретиком «Объекта» Я. Зельдовичем. В какое-то время Зельдович сошелся с работавшей там художницей, по фамилии Ширяева. Она была расконвоированной заключенной. Вскоре Ширяева от него забеременела. Но тут окончился срок ее заключения, а по «закону Берии» все зэки, знавшие о местонахождении «Объекта», после освобождения выселялись на вечные времена в Магадан. Выслали туда и Ширяеву, которая вскоре родила дочь. Между прочим, Зельдович, бывший ведущим и незаменимым сотрудником «Объекта», даже не осмелился за нее заступиться.

что, ввязываясь в безнадежное дело борьбы с партийно-государственной машиной, могущество которой им было отлично известно, Сахаров понапрасну растрчивает свой интеллектуальный ресурс. И сами они в эту борьбу вступать не хотели. Мало кто из ученых и этого, и двух следующих поколений был готов признать примат общечеловеческих ценностей над профессиональными. И физики-евреи в этом отношении не отличались от физиков-великороссов.

Известно, что математики и физики высокого класса — И. Пятацкий-Шапиро, Н. Мейман, В. Левич, В. Файн, М. Азбель, А. Воронель сыграли заметную роль в сионистском движении 70-х годов, подняли его на уровень, который сразу же стал заметен международному, в первую очередь научному, сообществу.

Каков был резонанс от «сионистского активизма» в кругах советских ученых-евреев?

Этот резонанс был не очень громким, ибо каждое следующее поколение ученых-евреев наследовало профессиональный флюс от своих учителей. Активистам же 70-х не удалось заразить сколько-нибудь значимое число еврейских ученых сионистским энтузиазмом. Массовый разъезд этих людей по миру, в том числе и в Израиль, произошел позже, уже в 90-е и нулевые годы, и совсем по другой причине. И вот какой.

Физика в России, как явление мирового масштаба, обязана своим рождением большевикам, которые эту Россию разорили почти дотла, а также нескольким профессорам, которым сначала было дозволено, а потом поручено восстанавливать науку для пользы нового пролетарского государства. Что касается физики, то главным здесь был ученик Рентгена Абрам Иоффе. Проект «папы Иоффе» породил такое количество физиков самого высокого класса, что перечислить их просто невозможно. Они же за невероятно короткий срок — десять-двенадцать лет — создали, при поддержке государства, мощную систему исследовательских центров, способных заниматься и фундаментальной наукой на мировом уровне, и при-

кладными науками на уровне тогдашних потребностей государства.

Золотой век советской науки кончился чистками 1937 года, но потом началась война, и эти же самые люди составили костяк команды Курчатова, которой было поручено создание советской атомной бомбы. Послевоенные потребности оборонной науки и промышленности породили высококлассных специалистов нового поколения из МФТИ, МИФИ, вузов Ленинграда, Харькова, Свердловска, Томска, Казани: в 50-х годах наступил серебряный век советской науки. В него из золотого века перекочевали и братья Кикоины, и те, кто еще сохранился со времен «папы Иоффе». Но костяк его составило уже новое поколение ученых. И никакие призывы сионистских активистов не могли заставить их покинуть «остров серебряного века».

Когда М. Горбачев неосторожным движением вынул первый блок Берлинской стены, все величественное здание советской империи дрогнуло, из него начали выпадать отдельные конструкции, а через несколько лет от него не осталось ничего. Наука стала одной из первых жертв перестройки: заповедник чародейства и волшебства просто перестали финансировать. Начался новый исход ученых, хотя никаких «философских пароходов» на этот раз никто никуда не отправлял. Академики и доктора улетали рейсовыми самолетами по приглашениям американских, европейских и изредка — израильских университетов...

Возвращаясь к истории нашего семейства, мне хотелось бы еще раз подчеркнуть, что при всей своей встроенности в систему братья Кикоины никогда не забывали, откуда они родом. Верность ценностям, усвоенным в детстве, для них неразрывным образом была связана с памятью о родителях. Истинно верующими иудеями братья Кикоины не были, но Пасхальный седер они вместе со своими сестрами всегда устраивали в Москве в квартире Исаака Константиновича по полному канону с чтением всех положенных текстов. В канун Йом Кипур Исаак Константинович всегда брал командировку в Ленинград и проводил этот день в Большой синагоге на Лер-

монтовском. Все его сотрудники об этом знали, да и компетентные органы, по-видимому, тоже. Когда в Англии были изданы Кумранские рукописи, книга эта каким-то образом оказалась в домашней библиотеке Исаака Константиновича. Я был свидетелем тому, как братья Кикоины с увлечением читали факсимильно воспроизведенные тексты, написанные древним шрифтом, и удовлетворенно отмечали полное совпадение с текстами Торы, которые оба они знали наизусть.

У КРАСНОЙ ЧЕРТЫ

Владимир Порудоминский (1928, Москва), писатель, публицист

Разные формы, разные масштабы, разную степень накала принимал антисемитизм в Советском Союзе на протяжении всех лет его существования, но сомнений нет: зимой 1953 года он достиг апогея: обстановка в стране накалилась настолько, что, казалось, вот-вот и разразится всеобщий погром, начнется массовое выселение, а то и... Говорят, той зимой 53-го всякий день и во всякой газете непременно присутствовала подстрекательская антисемитская статья, а чаще — фельетон. Так ли это?

Кампания в печати началась 13 января 1953 года. На последней полосе газет — колонка «Хроники»: «Арест группы врачей-вредителей». На первой полосе — разъяряющая событие передовая. В «Правде» — «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». В других изданиях заголовков слегка варьируется: «Шпионы и убийцы под личиной ученых-врачей» («Известия»), «Шпионы и убийцы пойманы с поличным» («Комсомольская правда») и т. п.

Едва ли не самое удивительное, что следом не появляются «отклики», «письма трудящихся», выражающих возмущение и гнев, требующих суровой кары. Так было в 37-м, так будет в 50, 60, 70-е, во времена расправы над Пастернаком, Солженицыным, Сахаровым. В 53-м откликов почему-то нет.

Быть может, люди просто не поверили в столь нелепое обвинение: врач и убийца в одном лице! Или устали от непрерывных, откровенно противоречащих одно другому обвинений в адрес евреев: то космополиты, то националисты, то шпионы — и перестали верить газетным статьям?

Ничего подобного. Авторы, готовых искренне и гневно откликнуться, было не счесть. Тысячи, миллионы людей были охвачены паникой. Слухи, скорее всего, умышленно распускаемые, мгновенно подхватываются и распространяются — формула «врач-убийца» работает безотказно, ведь речь о здоровье людей, о здоровье их близких, детей. Больные отказываются идти на прием к врачам с еврейскими или «подозрительными» фамилиями, в каждом аптекарском снадобье предполагают яд, верят в подброшенные на прилавки магазинов спичечные коробки с микробами (!).

Но в печати откликов нет. Разве что в «Правде» от 20 февраля появляется очерк «Почта Лидии Тимашук» — в нем приводятся строки из писем, которые получает женщина-врач, объявленная разоблачительницей убийц, спасительницей отечества.

«Все, стар и млад, если бы возможно было иметь ваш портрет, поставили бы его на самое дорогое место в рамке, в семейном альбоме. А это значит — вы настоящая дочь своего народа, своей родины».

Некоторым для выражения чувств понадобились стихи:

Позор вам, общества обломки,
За ваши черные дела.
А славной русской патриотке
На веки вечные хвала!

В таком случае, почему «отклики» не организуются, а поступающие «самотеком» не печатаются?

Может, время не пришло? Теперь-то мы знаем, что предстоял суд над «врачами-убийцами», а следом — погромы, высылка евреев в места отдаленные на вымирание. На следую-

щих этапах намечавшейся расправы «всенародное одобрение», выражения «стихийного» народного гнева (в том числе и в печати) прозвучали бы, пожалуй, более кстати.

Впрочем, всякая догадка, если по-своему и точна, наверняка неполна: мы и поныне не имеем возможности охватить взглядом спектакль, который ставил великий актер и режиссер «всех времен и народов». Когда, например, были опубликованы кое-какие сведения о так называемом «деле еврейского антифашистского комитета» (ЕАК), стало ясно, что арест «врачей-вредителей» был произведен сразу вслед за расстрелом (12 августа 1952 года) тех, кто проходил по этому делу. В сообщении о «Деле ЕАК» («Известия ЦК КПСС», № 12), где речь идет о пятнадцати главных обвиняемых, напоследок мимоходом добавлено, что кроме них расстреляно или приговорено к многолетнему заключению еще 110 человек.

Так вот, откликов на арест врачей нет даже со стороны официальных борзописцев. Лишь изредка — легкая «беллетризация» сухих формулировок передовой «Правды» от 13 января:

«Они умели разыгрывать роль благородных людей. Впрочем, они прошли известную школу в этой области у лицедея Михоэлса, для которого не было ничего святого, который ради тридцати серебряников продавал душу избранной им в качестве родины стране желтого дьявола» («Крокодил», 30 января).

Исключение составил лишь Николай Грибачев, в годы разоблачений и погромов пылавший публицистическим жаром. В том же «Крокодиле» он раздражается страстным очерком, который заканчивается недвусмысленным призывом: «Вероятно, пойманы еще не все...»

Но одна ласточка, даже если эта ласточка — Грибачев, еще не делает весны?

Верно, кампания в печати развивается блекло и медлительно. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить происходящее в прессе 1953 года с проведенной четырьмя годами

ранее, в 1949 году, кампанией против космополитов. «Правда» за месяц помещает восемь больших статей, разоблачающих космополитов. «Культура и жизнь», орган Отдела пропаганды и агитации ЦК, выходящий раз в неделю, отдает борьбе с космополитами шесть номеров подряд. «Литературная газета» — пятнадцать номеров! Среди авторов — именитые деятели искусства, науки, представители общественных организаций. Из опубликованных документов становится известно, что 13 января 1949 года Маленков в присутствии Шкирятова домогается от С. Лозовского признания в преступной антисоветской деятельности. Тогда же, в январе 1949-го, арестованы врач Б. Шимелиович, писатели Л. Квитко, П. Маркиш, Д. Бергельсон — всего восемь человек — ядро будущего «дела ААК». (Трое — актер В. Зускин, писатели И. Фефер и Д. Гофштейн — в тюрьме с 1948 года, Лозовский арестован 26 января.) Кроме того, 28 статей в «Правде» о критиках-космополитах. Параллельно с тайным «делом» начинается первая открытая антиеврейская акция: **«безродные космополиты», деятели «шпионского» ЕАК, «врачи-убийцы» — все это непременно (и скоро!) должно стянуться в один узел, состыковаться в некое катастрофическое целое.**

Публикациям зимы 53-го во всем этом отводилось свое место.

Какое же?

13 января о евреях сказано — убийцы, того страшнее — врачи-убийцы, то есть убийцы лицемерные, подлые, от них ждут помощи, а они убивают. Ничего страшнее, пожалуй, не скажешь. А пока готовится суд и все прочее, что должно последовать за приговором, печать в основном разрабатывает «частную» тему, на первый взгляд с «врачами-убийцами» не связанную. В той же передовой «Правды» еще один враг:

«Кроме этих врагов, есть у нас еще один враг — ротозейство наших людей...»

На страшное известие о «врачах-убийцах» печать откликается разоблачением... ротозейства. Не странно ли!

«Покончить с ротозейством в наших рядах!» — передовая «Правды» от 18 января, «О беспечности и ротозействе», «Против беспечности и ротозейства», «Ротозейство и беспечность продолжают». И что интересно — ни одной еврейской фамилии в статьях не названо!

А вот 23 января в «Комсомольской правде» фельетон «Ложное опекунство». Некто Коган, оформив опекунство над русским мальчиком-сиротой, дурно исполняет свою обязанность. Опекун — человек с путаной биографией, выдает себя за инвалида войны, получил пособие, просит пенсию, все сходит ему с рук **«из-за беспечности и ротозейства некоторых людей»**. В конце же статьи выясняется, что этот самый злодей Коган... слепой! Право, заподозришь, что это пародия, розыгрыш, да в те годы такое вряд ли мыслимо. В «Правде» от 11 февраля — фельетон «Сапоги со скрипом»:

«Судили Б. М. Шафраника, директора комбината. Государственное предприятие, превращенное им в вотчину, приносило директору немалые доходы. Для того, чтобы вершить воровские дела без помех, Шафранник всюду расставил преданных ему людей... А именно: Крельштейна, Друкера, Купершмдита, Морковича, Спектора...»

Следует рассказ о суде, приводятся признания и, наоборот, увертки обвиняемых. И финал:

«Признаемся читателю, что картина, нарисованная в начале нашего повествования, является плодом фантазии фельетониста. Суда над директором комбината еще не было. И скажем прямо: описанная выше сцена понадобилась для того, чтобы предупредить события».

Стоит ли удивляться! Суда над «врачами-убийцами» тоже еще не было, но уже заявлено на весь мир о совершенных ими преступлениях, о принадлежности каждого к той или иной разведке, по существу, приговор уже оглашен.

А дальше? Дальше заголовки: «Ротозей», «Преступник и ротозей», «Об одном жулике и многих ротозеях», «Проходец и ротозей», «Ротозей и его окружение». Последний фельетон («Вечерняя Москва» 31 января) — прямо-таки образец выкройка. Ротозей — директор артели Иван Круглов, окруже-

ние — Розенталь, Бахрах, Авруцкий, Кирнос, которые и хоро-
водят в артели.

Название артели — само по себе фельетон: «Имени 30 лет
Октября Мосгорнадомкоопинсоюза»! Название типовое, как
бы означающее уровень разоблачений. Если предшествующая
борьба — с космополитизмом сверкала на газетных страницах
именами и золочеными вывесками: Союз писателей, МХАТ,
Мосфильм, Академия художеств, то компания 1953 года тяго-
теет к глухой провинции, где место действия — артель, ма-
стерская, заготконтора... И при этом ощущение какой-то на-
рочитости: будто сложно отыскать нужные «факты» в мини-
стерстве, научно-исследовательском институте, на крупном
предприятии, в театре, музее. И героев могли бы найти по-
масштабнее, коль скоро кремлевские врачи уже оказались
убийцами!

Но нет, фельетонисты, как будто нарочно, тянутся к совер-
шеннейшим мелочам. Начальник отделения какой-то захо-
лустной железной дороги Либерман переоборудовал старую
дрезину в личный экипаж и разъезжает в нем со своими дру-
зьями Мильманом и Гонтмахером. Зав. секцией поселкового
гастронома обвешивает покупателей. Студент Нудельман об-
маном пролез в комитет комсомола факультета. В «теоретиче-
ских» статьях-подвалах: «Повышать политическую бдитель-
ность, разоблачать ротозеев!», «Бдительность — наше оружие»
и т. д. — утверждается прямая связь между преступными за-
мыслами американского империализма и, к примеру, безоб-
разиями в артели «Реставрация одежды». Между процессами
Сланского и Гомулки и неким Рофманом, получившим подъ-
емные, но вместо Винницы отправившимся в Хабаровск. Меж-
ду «вредительско-террористической деятельностью врачей-
вредителей» и механиком Гореликом, построившим удобную
дачку...

Не кажется ли вам, что все это делалось сознательно и продуманно? Для Сталина не составляло труда обвинить кого угодно в чем угодно. При этом он не сомневался, что никаких протестов ни с чьей стороны не последует, даже если обвиненные и осужден-

ные — вчерашние высокопоставленные лица, кумиры публики и т. д. Но если Сталин готовил массовую депортацию, то это меняло дело. Ведь чего Сталин не знал и чего он опасался, так это того, как воспримет массовую депортацию рядовой человек из глубинки. Конечно, этому человеку нет дела до кремлевских врачей: газеты утверждают, что они убийцы? Пусть будет так: не моего ума дело. Но когда соседа по коммунальной квартире или человека, с которым он ходил в одну школу либо работает на одном заводе, человека, ежедневная жизнь которого, вплоть до того, что готовит его жена на общей кухне, проходит у него на глазах, вдруг обвиняют в «пособничестве американскому империализму», это другое дело. Как маленький человек из провинции поведет себя в такой ситуации? Вдруг этот маленький человек предупредит своего друга детства об аресте? Или укроет соседа-еврея? Или его сердобольная жена выдаст детей этого еврея за своих? Такое случилось даже во время войны на оккупированных нацистами территориях! Во всяком случае, именно в этом маленьком человеке из провинции Сталин уверен не был и считал необходимым предварительно убедить его в том, что всякий еврей, даже друг, даже одноклассник, даже сосед, сослуживец, всякий без исключения — враг!

О замыслах Сталина можно лишь догадываться, но одно очевидно — ничтожество антиеврейских газетных материалов 1953 года таило в себе куда большую взрывную опасность, чем мы тогда могли предположить. Фельетоны про Бецалелнов Базаревичей и Лазарей Бенционочей (имена взяты из тогдашней газеты), вроде бы ничего страшного не совершающих, не губящих советских людей, как врачи-убийцы, не отравляющих их сознание космополитическим ядом, не предавших Юлиуса Фучика, но везде и всюду, в каждой конторе, на каждой базе и промкомбинате пронырливо снующих вокруг, устраивающих какие-то свои делишки, меняющих имена, окружающих себя себе подобными, фельетоны эти настойчиво внедряли в голову читателя мысль, что он окружен сонмом врагов, бесов, которые постоянно его обманывают, обольщают, обходят, толкают на неблагоприятные поступки, затягивают в преступные махинации.

В измельчении темы, сюжета, персонажей оказывается глубокий смысл: у читателя вырабатывается почти физическое ощущение, что враг во множестве и всегда рядом, и что он всегда еврей. И соответственно еврей — враг.

Само ротозейство, объявленное в фельетонах тяжким преступлением, таит в себе даже что-то привлекательное. Ротозей — человек доверчивый и добрый. Ротозей, пусть его даже изобличают, вызывает сочувствие: хотел сделать добро ближнему, а ближний его обошел, обманул, затянул.

Впрочем, ротозеи в фельетонах не столько обличаются, сколько упоминаются, подчас они и вовсе безымянны.

«На заводе плохо поставлен табельный учет — именно поэтому в отделе снабжения подвизается некий (обязательно — «некий») Духин, в прошлом примыкавший к еврейской буржуазно-националистической организации».

Или:

«Некий Гуревич», воспитанный в семье меньшевика-бундовца».

Совершенно ясно, что табельный учет вряд ли позволяет установить, в какой семье воспитывался Гуревич, но также ясно, кого следует остерегаться.

С другой стороны, образ врага появляется в фельетонах со все большей определенностью. Фельетоны все чаще начинаются с указания имени врага и черт его натуры:

«Абрам Натанович Хайтин — человек без определенных занятий. Вчера он был заготовителем утильсырья, а завтра мог стать цирковым администратором. Всеми его поступками и помыслами руководила страсть к наживе».

Еврейские фамилия, имя и отчество на газетной полосе утрачивают личностное начало, превращаются в знак, а фельетон в целом — в определенную знаковую систему, элементами которой, кроме имени персонажа, становятся почти однозначные сведения о его прошлом, службе в армии (точнее — дезертирстве), политической неблагонадежности, неблагонадежном же окружении. Случайность, нередко бессюжетность фельетона связаны с тем, что он, в общем-то, и не предназначен для внимательного читателя. Он призван напомнить

о враге-еврее, не позволить читателю утратить живший в их сознании образ врага.

При всем том советского интернационализма пока никто не отменял: печать — хочешь не хочешь — не может представлять дело так, будто вокруг одни только «Пини из Жмеринки». Случай удачно подбрасывает зимней прессе 1953-го две темы, широко освещаемые в противовес теме «Пиня из Жмеринки». Это вручение Илье Эренбургу Сталинской премии мира, демонстративно присужденной писателю сразу вскоре после расстрела осужденных по делу ЕАК и незадолго до объявления о «деле врачей». Второй темой стала смерть давнего сталинского подручного Мехлиса, торжественно погребенного на Красной площади.

И все же антиеврейских статей и фельетонов в газетах куда меньше, чем чудилось тогда и, кажется, доньине. Не во всякой газете они появляются и не всякий день. «Комсомольская правда» на протяжении всей кампании отделяется двумя фельетонами.

Скудному вкладу, внесенному в антиеврейскую кампанию «Красной звездой», скорее всего, способствует повышенная секретность на страницах газеты, укоренявшая в народе мысль, что «все мы готовы в бой», что в армии у нас все в порядке, что там нет никаких вредителей, проходимцев, ротозеев. Нечто странное в «Литературной газете», возглавляемой Константином Симоновым. В самые «жаркие» дни зимы 53-го — вообще ни одного фельетона! И вдруг, спустя три недели после смерти Сталина, в последних мартовских номерах — два подряд, и какие! Скроенные по самым мерзким образцам, они производят сильное впечатление не из-за своего содержания, а из-за запоздалого появления (отбой по «делу врачей» был дан только 4 апреля). Судя по опубликованным запискам Симонова, в ходе кампании 1953 года он узнает, что в ЦК поступают доносы, «доказывающие» еврейское происхождение писателя и его связь с «Джойнтом». Видимо, приходится запоздало капитулировать.

Если это так, если антиеврейских статей и фельетонов было не так уж много и разбавлены они были «Эренбургом» и «Мехлисом», откуда же неискоренимое ощущение, что были они всякий день и во всякой газете?

Причин несколько.

Первая — не всякий день и не во всякой газете, но всякий день в одной-двух газетах они все-таки появлялись. А поскольку у людей выработалась рефлекторная потребность читать именно такие материалы, то они их выискивали и читали.

Вторая — знаковость «еврейского» имени. Опять-таки почти произвольно люди выискивали еврейские фамилии в статьях, где одновременно упоминалось и много других фамилий. Читатели были убеждены, что вся-то статья написана из-за этой фамилии, а остальные добавлены из «интернациональных» соображений.

Третья — читатели получали постоянную и обширную устную информацию. Воздух наполнился слухами, догадками, предположениями. Устные рассказы сливались с материалами печати в единый нескончаемый поток.

Четвертая — страх. Страх, у которого глаза велики. Под «пыткой страхом» накануне новой катастрофы, в которую предполагал ввергнуть евреев Сталин, мудрено ли в каждом слове, устном, тем более печатном, угадывать слово приговора — окончательного, обжалованию не подлежащего, мудрено ли умом, тем более чувством, бесконечно приумножать и расширять это слово? Постоянный страх ожидания новой катастрофы, вобравший в себя и страх, пережитый российскими евреями зимой 1953 года, закодирован в наших генах. Он и сегодня во многом определяет наши реакции и решения.

ЕВРЕЕВ НЕТ, ВОПРОС — ЕСТЬ

Эйтан Финкельштейн

«ЧЕРНАЯ КНИГА» ВАСИЛИЯ ГРОССМАНА

Семь десятилетий советской власти — черная дыра не только в политическом и экономическом развитии стран и народов, собранных под крышей Союза Советских Социалистических Республик и скованных «одной цепью» — тираническим режимом. Это еще и черная дыра в общественном сознании, в интеллектуальной, информационной и других сферах. Власть, осуществлявшая тотальный контроль над духовной жизнью людей, скрывала либо искажала (порой до неузнаваемости!) факты прошлого и настоящего, манипулировала достижениями науки и культуры, лишала своих граждан элементарной информации о важнейших мировых достижениях в области духовного движения человечества. В Стране Советов начисто отсутствовали знания о современной теологии, социологии, о новых идеях в области экологии (информацию о взрыве на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 года и возможных последствиях этого власти скрывали от собственного народа, что привело к жертвам, которых можно было избежать) и защиты прав личности. В разное время в СССР запрещали педологию, генетику, кибернетику, люди там разве что понаслышке знали о современных тенденциях в кинематографе, литературе, драматургии, музыке.

Само собой, к числу «черных дыр» в общественном знании и сознании принадлежало все, что было связано со словом «Холокост». Верно, смутное представление о том, что «не-

мецко-фашистские захватчики» преследовали «коммунистов и евреев», в обществе — во всяком случае, в некоторой его части — все же присутствовало. Глухо упоминать об этом разрешалось в специальной литературе о немецком фашизме и о войне. Но не более того. Любопытно, что в 1960—80-х годах даже среди инакомыслящей интеллигенции, писателей-диссидентов, историков и публицистов, искавших правду «о стране и мире» за рамками дозволенного, тема Холокоста практически не поднимается. Нет ее в многочисленном и разнообразном самиздате советских времен, и даже в еврейском самиздате Холокост упоминался разве что вскользь.

Между тем в Европе и Америке в послевоенные годы все больше и больше укреплялось сознание того, что Холокост — трагедия отнюдь не только еврейского народа. Чем дальше в историю уходило прошлое, тем яснее вырисовывались контуры Холокоста как вселенской катастрофы, причем **катастрофы всей западной цивилизации**. Постичь смысл и значение Холокоста пытались теологи и романисты, ученые и музыканты, политики и журналисты. Тысячи книг и статей, диссертаций и мемуаров, кинофильмов и выставок, конгрессов и конференций пытались обрисовать те или иные аспекты катастрофы европейского еврейства и, опять-таки, постичь ее смысл.

В конце концов Холокост стал на Западе неким цивилизационным водоразделом: история до Холокоста и после Холокоста, теология до Холокоста и после Холокоста, литература до Холокоста и после Холокоста... Осмысление Холокоста привело к существенным сдвигам в индивидуальном и коллективном сознании в странах Запада, к существенным изменениям в национальных законодательствах в отношении к смертной казни, к иностранцам, к войнам и революциям, к равенству полов, к воспитанию детей, к политике и политикам и многому, многому другому. Тем замечательным фактом, что во главе угла всего и вся современные западные общества ставят именно человеческую жизнь и человеческое достоинство, они во многом обязаны осмыслению Холокоста, твердой убежденностью, что **такое повториться не может!** Невинный

человек не может быть подвергнут наказанию, а наказание виновного не должно унижать его человеческого достоинства. В большинстве стран Запада запрещены смертная казнь и пытки заключенных, военные и полицейские операции проводятся только с соблюдением определенных правил, социальная защита здесь не дает никому погибнуть от голода и болезней и т. д.

Итак, именно Холокост стал в западном сознании водоразделом между прошлым и настоящим, между тем периодом истории, когда насилие над личностью во имя «правильных идей» признавалось нормой, и тем временем, когда оно стало считаться беззаконием.

В сознании советских людей историческим водоразделом стала Великая Отечественная война, точнее, победа в этой войне советского народа. Причем победа не над фашизмом как таковым (что такое фашизм, природу его, в СССР представляли себе весьма смутно), а над врагом — «немецким захватчиком». Мифологизация войны, победы и необходимости постоянно противостоять враждебному окружению привели к углублению дегуманизации советского общества, усилению террора и милитаризации, обнищанию, деградации семьи и прочим «прелестям» подобного рода. При этом о цене победы — миллионах жертв, зачастую напрасных, советские власти предпочитали говорить вскользь, между прочим, а чаще всего обходить эту тему вообще. Отсюда делался логический вывод: все, что было связано с трагедией еврейского народа, подлежит умолчанию.

Тем удивительнее, что первая попытка собрать воедино, систематизировать и опубликовать факты преследования нацистами еврейского населения была предпринята в... Советском Союзе! Предпринята еще до того, как мир услышал слово «Холокост» и понял, что оно означает.

В 1947 году в типографию московского издательства «Дер Эмес» («Правда») была сдана «Черная книга» — сборник документов и свидетельств уничтожения нацистами еврейского населения на оккупированной Вермахтом советской территории. Авторами-составителями книги числились Илья Эрен-

бург и Василий Гроссман. Гроссман же был и автором предисловия, разъясняющего цели и задачи предлагаемого читателю сборника.

Соавторство Эренбурга и Гроссмана на первый взгляд казалось вполне логичным. Оба автора были чрезвычайно популярными военными публицистами — статьями и того и другого зачитывались на фронтах и в тылу. Тему войны оба продолжали разрабатывать в своих литературных произведениях и в послевоенные годы. Тем не менее, к идее создания «Черной книги» Гроссман и Эренбург пришли разными путями.

В годы войны по числу статей и их популярности Эренбург был публицистом номер один. Если Гроссман публиковался практически только в «Красной звезде», то статьи Эренбурга украшали еще и «Правду», и «Известия», и «Труд». Публиковался Эренбург и в зарубежной прессе. При этом его антифашистские статьи, предназначенные как для внутреннего потребления, так и для заграничного читателя, по большей части носили пафосно-пропагандистский характер и соответствовали установке властей на том или ином этапе войны. В 1945 году, уже после войны, Эренбург был послан в Германию в качестве корреспондента на Нюрнбергский процесс. Позже он объездил целый ряд стран Восточной Европы, оккупированных советскими войсками, а в следующем, 1946 году был направлен в США. Его репортажи из Нюрнберга в точности соответствовали тому, как в Кремле хотели видеть судебный процесс над нацистскими преступниками, а в его путевых заметках «Дорогами Европы» утверждалось, что народы Восточной Европы «окончательно выбрали путь на единение с братскими народами СССР», что ни в коей мере не соответствовало действительности. Статьи Эренбурга об Америке («В Америке» и т. д.) и вовсе были выдержаны в духе холодной войны еще до того, как сама холодная война достигла своего апогея.

К тому же Эренбург был широко известен как писатель, причем писательскую славу он обрел еще до войны. В 1941 году вышел его роман «Падение Парижа», который понравился самом Сталину и в силу этого был широко растиражирован

и удостоен (1942) Сталинской премии. В 1948 году Эренбург получил из рук вождя вторую Сталинскую премию за роман «Буря».

Василий Гроссман никем обласкан не был, никаких премий не получал, а до войны числился всего лишь начинающим писателем. Однако военные годы он провел на фронтах в качестве корреспондента «Красной звезды». Вообще-то Гроссмана правильнее называть не военным, а фронтовым корреспондентом. Ибо военными корреспондентами часто называли тех, кто лишь время от времени наезжал на фронт, собирал там материал и уезжал домой писать свои репортажи. Гроссман же всегда был на передовой. Все пять месяцев битвы за Сталинград он провел в этом городе. А до того был свидетелем разгрома и бегства Красной армии. Войну он окончил в Берлине. Короче, Гроссман постоянно находился на линии фронта, жил вместе с солдатами и офицерами, делил с ними не только тяготы окопной жизни, но и ежедневно подвергался риску быть убитым или раненым. Наверное, именно поэтому статьи Гроссмана представляли собой живые и яркие картинки войны, нарисованные с натуры, нарисованные человеком, вовлеченным во фронтовую жизнь, душой страдающим не только «за правое дело», но и за жизнь и судьбу человека в окопах.

Впрочем, огромная популярность (за газетой с репортажем Гроссмана очереди выстраивались с ночи) Василия Гроссмана объясняется еще и тем, что корреспондент «Красной звезды» позволял себе писать правду о жестокости войны как таковой, о трагедии отдельного человека, и даже... о падении морали советских солдат. Чрезвычайные обстоятельства — война все же! — заставляла цензуру закрывать глаза на подобное нарушение канонов социалистического реализма. Разумеется, Гроссман писал о том, что оставляет после себя война. Сожженные, обезлюдившие деревни и разрушенные города, развороченные дороги и взорванные мосты, пейзаж без засеянных полей, пасущихся стад, без птиц и купающейся ребятни. И еще. Уроженец бывшей еврейской черты оседлости, проведенный детство и молодость в Бердичеве, Гроссман не мог

не заметить, что из украинского и белорусского пейзажей на чисто исчезла их еврейская составляющая. Не пострадала наравне со всем тем, что опалил огонь войны, а полностью исчезла, была уничтожена сознательно и с особой тщательностью. Уничтожена в многочисленных гетто, концлагерях, бабьих ярах, румбулах, панарах, а то и просто в гаражах, на улицах, в лесах. Между прочим, в таком вот гетто города Бердичева погибла мать писателя. Так что уничтожение российского еврейства на оккупированных территориях стало болью его сердца.

Итак, реалии, увиденные собственными глазами, убедили Гроссмана в том, что еврейская трагедия не вписывается в рамки общей трагедии войны. То было особое преступление нацистов, равно как и особая трагедия целого народа, народа как такового. (Слово «геноцид» тогда еще не было в ходу.) Именно это и натолкнуло Гроссмана на мысль собрать и опубликовать материалы о преследовании евреев немецкими оккупационными властями.

К аналогичной мысли Эренбург пришел не сам. Оно и понятно, Эренбургу неведом был ни довоенный, ни послевоенный пейзаж бывшей черты оседлости, война с нацистской Германией представлялась ему гигантской битвой добра — социалистического отечества — со злом — нацистской Германией. К идее собрать материалы о преследовании нацистами евреев он пришел с подачи Альберта Эйнштейна, с которым встретился в 1946 году в США.

К тому времени Эйнштейн уже ясно представлял себе, что произошло в Европе с еврейским народом. Понимал великий физик и то, что беспрецедентный характер еврейской трагедии может сделать ее недостоверной в глазах будущих поколений. Да и некоторым современникам она может показаться столь чудовищной, что они скажут: нет, такого не могло быть! Чтобы этого не произошло, необходимо было по горячим следам собрать как можно больше конкретных доказательств, подтверждающих факт геноцида еврейского народа. В этом Эйнштейн и пытался убедить гостя из Москвы.

Увидел ли Эренбург в предложении Эйнштейна возможность завербовать великого физика в ряды симпатизантов Советского Союза, или цели его были значительно шире (специализация Эренбурга в качестве кремлевского пропагандиста заключалась в промывании мозгов западной интеллигенции), судить трудно, но предложение Эйнштейна его явно заинтересовало. Заинтересовало и вылилось в идею создания «Черной книги» о преследованиях нацистами евреев на территории Советского Союза. При всем том Эренбург сознавал, что самостоятельно наполнить такую книгу конкретным содержанием он не может.

А кто может?

Далеко ходить за соавтором Эренбургу не пришлось. Он был знаком и с Гроссманом, и с его статьями и прекрасно знал, что Гроссман «болен» еврейской темой. Со своей стороны, и Гроссман понимал, что для реализации его идеи как раз и нужен человек таких связей и таких возможностей, какими обладал Эренбург.

Итак, заявка на «Черную книгу» ушла за подписями Эренбурга и Гроссмана. Ушла не одна. Одновременно соавторы послали заявку и на «Красную книгу». Если «Черная книга» должна была рассказать о страданиях советских евреев, то «Красная» — об их подвигах на фронтах Отечественной войны и в тылу врага. Любопытно, что, намереваясь рассказать о евреях-героях, соавторы опять-таки исходили из разных посылок. Гроссман не понаслышке знал о подвигах еврейских офицеров, солдат, партизан, а потому с особой горечью — как личную трагедию — воспринимал поднявший голову уже в годы войны и постоянно набиравший обороты антисемитизм, центральной «темой» которого были утверждения, будто евреи «не воевали», «отсиживались в Ташкенте» и т. д.

Легенды подобного рода не имели под собой ни малейшего основания. Как показали опубликованные через десятилетия архивы Министерства обороны СССР, процент евреев, принявших участие в войне в качестве солдат, матросов и офицеров, был беспрецедентно высок. (По данным Центрального архива вооруженных сил СССР, во время Великой Отечествен-

ной войны в войсках насчитывалось 501 тыс. (20 % от общей численности еврейского населения) евреев, причем 168 тыс. (39,6 %) из них полегло на полях сражений.) Беспрецедентно высоким был и процент евреев, удостоенных боевых наград. И уж никто и никогда из евреев не переходил на сторону врага и не участвовал в военных формированиях, подчиненных Вермахту. А ведь на стороне противника воевали более полутора миллионов бывших советских солдат и офицеров: «Русская освободительная армия» под командованием генерала Власова, «Восточные легионы», различные казацкие соединения и т. д. Тем не менее, пропагандистские органы страны по личному указанию Сталина, искавшего козлов отпущения за провалы первого этапа войны, постоянно фабриковали и широко распространяли легенды о «трусости и предательстве евреев». Гроссман хотел противопоставить этой лжи конкретные факты.

Эренбурга поднимающий голову антисемитизм тоже настораживал. При этом его больше всего смущало, что этот факт усложнит его задачу, связанную с ролью адвоката коммунистического режима и персонально «вождя всех народов» в глазах леволиберальной западной интеллигенции, среди которой велика была доля евреев.

Как бы там ни было, из этой затеи ничего не вышло: цензура отвергла «Красную книгу» на корню, отвергла решительно и бесповоротно.

Работа же над «Черной» началась со сбора свидетельских показаний и авторских материалов очевидцев еврейской трагедии на оккупированных территориях СССР. Понятно, что большая часть этой работы легла на плечи Гроссмана. И не только потому, что он лучше соавтора знал конкретную обстановку и имел больше связей и возможностей привлечь к делу нужных людей. Опухоль антисемитизма постоянно разбухала и все больше и больше угрожала прорваться наружу. Эренбург, по всей видимости, имел каких-то тайных покровителей, которые информировали его о настроениях на верхах и возможном повороте событий «на еврейской улице». Благодаря этой информации Эренбург заблаговременно, хотя и без

всякого внешнего повода, вышел из состава еврейского антифашистского комитета (ЕАК) и полностью отстранился от участия в работе над «Черной книгой».

Завершать работу над книгой и писать пространное предисловие к ней Гроссману пришлось самому. Он же вынужден был «пробивать» ее сквозь цензурные барьеры. Наконец искромсанная вдоль и поперек книга была сдана в печать в типографию ЕАК. Увы, было уже поздно: в конце ноября 1948 года погромщики в форме сотрудников НКВД ворвались в здание ЕАК, арестовали его сотрудников и забрали все материалы издательства «Дер Эмес». В числе последних была и набранная уже «Черная книга». По указанию члена Политбюро ЦК М. Суслова публикация ее была запрещена, набор рассыпан.

Но старое правило — рукописи не горят! — сработало и на этот раз. Спустя 32 года собранная из черновых заметок и отдельных кусочков, там или здесь опубликованных, «Черная книга» Василия Гроссмана была издана в Иерусалиме. Конечно, к этому времени она уже утратила свое значение по существу: собранные второпях, неполные и плохо проверенные документы и свидетельства ничего не могли добавить к той всеобъемлющей картине Холокоста, которую к этому времени успели нарисовать тысячи исследователей, публицистов, архивистов и других специалистов-профессионалов из многих стран мира.

Тем не менее, некий высший смысл остался. Судьба книги о нацистском Холокосте самым неожиданным образом стала свидетельством другого зла — чудовищного разгула послевоенного сталинского антисемитизма, который едва не перерос в физическую расправу над советскими евреями.

И еще. Книга Гроссмана — это свидетельство духовного подвига человека, который словно средневековый летописец при свете костров *auto da fe* пишет свою хронику, зная, что скоро и сам будет брошен в огонь.

* * * *

МИФЫ ХОЛОКОСТА

Впервые Всемирный день памяти жертв Холокоста, установленный по решению Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, отметили в январе 2005 года — в 60-ю годовщину освобождения «главного» нацистского лагеря смерти «Освенцим» советскими войсками под командованием генерала Петренко. В тот год в некоторых европейских столицах прошли официальные собрания, на которых первые лица государств, министры, депутаты парламентов произносили пламенные речи, клеймили нацизм и клялись никогда в будущем не допускать ничего подобного. Многие европейские СМИ посвятили этой дате специальные статьи или передачи с участием известных общественных деятелей, историков, бывших узников концлагерей.

Нарочитая помпезность и подчеркнута официозный характер этих мероприятий заставляли думать, что речь, скорее всего, идет о разовой акции: завершится юбилей, и о Холокосте вспомнят разве что к столетней годовщине освобождения Освенцима.

Случилось по-другому. День памяти жертв Холокоста стали отмечать ежегодно, отмечать все с большим размахом, а география соответствующих торжеств постоянно расширялась, охватывая все новые и новые столицы. Но вот что любопытно: в каждой стране акценты по случаю Дня памяти составлялись по-разному, а причины и даже история катастрофы рассматривались под «национальным» углом зрения. Соответственно делались и выводы о том, как такое могло случиться, кто более других виноват, каким образом определять и компенсировать ущерб выжившим в Катастрофе и, наконец, что делать, чтобы трагедии подобного рода не повторялись в будущем.

Что касается бывшей **Западной Германии**, то эта страна безоговорочно приняла на себя вину за Холокост и сделала все возможное, чтобы вину эту загладить. Сотни тысяч людей, прямо или косвенно пострадавших от нацистских зверств, по-

лучили — и продолжают получать — финансовую поддержку со стороны германского правительства. Кроме того, сотни миллиардов долларов, которые тогдашняя Федеративная Германия долгие годы выплачивала государству Израиль, помогли этой стране создать современную, в том числе военную, индустрию. В сочетании с поставками вооружений и политической поддержкой сначала Бонна, а затем и Берлина, это помогло Израилю противостоять неисчислимым врагам, то есть избежать нового Холокоста.

Не менее важным было и «внутреннее очищение», очищение западногерманского общества от духа милитаризма, национализма, ксенофобии. И в этом направлении ФРГ сделала все возможное, чтобы расчитаться с прошлым. И не только на уровне законодательства. Несколько поколений западных немцев были воспитаны в духе неприятия нацизма и, более того, — ненависти к нему, воспитаны в духе миролюбия, толерантности, терпимости и покаяния.

И все же в начале XXI века акценты — не в оценке прошлого, а в видении будущего — начали в объединенной Германии меняться. Целью официальных церемоний в День памяти жертв Катастрофы стало теперь не столько покаяние за прошлое, сколько желание подвести под ним историческую черту. Официальный Берлин, прежде всего, пытается показать миру, что новая Германия заслуживает полного доверия в качестве не только экономического, но и политического лидера Европы и, более того, — важной мировой державы, претендующей на членство в Совете безопасности ООН.

Совсем иные цели у тех, кто отмечает День Холокоста в Австрии, Франции, Голландии, Бельгии.

В 1938 году **Австрия** была включена в состав Третьего рейха, или, как принято говорить, аннексирована (*Anschluss*) нацистской Германией. Но немецкое слово *Anschluss* необязательно означает «насильственное присоединение», как это принято думать именно в связи с событиями 1938 года. Это слово может означать и «союз», и «объединение». Если внимательно присмотреться к событиям тех лет, нетрудно убедить-

ся, что Anschluss 1938 года де-факто не был насильственным. «Австрофашизм», нацистские и пронацистские настроения были широко распространены и глубоко укоренены в довоенной Австрии. По утверждению многих историков и свидетелей тех лет, духом немецкого шовинизма Австрия была пронизана даже в большей мере, чем сама Германия. Наверное, не случаен факт, что и сам фюрер, и многие его ближайшие соратники, а также нацисты среднего звена были выходцами из Австрии. (На 1938 год население Австрии составляло 8,5 % от населения Германии, но три четверти комендантов нацистских концлагерей были выходцами из Австрии. Австрийцы же составляли большинство сотрудников Четвертого (еврейского) спецотдела гестапо, возглавляемого А. Эйхманом.)

Верно, какая-то часть австрийского политического истеблишмента сопротивлялась объединению с Германией на условиях Гитлера, то есть не хотела механического присоединения своей страны к Германии и соответственно утраты своих привилегий. Австрийская политическая элита хотела выторговать себе какую-то автономию. Гитлер же об этом и слышать не хотел. С согласия Британии и Франции и в нарушение Версальского мирного договора 1919 года он ввел (в ночь с 11 на 12 марта 1938 года) немецкие войска в Австрию. Австрийская армия не оказала им ни малейшего сопротивления, а толпы граждан приветствовали колонны германских солдат как братьев-освободителей. Чуть позже, на всеобщем плебисците 10 апреля того же года 99,75 % австрийцев сказали «да» объединению с Германией. Тем не менее, некоторый элемент давления, который Гитлер оказывал на правящую верхушку в Австрии, в послевоенные годы дал Вене повод позиционировать себя в качестве... жертвы нацистской Германии! Между тем «новая» немецкая земля — Острих¹ — ничем от остальной нацистской Германии не отличалась, а в том, что касается преследования евреев и экспроприации их имущества, усерд-

¹ Так стала называться Австрия после присоединения ее к Германии в 1938 году.

ствовала более других, «старых», земель. Не делали различия между Германией и Австрией и союзные войска, сражавшиеся против фашистской Германии. После окончания войны аншлюс был аннулирован, Австрия, как и Германия, была разделена на четыре зоны оккупации, в трех из которых — западных — началась интенсивная денацификация.

От должной ответственности за преступления нацизма, и за Холокост в частности, Австрию спасла начавшаяся холодная война. Западные державы, крайне заинтересованные в том, чтобы «отодвинуть» советскую армию подальше на восток, согласились на нейтралитет Австрии. В 1955 году был принят «Государственный договор о восстановлении независимости Австрийской республики и о постоянном ее нейтралитете». В результате все оккупационные войска — советские и западные — покинули страну.

Таким образом, Австрия сумела выйти сухой из воды! Это означало, что денацификация там до конца доведена не была, многие нацистские преступники не понесли наказания, Вена не приняла должного участия в деле компенсации уцелевшим жертвам Холокоста. (Невероятно, но из списка почетных граждан австрийского города Амштатен /Amstetten/ Адольф Гитлер был вычеркнут лишь в мае 2011 года!) Между прочим, на вопрос автора этой статьи, почему он перебрался из Германии в Австрию, знаменитый охотник за нацистскими преступниками Симон Визенталь ответил: «В Германии делается все или почти все, чтобы найти и привлечь к суду бывших нацистов — там я уже не очень нужен, а вот в Австрии у меня непопулярный край работы...» И верно, на момент интервью с С. Визенталем в Австрии проживало 450 тыс. бывших членов нацистской партии, а четверо из них даже оказались... членами тогдашнего правительства Бруно Крайского!

Так что же, спустя 60 лет, говорят в Австрии по случаю Дня Холокоста? Обещают переосмыслить исторические факты, признать свою вину, помочь в деле компенсации еще живым жертвам Холокоста? Ничуть не бывало! Песню там поют старую: мы тоже жертвы нацизма, вины на нас нет, участвовать в программах помощи жертвам нацизма мы не обязаны!

Легкой добычей нацистской Германии стала **Франция**. Ее армия в короткий срок была разгромлена вермахтом, часть страны была оккупирована, другая часть попала под власть прогерманского, в сущности — марионеточного, правительства Виши. Так что Франция действительно стала жертвой германской агрессии. **Но в том, что касается Холокоста, эта страна фактически была союзником нацистской Германии, соучастницей преступления века.**

Верно, во время войны, особенно к ее концу, на территории Франции существовало движение сопротивления. Но участвовала в нем лишь крайне незначительная часть населения (прежде всего, иностранцы — поляки, евреи, чехи и др.). В целом же в годы войны страна жила обычной жизнью: никакой разрухи, никакого террора, никакого дефицита продуктов или товаров. Работали театры и кино, люди неукоснительно ездили в отпуск, а более всего радовались отсутствию безработицы — воюющая Германия закупала во Франции все для своей армии и тем самым обеспечивала французов рабочими местами. В подавляющем большинстве французы сотрудничали с оккупационными властями и собственными коллаборационистами. При содействии и полном равнодушии обывателей оккупационные и «свои» власти выискивали и отправляли сограждан-евреев в лагеря уничтожения в точности так же, как поставляли в Германию продовольствие, сырье, оборудование.

Первым шагом французских властей после подписания капитуляции стал указ, требующий от евреев выплатить «штраф» в размере одного миллиарда франков. Специально созданный «Главный комиссариат по делам евреев» в правительстве Виши (аналог 4-го спецотдела гестапо, возглавлявшегося Эйхманом) «по-государственному» планировал и осуществлял переход во французские руки еврейской собственности. Власти приказали конфисковать у евреев все, включая радиоприемники и велосипеды. Мебель же и домашняя утварь угнанных в концлагеря, как правило, переходила в руки соседей.

Подсчитано, что за годы войны было уничтожено 98 тысяч французских евреев. Невозможно представить, чтобы сотрудники гестапо, штат которых во Франции был весьма незначителен, могли справиться со столь грандиозной задачей только своими силами!

И верно, печально знаменитый «лионский палач» Клаус Барби, которого в течение многих лет после войны не могли привлечь к суду, возглавлял гестапо города Лиона, штат которого насчитывал... 25 человек. При этом Барби умудрился отправить в лагерь, тюрьмы и на виселицы тысячи евреев и участников движения Сопротивления!

В этой связи можно обратиться к воспоминаниям знаменитого французского певца и актера родом из Марселя, который, будучи совсем молодым и никому не известным, решил попытать счастья в столице, находящейся в зоне немецкой оккупации. В 1941 году он отправился в Париж, плохо представляя, что его там ждет. На границе оккупированной зоны паспорт человека по имени Иво Ливи проверял немецкий пограничник (по случайному стечению обстоятельств, его французского напарника на месте не оказалось). «Ливи, Ливи, — повторял немецкий офицер, листая какой-то справочник, — а не еврейская ли это фамилия?» — «Конечно, нет, — ответил молодой человек». — «Похоже, ты прав, — сказал немец. — Ливи в списке есть, а Ливи — нет».

А ведь если бы французский напарник немецкого офицера оказался на месте, он бы без труда определил, что и французской фамилии «Ливи» не бывает, а внешность молодого человека явно вызывала подозрение. И уж тогда Франция наверняка лишилась бы будущего знаменитого шансонье по имени Ив Монтан.

С тем же равнодушием и деловитостью, с каким Франция отправляла своих евреев сначала в Дранси, а потом в Освенцим, **Швейцария** получала нацистское золото, на скорую руку переплавленное из зубных коронок умерщвленных жертв Холокоста, поставляя взамен оптические приборы и изделия точной механики для нужд немецкой военной про-

мышленности. Армия же этой нейтральной страны всю свою мощь направила на то, чтобы отлавливать беглых немецких евреев и возвращать их гестапо. Мало кто знает, что печально известная буква J (Jude) появилась в паспортах немецких евреев по просьбе... швейцарского правительства! Мотивировка просьбы была проста: без этого, дескать, швейцарские чиновники не могут отличить немцев (арийцев) от немецких евреев. Равным образом преследовали в Швейцарии и тех, кто пытался оказывать помощь беглецам. В этой связи процитируем сообщение, которое появилось на официальном сайте правительства Швейцарии в ноябре 2011 года:

«Государственная комиссия при правительстве Швейцарии оправдала 147 граждан страны, которые помогали евреям скрываться от нацистов во времена Второй мировой войны».

Уточним. Эта комиссия была создана в 2004 году для исследования деятельности «преступников», которые помогали евреям спастись от нацистов в 1938—1945 годах. Часть этих людей была осуждена и посажена в швейцарскую тюрьму. Другие получили большие штрафы. Большинство потеряло работу.

До 1943 года, то есть до того момента, когда исход Второй мировой войны был еще неясен, активно сотрудничало с нацистской Германией и правительство нейтральной **Швеции**. Причем речь шла не только о финансировании нацистов, поставках им стратегических материалов, но и о согласии на перевозку через свою «нейтральную» территорию военных грузов. Стокгольм категорически не принимал еврейских беженцев, а зачастую выдавал их гестапо. Правда, после разгрома армии фельдмаршала Паулюса под Сталинградом политика Стокгольма изменилась — в спасении евреев на оккупированных нацистами территориях отныне принимали участие и многие шведы, наибольшую известность из которых получил Рауль Валленберг, представитель клана Валленбергов, наживших, между прочим, огромное состояние на поставках нацистской Германии.

В 2012 году(!) муниципалитет столицы **Бельгии** официально признал факт сотрудничества с гитлеровскими оккупационными властями во время Второй мировой войны в деле «окончательного решения еврейского вопроса». Оказалось, что в мае 1940 года муниципальные власти Брюсселя передали нацистам детализированный список, в который входили 5640 евреев, проживавших в бельгийской столице. В этом списке были указаны их адреса, а также различные биографические подробности.

Аналогично вели себя власти **Италии**, активно сотрудничали с нацистами хорваты, боснийцы и венгры.

Что касается Восточной **Польши**, аннексированной Советским Союзом в 1939 году, то евреев здесь начали убивать сразу после ухода Красной армии, но еще до прихода немецких войск. Символом польского отношения к евреям стало местечко Едвабне на северо-востоке страны. Десятого июля 1941 года — после того как советские войска покинули эти края — местные жители по своей инициативе согнали в амбар на окраине местечка около двух тысяч евреев и под гром барабанов и крики ликующей толпы подожгли его со всех сторон. Сделали они это неумело, так что потом им пришлось несколько дней рубить топорами спекшуюся массу человеческих тел, тел вчерашних соседей. Позже извергам из Едвабне пришлось выслушивать упреки немецких офицеров «за непрофессионализм».

Отнюдь не случайно именно в Польше с ее трехмиллионным еврейским населением и традиционной юдофобией нацисты построили Освенцим — Трехлинку, свою главную фабрику смерти.

Зловещую роль в том, что называется Холокост, сыграл и **Ватикан**. Правда, часть документов времен правления Папы Пия XII (1939—1958) все еще недоступна исследователям, и мир до сих пор не знает, сделал ли что-то Святой престол,

чтобы помочь миллионам обреченных на гибель. Зато мы точно знаем, чего Папа Пий XII не сделал.

Общаясь в 70-е годы с литовскими ксендзами и активистами литовской католической церкви, которые во время войны спасали евреев, автор этих строк часто слышал слова: «Спасали евреев мы, католики, и наши интеллигенты-атеисты. И мы, и они делали это потому, что не могли поступить иначе. Но им было легче. Они отвечали только перед своей совестью. Мы же чувствовали себя церковными изгоями, мы опасались, что иерархи нас не одобряют».

Согласно изданной Государственным еврейским музеем Литвы книге Виктории Сакайте «Спасение евреев в Литве, 1941—1944», за годы Второй мировой войны нацисты при активной поддержке местного населения уничтожили 94 % еврейского населения этой балтийской страны. Так вот, представим себе, что Папа Пий XII — высший авторитет церкви — обратился к своей пастве со строгим предупреждением, что участие или соучастие в убийстве евреев противоречит основам христианской веры и что каждый католик, замаравший руки еврейской кровью, будет отлучен от церкви. Не стоит обольщаться, подобный призыв не остановил бы маховик Холокоста. Но и не сомневаюсь, что сотни тысяч рядовых священников и простых верующих в Польше и Литве (где погибло более трех миллионов евреев) восприняли бы его как руководство к действию. А это значит, что у Холокоста был бы другой счет: не шесть миллионов, а пять, четыре или три...

Увы, несмотря на то, что с просьбами осудить массовые убийства евреев к Пию XII обращались президент Рузвельт, президент польского правительства в изгнании Рачкевич, епископ Берлинский Преизинг, главный раввин Палестины Герцог и многие другие, тогдашний понтифик ни словом не осудил нацизм и антисемитизм, не выступил против «окончательного решения еврейского вопроса». С другой стороны, Гитлер, Геббельс, Кальтенбрунер и другие нацистские главари никогда не были отлучены от церкви или просто осуждены

Ватиканом. Они ушли из жизни, будучи (по крайней мере, формально) католиками. Факт сам по себе примечательный.

И еще одна немаловажная деталь. Многие историки, публицисты, писатели, кинематографисты (в том числе и в Израиле), интересующиеся темой Холокоста, довольно часто прямо или косвенно выражали недоумение — почему жертвы не оказывали сопротивления палачам, а покорно, словно овцы, шли на убой? Оставив в стороне вопрос о том, что данное утверждение далеко не всегда соответствует действительности², попытаемся понять, почему же сопротивления не было тогда, когда, казалось, оно напрашивалось само собой. Разумеется, причин было много, и в каждом конкретном случае, в каждой стране, в каждом городе, в каждом гетто или концлагере складывалась конкретная ситуация. Но одна причина во всех случаях была одной и той же.

Обратимся к дневнику русской эмигрантской поэтессы Раисы Блох. Ее семья бежала из большевистской России в Германию, позже она со своим мужем, поэтом и славистом Михаилом Горлиным, переехала в Париж. В мае 1941 года Горлин был арестован как еврей и отправлен в пересылочный лагерь в Дранси. При посещении мужа Р. Блох с удивлением обнаружила, что вход в лагерь не охранялся. Блох и ее друзья предложили Горлину бежать, но скоро все убедились: бежать бесполезно, жители первой же встречной деревушки схватят его и передадут в полицию.

Вскоре Горлина переправили в Освенцим, где он и погиб. Ненадолго пережила его и Раиса Блох. При попытке перейти границу Швейцарии она была схвачена швейцарскими пограничниками и передана в руки гестапо. Погибла она приблизительно в 1944 году.

² Вспомним хотя бы о восстании в зловещем концлагере Собибор, которое под руководством советского офицера Александра Печерского подняли еврейские узники. И хотя это было единственное удачное восстание в лагерях смерти за всю их историю, подвиг еврейских узников сознательно замалчивался в СССР более чем столетия.

Как эти два человека могли сопротивляться в абсолютно враждебном окружении?

Еще более убедительный пример — Польша. 19 апреля 1943 года восстало Варшавское гетто. Уцелевшие его узники, истощенные и почти безоружные, напали на охрану, перебили ее и вплоть до 16 мая удерживали территорию гетто в своих руках. Лишь вызванные с фронта войска СС сумели подавить восстание. В ходе боев было убито около семи тысяч защитников гетто, еще шесть тысяч сгорели заживо. После подавления восстания оставшиеся обитатели гетто (около 15 тысяч человек) были отправлены в лагеря смерти (большинство — в Трехлинку).

Но что поразительно, национальная Армия Крайова (польское вооруженное подполье) тоже готовила восстание, но она даже пальцем не пошевелила, чтобы помочь (тем более присоединиться) к восставшим в гетто. Некоторые историки считают, что среди руководителей Армии Крайовой были те, кто ждал, что немцы расправятся с евреями, а новая, послевоенная Польша станет *judenfrei* — свободной от евреев.

Через полтора года, первого августа 1944, когда советские войска уже стояли на восточном берегу Вислы, Армия Крайова начала свое восстание. Руководители Варшавского восстания, без сомнения, рассчитывали на помощь Красной армии, но Сталин не спешил, ему не нравился вариант, при котором Варшаву освободила бы неподконтрольная ему «националистическая» Армия Крайова. Роль освободительницы Варшавы Сталин отвел Красной армии и ждал момента, когда вермахт с помощью авиации и артиллерии очистит Варшаву от националистов. Только после того как это произошло, советские танки двинулись вперед. (За 63 дня восстания погибли 10 тыс. повстанцев, 17 тыс. попали в плен, 7 тыс. пропали без вести.)

Таким образом, эти два героических события происходили, словно не в одном городе, не на одних и тех же улицах, не в одно и то же время, а на разных концах планеты в разное историческое время. Так они и вошли в историю — никак не связанные между собой: «Восстание в Варшавском гетто» и «Варшавское восстание». Факт поразительный, наглядно де-

монстрирующий то, в каком положении находились евреи в оккупированных гитлеровцами странах. (Между прочим, там, где окружение не было враждебным — Дания, Болгария, — евреи в основном уцелели.)

Итак, миф номер один состоит в том, что Холокост был делом рук одних лишь нацистов, одной лишь нацистской Германии.

Верно, нацисты составляли ударный отряд палачей, но уничтожение шести миллионов евреев — дело рук многих европейских народов. Ни гестапо, ни войска СС, ни вермахт, ни все они вместе не в состоянии были за какие-то четыре—пять лет отыскать, идентифицировать, изолировать, а затем физически уничтожить шесть миллионов человек в более чем тридцати странах Европы! Без активной или пассивной поддержки местных властей и местного населения это представляется невыполнимым. С исторической точки зрения Холокост в широком смысле слова — это избиение европейских евреев, физическое уничтожение большей их части и изгнание уцелевших из Старого света.

Подвиги отдельных людей — Праведников народов мира, участников антифашистского Сопротивления, а также властей Дании и Болгарии, спасавших евреев, — это то самое исключение, которое лишь подтверждает правило. (Иерусалимский институт «Яд ва-Шем» за десятки лет упорной работы сумел установить имена 15 670 Праведников народов мира из 34 европейских стран и России.)

Миф номер два состоит в том, что в основе Холокоста лежат расовые предрассудки, религиозная или этническая вражда.

Конечно, в той или иной мере имели место и многовековые религиозные предрассудки, связанные с обвинением евреев отцами церкви в распятии Христа. Имела место и этническая вражда, связанная с тем, что евреи часто оказывались

единственным этническим меньшинством в окружающем однородном обществе и при этом часто еще и конкурентами! (Понятие об этническом и расовом многообразии мира и о равенстве людей всех цветов кожи и всех этносов получило распространение в Европе лишь в последней четверти XX века.) Эти предрассудки переплелись со всевозможными мифами, легендами и верованиями чуть ли не языческих времен (вспомним хотя бы композитора Р. Вагнера!). В конце концов, все это вылилось в Европе во всеобщую нелюбовь к «пришельцам», временами (и местами) переходящую в откровенную ненависть и погромы.

Но что интересно, в разных странах евреев избивали и убивали под самыми различными, порой взаимоисключающими, лозунгами! В Эстонии, Польше, Литве, Латвии их гнали на смерть, обвиняя в приверженности коммунизму и сотрудничестве с советскими оккупационными властями. В том же польском местечке Едвабно евреев, которых вели в амбар, чтобы сжечь живыми, заставили нести красный флаг.

С другой стороны, во Франции Главный комиссариат по делам евреев в Виши распространял пропагандистские материалы, показывающие евреев международными банкирами, капиталистами, толстосумами-кровопийцами. В Швейцарии выдавали евреев на смерть под предлогом того, что «их маленькая страна не желает раздражать» могущественного соседа, в Швеции — не хотели получить в лице немецких евреев конкурентов, хорваты подозревали евреев в симпатиях к сербам, украинцы — к русским.

Единственным «общим знаменателем» между гонителями и палачами во всех странах Европы была жажда наживы.

Конечно, в первые послевоенные годы, когда еще только подсчитывали количество погибших, мысль о потерянном имуществе отступала на задний план, более того, казалась кощунственной. Лишь по прошествии полувека стали вырисовываться масштабы ограбления европейского еврейства. И масштабы эти сами по себе свидетельствуют об истинной цели Холокоста. Целью этой было ограбление еврейского на-

селения, изъятие у него имущества, накопленного за предшествующие сотни лет.

Отсюда понятен и смысл мифа номер три: Холокост прекратился с разгромом нацистской Германии.

Конечно, в мае 1945 года печи Освенцима перестали дымить, но сотни тысяч еврейских беженцев, чудом избежавших гибели, метались в первые послевоенные годы по Европе без документов, без средств к существованию, без права вернуться к родным очагам. И, само собой, без права вернуть свое имущество, которое осело в государственных и частных банках, в руках «арийских» фирм, в музеях, у бывших соседей и где-то еще.

В пригороде Мюнхена Гаутинге по сей день существует заброшенное еврейское кладбище, где покоятся евреи — очень молодые люди из Польши, Литвы, Румынии и других стран, скончавшиеся в 1945—1955 годах. Выжившие в концлагере Дахау, эти люди умерли «своей (!) смертью», а потому их имена в списках жертв Холокоста не числятся. Но сколько их было, этих имен, по каким еще уголкам и закоулкам Европы разбросаны кладбища, аналогичные тому, что в Гаутинге?

А те, кто выжил? В сущности, им не оставили иного выбора, кроме бегства из Европы. Но и это было непросто. Те, кто хотел перебраться в США, годам ждали разрешения в лагерях для перемещенных лиц. Еще больше страданий выпало на долю тех, кто хотел добраться до Палестины. Официальный Лондон, играя в свои колониальные игры, отправлял этих людей в концлагеря на Кипре. Более того, не в последнюю очередь благодаря манипуляциям британского Министерства колоний, которое сознательно разжигало страсти, заигрывая то с евреями, то с арабами Палестины, полмиллиона палестинских евреев в 1948 году оказались на пороге нового «ближневосточного» Холокоста — регулярные армии восьми арабских стран вторглись в Палестину с целью «сбросить евреев в море». И не вина британцев, что эти армии потерпели пора-

жение. И не вина британцев, что в результате этого возникло Государство Израиль.

Многие тогда сочли сам факт образования еврейского государства гарантией того, что Холокост навсегда ушел в прошлое. Ничуть не бывало, именно тогда тучи начали сгущаться над Русской равниной.

По всей видимости, Сталин начал свой путь к Холокосту еще во время войны с Германией. Хотя советские евреи были естественными врагами нацизма, сталинская пропаганда без устали твердила об их «трусости и предательстве». Это было особенно удивительно на фоне того, что русские, украинцы, кавказцы и балтийцы нередко с радостью сдавались в плен и переходили на службу фашистской Германии. (На стороне Гитлера в разное время сражались до полутора миллиона русских, а в одной только маленькой Латвии 140 тысяч латышей добровольно записались в войска СС.)

Нет сомнения, что антисемитская пропаганда была инспирирована Сталиным, чтобы подготовить почву для послевоенных погромных процессов. Сколько их было? Все знают об убийстве знаменитого актера Соломона Михоэлса, о разгоне Еврейского Антифашистского Комитета, о закрытии еврейского театра (ГОСЕТа), о так называемом «деле врачей». Но дел такого рода по всей стране было множество. Евреев расстреливали, сажали в тюрьмы и лагеря, изгоняли с работы, травили в печати. К концу 1952 года в стране сложилась обстановка, когда достаточно было искры, чтобы началось массовое избиевание евреев (они же — космополиты, сионисты, шпионы, вредители, отравители и проч.). А затем, «во спасение от народного гнева» последовала бы депортация евреев в отдаленные районы Сибири и их уничтожение³.

Искра не вспыхнула — смерть Сталина в марте 1953 года спасла советских евреев от нового Холокоста. Но и после этого угроза не исчезла. Наследник Сталина, Никита Хрущев, во-

³ Некоторые серьезные архивисты (Г. Костырченко и др.) отрицают, что в Кремле имелись какие-то планы или директивы по депортации евреев в отдаленные районы Сибири, но при всех обстоятельствах почва для этого была подготовлена.

оружив до зубов армии арабских стран, всячески подталкивал их к войне с Израилем. Конечно, в первую очередь Хрущев стремился (по его словам) «ударить в подбрюшину британского империализма», но нет сомнения: не менее важной целью этого откровенного и злобного антисемита было уничтожение Государства Израиль, «дабы собственные евреи» и не помышляли смотреть в его сторону. И не вина Хрущева, что за шесть дней июня 1967 года арабские армии были разбиты, а Герой Советского Союза — он же диктатор Египта — Гамаль Абдель Насер так и не сумел осуществить свою мечту о новом Холокосте.

Прошло много лет. Давно нет среди живых Гитлера, Сталина и Хрущева, нет Шукейри, Насера и Арафата, но дело нового, ближневосточного Холокоста, переходя из рук одного знаменосца в руки другого, отнюдь не ушло в небытие. При этом любопытно, что все его адепты шли и продолжают идти в бой под разными знаменами. Любимец Гитлера Иерусалимский муфтий хотел уничтожить евреев как расово неполноценную нацию. Шукейри обещал сбросить в море «крестоносцев», Насеру Израиль мешал осуществить мечту о панарабском единении, отцу и сыну Асадам создать Великую Сирию, Арафату — палестинское государство. ХАМАСу и Хисбулле — водрузить над Иерусалимом зеленое знамя ислама, иранским аятоллам — добиться регионального господства. Но в чем же тогда истинные мотивы желающих устроить ближневосточный Холокост? В том же, что у тех, кто устроил Холокост в Европе — жажда наживы.

Лучше других это продемонстрировал Я. Арафат. Отказавшись в свое время подписать мир с правительством Э. Барака, согласившимся выполнить практически все условия Арафата, и развязав новый виток кровавого террора, так называемую «вторую интифаду», Арафат дал ясно понять: он не хочет палестинского государства рядом с Израилем, он хочет палестинское государство вместо Израиля!

Понять мотивы Арафата (и его преемников) совсем не трудно. Куда как проще и приятнее быть «героическим лиде-

ром освободительного движения», чем президентом крошечного нищего государства. В первом случае ты — любимое дитя «мировой общественности», тебя с объятиями встречают в столицах многих стран, тебя носит на руках вся левацкая и пропалестинская публика, тебя щедро одаривают деньгами, львиную долю которых ты откладываешь на собственные счета...

А президент захудалого государства? Он должен заботиться о строительстве дорог, водопровода и канализации, строить больницы и школы, обеспечивать население продовольствием, рабочими местами... Одним словом, тяжелейшая и кропотливая работа, за которую тебя будут ругать со всех сторон. Тут-то и возникает желание — взять и отобрать все то, что было создано за целое столетие на пустынных и заболоченных землях Палестины. Отобрать обустроенные города и высокоорганизованное сельское хозяйство, отобрать аэродромы и морские порты, отобрать заводы, дороги, отели. Отобрать все, что было создано кровью, потом и невероятными усилиями всего мирового еврейства.

Да, печи Освенцима давно погасли. Но дым от шести миллионов сторевших человеческих тел не растворился в атмосфере и не рассеялся где-то на просторах Галактики. Он то уплывает за горизонт, то вновь дает о себе знать здесь и там, напоминая нам, что Холокост отнюдь не ушел в историю.

* * * *

ЕВРЕЙ В РУССКОЙ ПАМЯТИ

Двухсотлетняя история евреев в России завершена. Факт этот вовсе не означает, что люди с еврейскими фамилиями там полностью исчезли. Означает он другое: **евреи как весомое национальное меньшинство перестали играть сколько-нибудь заметную роль в жизни этой страны, влиять на процесс ее политического и культурного развития, опре-**

делять ее будущее. Фигурально говоря, еврей из России ушел, но еврейский вопрос там остался, ибо еврей ушел из российской жизни, но не из российской памяти. Казус не нов, как не нов и вопрос: каким он — еврей — остался и каким ему еще предстоит остаться в урочище русской памяти.

Велик соблазн ответить на этот вопрос однозначно: память по себе еврей оставил скверную. Соблазн этот навеян не только многочисленными легендами прошлого, но и свежими, незажившими еще ранами и, прежде всего, болезненным процессом переосмысления целой нацией — вчерашним советским народом — своего прошлого и необходимостью ответить на вопрос: кто же мы такие, русские, и что такое наше новое государство — Российская Федерация?

Понятно, принцип «отрицание — лучший способ утверждения» дает самый быстрый и самый простой ответ. Так что еврею, наряду с «лицами кавказской национальности», балтийцами, украинцами и другими, еще недавно «братскими» народами, какое-то время будут оставаться в сознании русских людей врагами, пусть и бывшими. И только когда кризис самоидентификации завершится, а еврейский вопрос перестанет будоражить умы и бередить старые раны, только тогда русские люди смогут беспристрастно оценить ту роль, которую сыграли евреи в их судьбе и в их истории.

Пытаясь разобраться в хитросплетениях русской памяти, не следует упускать из вида, что память эта отнюдь не однородна, что отношение к евреям в России постоянно менялось, да и никогда не было единообразным. Царский двор и советская верхушка видели его в одном свете, властная бюрократия — в другом, интеллигенция — в третьем. В столицах о евреях судили с одной колокольни, в провинции — с другой.

Начнем с Руси дохристианской. Широко распространено мнение, будто уже оттуда, из своей предыстории, Русь вынесла враждебное отношение к евреям, о коих узнала, сталкиваясь — как на поле боя, так и в делах торговых и хозяйствен-

ных — с Хазарским каганатом. Мнение это более чем спорно⁴. Верно, Русь сформировалась в Поле, ведя непрерывные войны с половцами, печенегами, хазарами и другими кочевыми народами. Легко предположить, что враждебность по отношению к ним крепко засела в народной памяти. Но вот вопрос — выделялись ли евреи из общего ряда недругов?

Согласно легенде, князь Владимир Святославович (ум. 1015), желая консолидировать подвластные ему земли, решил заменить многочисленные языческие верования, бытовавшие на Руси, единой религией. А для сего он будто бы пригласил на спор христианина, еврея и мусульманина. В этом споре каждый из них должен был доказать преимущества своей веры, причем Владимир обещал выбрать для Руси ту из них, представитель которой выйдет победителем в споре. Трудно предположить, чтобы князь пригласил на судьбоносный спор представителя заведомо враждебного народа, с тем чтобы «осчастливить» своих подданных его верой. Что еще важнее — как могла возникнуть и сохраниться в народной памяти легенда о том, что еврей, христианин и мусульманин конкурировали на равных, если в XI веке еврей представлялся русичам существом куда более враждебным, нежели христианин или мусульманин!

Вспомним и тот факт, что епископ Новгородский времен князя Ярослава и один из первых православных проповедников на Руси звался Лука Жидята (ум. 1059) и, по некоторым сведениям, происходил из евреев.

Примеров подобного рода можно привести множество, и все они заставляют усомниться в том, что Киевская Русь отличалась особой враждебностью к евреям. Представляется наиболее вероятным, что попытки приписать киевским руси-

⁴ Такое мнение сложилось под влиянием школы историков-норманистов, а позже — советских историков, видевших истоки русской государственности «на западе», в варяжской Скандинавии. Школа антинорманистов (Н. Карамзин, В. Григорьев, В. Ключевский, Н. Марр, М. Артамонов и др.) считала, что не варяги из Скандинавии, а Хазарский каганат более всего способствовал зарождению государственности восточных славян в целом и Киевской Руси в частности.

чам особую к ним неприязнь были предприняты задним числом спустя столетия.

В иных условиях формировалась Московская Русь. Московское княжество покорило и частично адаптировало коренные угро-финские народы, вышло победителем из междоусобных войн и длительного противостояния с монгольскими ордами, частью одолев монголов на полях сражений, частью с ними слившись. Никаких евреев на этапе своего становления Московская Русь не встречала, а познакомилась с ними лишь тогда, когда из удельного княжества начала превращаться в централизованное государство. Расширяясь во все стороны света, Великое княжество Московское столкнулась с Польско-литовским королевством на западе и с Крымским ханством на юге. Вот тут-то, по всей видимости, оно впервые соприкоснулось с евреями, которые по давней традиции брали на себя роль посредников между собственными могущественными суверенами и соседними странами, в числе которых было и Великое княжество Московское.

Что касается южного соседа, то русские летописи упоминают о «владельце Таманского полуострова» Захарии и о некоем Хози Кокосе. К последнему Великий князь Иван III Васильевич (1440—1505) направил (1474) своего посла Беклемищева просить о том, чтобы «грабежа над великого князя гостями в Кафе (Феодосии. — Э. Ф.) не было», причем в случае успеха обещал Кокосу «жалование». Со своей стороны, «Таманский князь» Захария по просьбе Ивана III ходатайствовал перед ханом Менгли-Гиреем о выдаче Великому князю Московскому «ярлыка». В 1484 году Захария был приглашен Иваном III на службу в Москву. Этот факт свидетельствует о том, что евреи — влиятельные и богатые — в Москву допускались наряду с прочими важными иностранцами. Увы, в народной памяти всего этого не сохранилось: негативный образ еврея, сложившийся в последующие столетия, отнюдь не способствовал восприятию его как персонажа положительного ни на каком этапе русской истории.

Представляется наиболее вероятным, что негативное отношение к евреям в России (юдофобия, антисемитизм) уходит корнями во времена Ивана III и связано с сектантским движением, известным под названием «ересь жидовствующих». Во всяком случае, первое упоминание о евреях в Московской Руси встречается в Софийской новгородской летописи (1471) и связано с именем некоего Схарии, которого ряд исследователей отождествляют с Захарией Скаррой из Кафы. Этот Схария прибыл в Новгород из Киева в свите князя Михаила Олельковича, которого прислал в Новгород польский король Сигизмунд. Согласно принятой в российской историографии версии, этот самый Схария «прельстил в жидовство» двух влиятельных новгородских священников и тем самым положил начало «ереси».

«Ересь жидовствующих» — одна из самых загадочных страниц русской истории. Известно, что возникшее во второй половине XV века в самом свободолюбивом из русских городов Новгороде религиозное реформаторское движение довольно быстро охватило церковные, затем светские круги, перекочевало в Москву, широко там распространилось и даже проникло в великокняжескую семью. По сути своей оно было сходно с движением реформации в Западной Европе, непосредственным толчком которой послужил перевод Библии Мартином Лютером (1538) на современный немецкий язык. Нет сомнения, что идеи западной реформации проникли в русские земли и привели к появлению здесь религиозных сект, отрицавших строгу обрядовость и церковную иерархию.

Влияние влиянием, но и на русской почве появилась потребность в церковной и гражданской реформе. Московская Русь выходила из скорлупы удельного княжества на широкий мировой простор и буквально задыхалась в тесной келье застарелого догмата и окостеневшей иерархии. К тому же русские люди смогли ознакомиться с «первоисточником» — Вет-

хим Заветом — даже раньше, чем немцы: полностью Библия была переведена на церковнославянский язык в 1498 году⁵.

Самым спорным в несостоявшейся русской реформации остается вопрос о влиянии на нее евреев. Энциклопедическая версия, разделяемая большинством русских и русско-еврейских историков, полна противоречий и недоговоренностей. Читаем Новгородскую летопись: «Схария прельстил в жидовство новгородских священников, Алексея и Денисия. К ним присоединились прибывшие из Литвы Иосиф Шлойло Скарявей и Моисей Хануш».

Начнем с вопроса чисто технического. Евреи в Московской Руси появлялись в «штучных» экземплярах, на короткое время и исключительно по торговым делам. Каким образом они могли войти в контакт с церковными людьми, на каком языке с ними общались, да и насколько хватало у них, торговых людей, эрудиции, чтобы дебатировать с православными священниками и монахами? (О появлении на Руси того времени раввинов, известных талмудических авторитетов или ученых не упоминают ни русские, ни еврейские источники.) По всей видимости, авторы общепринятой версии о происхождении «ереси жидовствующих» исходят из того, что всякий еврей — знаток древнееврейского языка и библейских текстов. Но это не соответствует реальности конца XV — начала XVI века.

Языком евреев Польши и Литвы был идиш и частично польский. Духовная жизнь находилась в упадке, ученость и учение сосредоточились на Талмуде, в синагоге господствовали начетничество и догматизм. При этом Ветхий Завет (Танах) не просто отошел на задний план, но негласно даже считался табу. Так что представить себе, будто какой-то еврейский купец из Польши или Литвы, оказавшийся по случаю в Новгороде, вступит в религиозную полемику с православными священниками, переведет для них библейские тексты

⁵ Отдельные главы Библии были переведены на старославянский язык Кириллом и Мефодием еще в IX веке.

и в конце концов совратит их в иудейство, чрезвычайно трудно.

Не забудем к тому же, что в Польше и Литве существовало правило, согласно которому евреи не только не могли вступать в контакт с церковными людьми, но не имели права сидеть ближе, чем за два квартала от костела. Сами же евреи как огня боялись монахов и священнослужителей, приближение к храму вызывало у них ужас, посещение его приравнивалось к вероотступничеству. Да и в Московской Руси общение иностранцев с церковными людьми было строго запрещено, а обращение православных в иную веру каралось смертной казнью. И, наконец, главное. «Ересь жидовствующих» — секта христианская, значит, речь идет не о «совращении» в еврейскую веру, а о содействии евреев в создании новой христианской церкви. Возможно ли такое? Думается — нет, тем более что и в Западной Европе не известно ни одного случая, когда бы евреи принимали участие в движении реформации. Правда, история донесла до нас сведения о загадочной секте «болгарских жидовствующих», которую создали евреи-отступники. Так может быть, и в Новгороде заезжие купцы-евреи отступили от своей веры и образовали некую иудео-христианскую секту, к которой присоединились священники и прочие русские люди?

Переход евреев в католичество в Польско-литовском государстве того времени не был явлением из ряда вон выходящим, тем более что короли и церковь такой переход приветствовали и вознаграждали: евреи, принявшие крещение, получали дворянство и всевозможные льготы. Но если у себя дома человек, несмотря ни на что, хранил верность религии отцов, трудно предположить, что, прибыв на короткое время в Московскую Русь, этот же человек вступит в православную секту, объединившись с русскими священниками и монахами, чей язык он едва знает или не знает вовсе!

«Еврейской» версии происхождения секты противоречит и ее быстрое и широкое распространение, и редкие сохранившиеся свидетельства казненных позже отступников, которые причиной своего отступничества всегда называли... Библию!

Так в чем же дело, почему историки церкви и православных сект связывают попытку возникновения русской реформации с еврейским влиянием и даже нарекли ее «ересь жидовствующих»?

Ответить на этот вопрос можно, если искать «еврейский след» не на этапе возникновения ереси, а в период ее разгрома и шельмования.

Становление Московской Руси в качестве централизованного государства требовало подавления былых суверенов: удельных князей, могущественных бояр и, конечно же, влиятельных церковных иерархов. Правда, с церковью дело обстояло сложнее. Выжигая огнем и мечом местные языческие верования, церковь и сама играла важную роль в собирании русских земель и утверждении Москвы в качестве их центра. Тем не менее, московские владыки с большим подозрением относились к церковным иерархам, покушавшимся на прерогативы светской власти, и, не стесняясь, отбирали у монастырей земли, грабили церкви и убивали непокорных священников. При всем том они понимали необходимость установления статус-кво с церковью во имя общих интересов.

Борьба консервативных иерархов с ересью жидовствующих предоставила им такую возможность.

К концу XV века ересь приобрела такие масштабы (в секте состояла невестка Великого князя Елена, его дьякон Федор Курицын и, по некоторым свидетельствам, митрополит Зосима), что справиться с ней своими силами церковники-ретрограды уже не могли. Оставалось одно — прибегнуть к помощи Великого князя. Летописцы приписывают поражение реформаторов (1502—1504) ссоре Ивана III с его невесткой Еленой, ее опале и заточению вместе с наследником престола Дмитрием (тоже сектантом) в темницу. (В 1504 году по приказу Ивана III главные вероотступники были сожжены, а остальные заключены в тюрьмы и монастыри.) Однако за этими событиями трудно разглядеть политическую подоплеку. Поддержав терпящих поражение иерархов-ретроградов, Иван III не только получил в их лице сервильную церковь, но добился того само-

го консенсуса, когда церковники отказывались от вмешательства в дела светской власти, а взамен этого светская власть брала на себя защиту иерархов от реформаторов и других внутренних и внешних врагов церкви.

Пройдут многие десятилетия, и этот консенсус ляжет в основу более широкой унии — национальной идеи, известной как «самодержавие — православие — народность». Эта формула и станет краеугольным камнем русской государственности, русской ментальности и всего, что связано со словом «русский». С другой стороны, вечным антагонистом русской идеи станет треугольник: «жид — поляк — студент». «Студент» — всякий, кто отрицает народность и утверждает свободу личности. «Поляк» — западник, тот, кто хочет навязать России чуждый ей образ жизни, привязать ее к Западу. «Жид» — универсальный враг на все времена и на все случаи жизни. Трагическим — для евреев! — образом зарождение русской идеи в Московской Руси оказалось связанным с противоборством с никому в то время не ведомым евреем.

Конечно, все это будет много позже, а пока что в народной памяти того времени укоренился образ еврея — чародея и чернокнижника, а «ересь жидовствующих» на добрых два столетия внушила русским людям суеверный страх перед теми, кого они никогда не встречали в жизни и о ком ничего толком не знали.

Так продолжалось весь XVI и две третьих XVII века — Московское государство по-прежнему не знало евреев. Отдельные просьбы временно допустить евреев-купцов для торговли в российские города в Кремле отвергали, тех немногих, кому удавалось проникнуть в русские земли, силой выдворяли. Особый норов в этом деле проявила императрица Анна Иоанновна (1730—1740) и ее наследница Елизавета Петровна (1741—1762), которая кроме дурного правления прославилась своей резолюцией на просьбу Сената разрешить евреям-купцам временное пребывание в Риге: «От врагов Христовых не желаю интересной прибыли». Слова эти стали крылатыми и прочно осели в урочище русской памяти.

Любопытно, что и Петр I (1682—1725), решительно изменивший уклад русской жизни, без счета принимавший иностранцев на государственную службу и, в сущности, создавший новое российское сословие — русско-европейцев, отношения к евреям не изменил. Копируя голландские методы строительства кораблей и литья пушек, Петр и не помышлял внедрить в России голландскую модель веротерпимости. Образ «врага Христовой веры» настолько прочно укоренился в русском сознании, что даже такой масштабный и глубокий реформатор, как Петр I, преодолеть этот стереотип не сумел.

Чудо произошло в 1772 году, когда в результате первого раздела Польши ее восточная окраина — Белая Русь перешла к России, а «враги Христовой веры, которых не следовало пускать на порог», помимо своей воли стали подданными Русской короны. Дальнейшие разделы Польши, а также присоединение Крыма и Кавказа увеличили численность еврейского населения империи до 250—300 тысяч человек. Произошло это в царствование Екатерины II (1762—1796).

Прагматичная немка, с одной стороны, сохранила тот автономный (общинный) уклад еврейской жизни, который существовал для них в Польше, с другой — предоставила своим еврейским подданным статус средних российских сословий — городских мещан и купцов. Конечно, это был существенный прогресс: в Польше евреи, числясь подданными короля, находились вне общества, никакими правами не обладали, всецело зависели от монарха или тех магнатов, на землях которых селились. Тем не менее, традиционная вражда к «врагам христианской веры», чуждый русскому человеку уклад жизни и даже непривычная русскому глазу внешность новых подданных породили полудекавой правительственно-бюрократический зуд по «устройству» и «переустройству» еврейского быта.

Правда, общественность в великорусских городах и губерниях едва знала, кто стал ее соотечественником, а у тех, кто об этом знал, и в первую очередь в петербургских правительственных канцеляриях, мнение о них сложилось вполне опре-

деленное. Лучше других сформулировал его крупный сановник и известный поэт Гаврила Романович Державин (1743—1816) в своем трактате «Мнение сенатора Державина об отвращении в Белоруссии недостатка хлебного путем обуздания корыстных промыслов евреев, об их преобразовании и о прочем». Ярый крепостник и сторонник «мер исправления», Державин не только обвинил евреев в «общем противу христиан злодействе», но и обрисовал их как некое полудикое племя, которое занимается вредным промыслом (винокурением. — Э. Ф.) и спаивает местное крестьянство. С его легкой руки евреи представлялись русской общественности не только как народ вредный, паразитический, но еще и крайне отсталый или, как бы сказали веками позже, — нецивилизованный.

Этим — отсталостью — оправдывались все еврейские ограничения. Этим объясняется и тот факт, что в течение первой половины XIX века все законы о евреях, в том числе и первый из них — «Положение о евреях от 1804 года», — сводились к тому, чтобы «исправить» и «улучшить» новых соотечественников, заставить их перейти на русский язык, отказаться от «паразитических» промыслов, отправлять своих детей в русскую школу, носить общепринятую одежду и т. д. Тем не менее, следует отдать должное императору Александру I (1801—1825) и его молодым сподвижникам-реформаторам. «Положение о евреях от 1804 года» содержало и позитивную составляющую: по мере вхождения в русскую жизнь и приобщения к производительному труду «Положение» обещало евреям различные блага, вплоть до полного уравнивания в правах с прочими подданными империи.

Быть может, этим и объясняется тот удивительный факт, что во время войны 1812 года, названной позже «Отечественной», новые подданные поддержали не Наполеона, обещавшего евреям уравнивать их в правах с христианами, восстановить Синагогу и даже отвоевать для них Палестину, а императора Александра I. История зафиксировала много случаев, когда евреи, коренные жители тех мест, где проходили главные сражения войны, помогали русским солдатам и партизанам продовольствием, фуражом, шпионили в пользу русской

армии, прятали заблудших русских солдат и офицеров. Зафиксированы и случаи расправ с местными евреями со стороны французов и, главным образом, польских легионеров наполеоновской армии. Император Александр I, узнав о подвигах своих еврейских подданных, публично обещал после войны уравнивать их в правах с прочим населением империи.

Увы, история войны с Наполеоном была вскоре переписана: проигранная битва на Бородинском поле была объявлена победной, подлинного архитектора победы — Барклай де Толли заменили престарелым маршалом Кутузовым, а уж еврейским подвигам в войне 1812 года места в русской памяти не нашлось и вовсе. В целом от того периода в народной памяти, а через нее и в русской литературе остался весьма противоречивый и не самый привлекательный образ еврея-корчмаря, ростовщика или держателя почтовой станции. «Презренный жид, почтенный Соломон!» — лучше других сформулировал это отношение А. С. Пушкин.

Николай I (1825—1855) превратил Россию в государство-казарму со всеми вытекающими отсюда последствиями для жителей страны. Больше других при этом досталось от императора-держиморды его еврейским подданным. После долгих раздумий, как «исправить» евреев — огромными налогами, тюрьмами, переселением, а то и вовсе выселением, — Николай I решил пропустить их через воинский строй и казарму. В 1827 году он подписал «Особый воинский устав для евреев», которые до того воинской повинности не отбывали, а вместо нее платили в казну специальный налог. Отныне евреи должны были служить в армии наравне с прочими подданными империи 25 лет, но призывались не с 21 года, а с 18 лет, причем никаких исключений для единственных сыновей, отцов-кормильцев и т. д., оговоренных в «Общем воинском уставе», в «Особом уставе для евреев» не предусматривалось. Более того, еврейские дети с 12-летнего возраста (иногда и раньше) насильно отбирались у родителей и отправлялись в школы кантонистов. Проходить службу еврейские кантонисты и солдаты должны были исключительно в Сибири, где

они подвергались издевательствам и насильственному крещению. Впрочем, многие из них гибли уже в дороге к месту службы.

В русской памяти трагедия еврейской солдатчины не растворилась в общем ужасе эпохи.

«Кого и куда вы ведете?»

— Видите, набрали ораву проклятых жиденят с восьми-девятилетнего возраста. Во флот, что ли, набирают — не знаю. Сначала было велели гнать в Пермь, да вышла перемена, гоним в Казань. Я их принял верст за сто; офицер, что сдавал, говорил: «Беда, да и только, треть осталась на дороге» (и офицер показал пальцем в землю). Половина не дойдет до назначения, — прибавил он...

Привели малюток и построили в правильный фронт; это было одно из самых ужасных зрелищ, которые я видел, — бедные, бедные дети! Мальчики двенадцати, тринадцати лет еще как-то держались, но малютки восьми, десяти лет... ни одна черная кисть не возьмет такого ужаса на холст.

Бледные, изнуренные, с испуганным видом, стояли они в неловких толстых солдатских шинелях со стоячим воротником, обращая какой-то беспомощный, жалостный взгляд на гарнизонных солдат, грубо ровнявших их; белые губы, синие круги под глазами показывали лихорадку или озноб. И эти больные дети без ухода, без ласки, обдуваемые ветром, который беспрепятственно дует с ледовитого моря, шли в могилу».

Этот эпизод, описанный Александром Герценом в его напумевшей книге «Былое и думы», случился в 1835 году в безымянной деревушке, что в сутках езды от города Пермь.

Впрочем, если в либеральных кругах еврейская трагедия вызвала сочувствие, простые люди в городах и деревнях внутренней России, через которые гнали в Сибирь малолетних солдатиков, относились к «нехристям» враждебно. Мнение

о них в народе сложилось как об убогих, слабосильных и глубоко чуждых русским людям.

Между тем Николай I избиением еврейских младенцев не ограничился. Возникшее было в 1823 году «Велижское дело» по обвинению евреев белорусского городка Велиж в ритуальном убийстве христианского мальчика, а затем закрытое за отсутствием улик, было в 1826 году возобновлено по указанию из Петербурга и продлилось до 1835 года. И хотя в конце концов Николай I вынужден был утвердить оправдательный вердикт, в русской памяти средневековый ритуальный процесс, длившийся целых девять лет, остался доказательством еврейского изуверства, употребления ими крови христианских младенцев в ритуальных целях.

«Великие реформы» Александра II (1818—1881), приведшие к отмене крепостного права, облегчили участь и еврейского населения. Правда, они не коснулись главного: черта оседлости отменена не была, гражданское равноправия евреи не получили. Тем не менее, ликвидация особой еврейской рекрутчины, разрешение жить вне черты оседлости хотя бы избранным — николаевским солдатам, отслужившим полный срок, купцам первой и второй гильдии и лицам с высшим (исключительно российским) образованием, а также ряд других послаблений вызвали в еврейской среде прилив энтузиазма. Определенная часть еврейского сообщества выразила желание освоить навыки российской жизни, перейти на русский язык и, так или иначе, стать частью российского общества.

Поворот настроений в еврейской среде изменил отношение к ним русского общества. Увы, не в положительную сторону. Теперь евреев стали подвергать остракизму не за «темноту и отсталость», а за стремление «захватить» русскую школу, русский университет, русскую адвокатуру, театр, печать, литературу и все остальное. Ограничительные законы следовали один за другим, в русский обиход и в русскую память вошло понятие «процентная норма» — количество евреев, которые принимались в русские гимназии и университеты. При этом большинство столичных высших учебных заведений вообще

были для них закрыты. Как закрыты для них были государственная и муниципальная служба, владение землей, проживание в сельской местности, суд, адвокатура, профессии учителей и преподавателей университетов, дворянские и офицерские звания и многое, многое другое. Двор и петербургская бюрократия, бессильные и неэффективные во всех сферах управления государством, проявляли неслыханную энергию и совершенно нетипичную для них изобретательность, возводя все новые и новые барьеры на пути евреев в русское общество. Любые новые «разрешительные» законы, так или иначе удостоенные монаршего благословения, непременно сопровождались припиской: «Исключение для евреев!»

Ярким подтверждением тому служит судьба штабс-капитана Герцеля Цама. Будучи в восьмилетнем возрасте отдан в солдаты, он прошел суровую школу кантонистов, но благодаря твердому характеру сумел противостоять попыткам его крестить. В то же время он хорошо освоил службу и дослужился до звания унтер-офицера. В 1874 году, воспользовавшись новым Воинским уставом, Г. Цам сдал экзамен на звание «военный чиновник», которое приравнивалось к офицерскому, но по причине бюрократического недосмотра не содержало обычной приписки «исключение для евреев». Власти растерялись и заявили, что решение вопроса зависит от общества офицеров. Каково же было удивление в Петербурге, когда офицерское собрание Томского полка проголосовало за прием Цама в свои ряды! После этого случая положение о военных чиновниках было «исправлено», а Г. Цам так и остался единственным офицером-евреем в Российской армии вплоть до марта 1917 года.

Знала Россия и единственного еврея-дворянина. Им был Гораций Гинзбург, гессенский баронский титул которого император Александр II признал действительным в пределах Российской империи. Однако собственно русское дворянство не удалось получить ни одному еврею.

Экономический бум времен Александра III (1881—1894) привел к появлению заметной группы магнатов из числа раз-

ночинцев, в том числе и евреев. В русской памяти остались имена сахарозаводчика Бродского, чайного короля Высоцкого, железнодорожных магнатов братьев Поляковых. Чего в ней не осталось, так это того, что все они, особенно банкирский дом Гинзбурга, щедро жертвовали на благотворительность, на развитие русского искусства и науки. Не осталось благодаря неустанным стараниям царской / советской власти вымарывать из памяти российского общества еврейские имена основателей русских социальных, культурных и научных институтов.

Попытки императора Николая II (1884—1918) сохранить самодержавную власть и средневековый уклад жизни населения Империи в наступившем XX веке вылились в две большие внешние войны — с Японией и Германией и в одну непрерывную войну с собственным народом. Агония царизма оказалась тяжким испытанием для всего населения империи, жизнь же еврейских подданных превратилась в сплошной кошмар. Постоянное ограничение прав на образование, на профессии, на перемещение по стране сменялось полицейскими облавами, выселениями и, наконец, погромами: организованными убийствами и избиениями еврейского населения.

Погромы, где и когда бы они ни случались, чаще всего происходили по одному сценарию и всегда либо по прямому указанию из Петербурга, либо с его ведома и согласия. Так, Московский погром и массовое выселение из Москвы 1891 года были организованы по личному указанию генерал-губернатора Москвы Великого князя Сергея Александровича. Инициатором зверского погрома в Кишиневе в 1903 году был министр внутренних дел Плеве, «куратором» дела Бейлиса — его преемник Щегловитов. При этом официальный Петербург всегда утверждал, что погромы — результат стихийной реакции населения на «еврейскую эксплуатацию» и «еврейское заисие». Однако либеральные интеллигенты, в частности Лев Толстой, Владимир Короленко и другие, открыто обвинили в организации погромов правительство в Петербурге. Русское слово «погром», одно из немногих, вошедших в мировой лексикон, стало синонимом гонений (не обязательно на евреев).

В русской же памяти оно осталось в ином значении — как стихийная реакция православных масс на «засилье» евреев.

Хотя причиной широкого недовольства российского населения была политика правительства и личность самого императора Николая II, царский двор постоянно утверждал, что источниками русской смуты являются «агитация» революционеров, «козни» европейских держав, но прежде всего — евреи, которые поголовно были приписаны к «врагам царя и отечества». Постоянные обвинения в адрес евреев со стороны двора, правительства, думы, поддержанные церковью, печатью, консервативной частью общества, сделали свое дело. «Факт» массового участия евреев в революционном движении глубоко укоренился в русской памяти, падение царизма осталось в ней как дело чуть ли не исключительно еврейское. Между тем «исконная революционность» евреев и их «массовое участие в свержении царского режима» не более чем миф.

По подсчетам историков, с 1881 по 1914 год во всех революционных партиях от народников до большевиков состояло от двух до трех тысяч евреев. (Массовая еврейская рабочая партия «Бунд» не в счет, так как она носила тред-юнионистский характер и не ставила перед собой политических целей.) Если же соотнести число евреев-революционеров с численностью еврейского населения империи — шесть миллионов человек! — то следует признать, что евреи в русском революционном движении были представлены весьма скромно. **Массовым же явлением среди российского еврейства того времени была эмиграция.** Начиная с погрома 1881 года и до начала Первой мировой войны 1914 года, из Российской империи эмигрировало около двух миллионов евреев. Два миллиона эмигрантов против двух-трех тысяч революционеров!

Однако же аберрация русской памяти сработала таким образом, что массовый исход евреев из России на рубеже XIX—XX веков она практически не зафиксировала.

Между тем в последней четверти XIX века в еврейской среде возникло и среднее течение, далекое как от эмиграции, так и от революционного экстремизма. Связано оно было

с усвоением русского языка и навыков российской жизни частью еврейского населения, прежде всего жителями больших городов черты оседлости (Одесса, Варшава, Вильно, Киев и др.). Эти люди — чаще всего из числа местной интеллигенции и молодежи — начинают осознавать себя в качестве новой общности — русских евреев, претендующей на то, чтобы занять место в русском обществе, оставаясь при этом евреями. Появляются русско-еврейские общественные организации, школа с преимущественным преподаванием на русском языке, русскоязычные периодические издания, зачатки русско-еврейской литературы. Наиболее горячие приверженцы национально-культурной автономии говорят даже о том, чтобы ввести русский язык в синагоге! Короче говоря, началось формирование Русско-еврейского центра диаспоры, который предлагал иной, отличный от западноевропейского, путь решения еврейского вопроса.

Большевистская революция положила конец этому необычному эксперименту, который в русской памяти не остался. Осталось в ней другое.

К концу XIX века из той части российского еврейства, которая в значительной степени отошла от традиционного уклада и вошла в соприкосновение с русской средой, выделяются люди, их пока что единицы, которым благодаря незаурядному таланту, неукротимой энергии и удачному стечению обстоятельств удалось пробить все барьеры и получить признание русской общественности. Правда, чаще всего входным билетом в русское общество служило крещение (выдающиеся музыканты братья Антон и Николай Рубинштейны), но в русской памяти остались имена скульптора Марка Антокольского (1839—1923) и художника Исаака Левитана (1861—1900).

Число таких молодых людей — одаренных, энергичных и амбициозных — особенно выросло в начале XX века. «Путь наверх» был для них весьма типичным. Русское среднее образование (часто домашнее), неудачные попытки получить высшее образование в России, отъезд за границу, образование

во Франции, Германии, США или Швейцарии, где эти люди чаще всего и оседали, пополняя местные культурные и научные элиты. Хаим Сутин, Мане Кац, Жак Липшиц, Леон Бакст, Марк Шагал стали знаковыми фигурами во Франции. Сергей Кусевицкий, Яша Хейфиц, Ефим Цимбалист, Владимир Горовиц — в США. Перечислять имена этих «блуждающих звезд» можно бесконечно, но следует заметить, что среди них находились и те, кто все же возвращался в Россию и добивался здесь признания (Абрам Иоффе, Лина Штерн, Борис Пастернак и др.).

XX век начался для евреев России погромами и резней. Желая остановить нарастающее революционное движение (забастовки рабочих, беспорядки в университетах, распространение антиправительственной печати, революционный террор и проч.), правительство в Петербурге, но прежде всего сам император и его двор, решили утопить «русскую смуту» в еврейской крови. Первый массовый и кровавый погром произошел в Кишиневе с 6 по 9 апреля 1903 года. Как свидетельствует историк Семен Дубнов, «евреев убивали целыми семьями, многих не добивали и оставляли корчиться в предсмертных конвульсиях; некоторым вбивали гвозди в голову или выкалывали глаза: малых детей сбрасывали с верхних этажей на мостовую, женщинам отрезали груди... Пьяные толпы врываются в синагоги и рвали в куски, топтали и грязнили священные свитки Торы...»⁶

Организатором погрома «официально» был назван мелкий акцизный чиновник Крушеван, но скоро выяснилось, что за его спиной стоял истинный организатор резни, министр внутренних дел Плеве. Кишиневский погром получил широкую огласку в самой России и за ее пределами. По свидетельству того же Семена Дубнова, в России раздался «крик ужаса», либеральная пресса протестовала против «позорных деяний правительства». Правительство во всем обвинило самих ев-

⁶ Дубнов С. Новейшая история еврейского народа. Т. III. Рига, 1938. С. 289—290.

реев, называя их «зачинщиками случайной драки». Как бы там ни было, кишиневский погром получил столь широкий резонанс в обществе, что вычеркнуть его из русской памяти до сих пор не удалось и вряд ли удастся в будущем.

Убедившись, что утопить революционное движение в еврейской крови не удастся, двор решил прибегнуть к другой уловке: 10 февраля 1904 года Николай II объявил войну Японии. Позорное поражение на Дальнем Востоке — разгром русской армии и флота, сотни тысяч жертв, потеря Квантунского полуострова — привели к росту революционного движения, к массовым погромам, которые прокатились по всем городам, где только жили евреи, и, в конечном счете, к первой русской революции 1905 года. Революция эта не на шутку напугала Николая II и вынудила его пойти на уступки обществу. Тогда-то был учрежден парламент — Государственная дума — и отменен целый ряд наиболее свирепых ограничений на общественную деятельность, государственную службу и т. д. Евреев эти реформы практически не коснулись: юдофобская политика лишь усиливалась. Апогеем ее стало так называемое «дело Бейлиса» — средневековый ритуальный процесс, на котором служащий кирпичного завода в Киеве М. Бейлис обвинялся в убийстве христианского мальчика с целью употребления его крови для ритуальных целей. Произошло это в 1911 году, когда уже был открыт атом, а по радио передавали точные сигналы времени, когда небо бороздили самолеты, воду — океанские лайнеры, а землю — автомобили. Организатором этого громкого дела был министр внутренних дел Щегловитов, и не его вина, что простые мужики — присяжные заседатели в суде города Киева признали Бейлиса невиновным.

И опять-таки, хотя русская либеральная интеллигенция протестовала — образованная часть общества понимала, что обвинения липовые, в умах простых людей осталось сомнение: дыма без огня не бывает!

Первая мировая война нарушила традиционный ход жизни в России и привела в революцию не только миллионы кре-

стьян, переодетых в солдатскую форму, но и десятки тысяч евреев. Правда, войну евреи встретили патриотическим возбуждением, уверенные в том, что самоотверженное участие в ней принесет им долгожданное равноправие. (Всего в Первую мировую войну на стороне России сражалось 200 тысяч еврейских солдат.) Ничуть не бывало! Как только с фронтов пошли плохие новости, евреев тут же объявили «виновниками поражений русской армии», а ее главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич распорядился выселить десятки тысяч евреев из зоны военных действий, то есть из черты оседлости, во внутренние губернии России, доступ в которые еще вчера им был строго заказан⁷. Стоит ли удивляться, что погром, учиненный действующей русской армией по приказу ее главнокомандующего, привел в революционное движение немало еврейских юношей, оторванных от родной среды, религии, родного языка и оказавшихся как бы между небом и землей.

Свержение царизма — Февральскую революцию — приветствовали все слои еврейского населения, хотя участия в ней не принимали. Не принимали они участия и в Октябрьской революции. Не принимали хотя бы потому, что революции, как таковой, не было. Был государственный переворот, спланированный группой заговорщиков. Ни евреи, ни русские, ни рабочие, ни крестьяне, никто, кроме самих заговорщиков, отношения к нему не имел. Тот факт, что небольшую группу профессиональных революционеров возглавлял отрицавший свое еврейство Лев Троцкий (1879—1940), ни о чем не говорит. Тем не менее, образ еврея-большевика, «свергнувшего батюшку царя», запечатлелся в русской памяти. При этом было бы неверным утверждать, что причина тому лишь яркая личность Л. Троцкого.

После большевистского переворота в России началась Гражданская война. Она-то и расставила точки над «i». Все ар-

⁷ Документы о преследовании евреев. Архив русской революции. Т. XIX. Берлин, 1928. С. 245.

мии, отдельные воинские соединения и просто банды, объединенные в Белом движении, проявили себя с самой худшей стороны. Террор, бессудные расправы, грабежи, издевательства над гражданским населением — вот что было типично для белых армий. При этом неотъемлемым атрибутом Белого движения, единственной идеологемой, объединявшей столь разрозненные и разношерстные армии, был безудержный антисемитизм и еврейские погромы.

Погромы Гражданской войны унесли как минимум 300 тысяч еврейских жизней, а политика Белого движения не оставила евреям выбора: они могли быть только с красными! Однако участие евреев в Красной армии, в том числе и на командных должностях, вовсе не означало, что все они разделяли идеи большевиков. Евреи поддержали ту единственную силу, которая боролась с погромщиками и обещала равенство всем народам России. Тем не менее, этот факт добавил следующее звено в цепочке русской памяти: «Еврей — революционер, потом — красный командир, потом...»

Третье звено появилось в первые послереволюционные десятилетия.

Гражданская война и красный террор привели к полному исчезновению аристократии, крупного чиновничества, высшего офицерства. Сильно пострадало дворянство, купечество, служилое чиновничество, университетская профессура и т. д. Кем же правительство Ленина могло заполнить миллионы открывшихся вакансий? Конечно же, не малограмотными рабочими и крестьянами. Оставались представители нацменьшинств: поляки, латыши, литовцы, эстонцы, кавказцы. И в первую очередь — евреи как элемент, наиболее продвинутый и вписанный в русскую жизнь. Не приходится удивляться, что евреи из местечек и малых городов бывшей черты оседлости буквально ринулись в исконно закрытые для них столицы и крупные города внутренней России. В исконно закрытые для них университеты, консерватории, академии, на государственную, военную и дипломатическую службу, на крупные промышленные предприятия и т. д.

В этой массе «двинувшихся в Россию» выделялись две группы. Одна — революционные фанатики и большевистские функционеры ленинского еще призыва, а также примкнувшие к ним авантюристы и преступные элементы, вроде председателя НКВД Ягоды, его заместителя Агранова, генерала НКВД Н. Френкеля и других. Вторая, куда более многочисленная, — это ученые, музыканты, кинорежиссеры, композиторы, писатели, художники, актеры и т. д. Люди порой выдающиеся, они внесли огромный вклад в развитие отечественной науки, культуры, промышленности. Имена даже самых известных из них невозможно перечислить, как и невозможно вычеркнуть из русской памяти Осипа Манделштама, Бориса Пастернака, Абрама Иоффе, Давида Ойстраха, Льва Ландау... Кроме того, «золотой век русского еврейства» выдвинул немало организаторов промышленности, науки, здравоохранения, военачальников, директоров крупнейших заводов и даже членов правительства — красных наркомов. Именно образ еврея — красного наркома послереволюционного призыва замкнул цепочку русской памяти: «Революционер-большевик — комиссар Красной армии — красный нарком».

Целью контрреволюции И. Сталина (1879—1953) было превращение революционной республики в восточную деспотию. Первым шагом в этом направлении (начиная приблизительно с 1926 года) стало уничтожение ленинской революционной гвардии, ветеранов Гражданской войны, всех тех, на чьи плечи легли тяготы восстановления народного хозяйства после революции и Гражданской войны. В числе уничтоженных оказалось значительное число евреев, находившихся в высших эшелонах власти. Но и время тех, кто занимал нишу среднего звена, подходило к концу. Лозунг «пролетарского интернационализма» уходил в прошлое: тирану нужны были не идеалисты-революционеры, а люди, преданные ему лично. «Чистки» 20-х и 30-х годов, а также Большой террор 1937—1938 годов положили конец и революционной республике, и «золотому веку» той части российских евреев, которые оказались втянутыми в водоворот «новой» жизни. В меньшей степени это кос-

нулось искусства, науки, образования. Евреев по-прежнему без ограничения принимали в высшие учебные заведения, талантливым музыкантам, художникам, актерам, ученым воздавали должное, не мешали продвижению по профессиональной лестнице. Неясно, как долго продлись бы такая благоприятная ситуация, но тут грянула Великая Отечественная война (1941—1945).

Поражения Красной армии на начальном этапе войны были катастрофическими. И дело даже не в том, что за считанные месяцы гитлеровские войска дошли до Москвы. Страшнее для тирана было другое: советский солдат не хотел воевать под лозунгом «За родину, за Сталина»! Если немецкий солдат упорно рвался вперед, бесконечно веря фюреру и в фюрера, русский довольно легко сдавался в плен. За первые шесть месяцев войны в немецком плену оказалось 3,8 миллиона солдат и командиров Красной армии! Хотя сама по себе эта цифра потрясает воображение, сдачей в плен дело не ограничилось: советский солдат — правда, не всегда по своей воле, шел служить врагу. Если немецких коллаборантов, главным образом — руководителей компартии Германии, можно было считать по пальцам и расселить в одной московской гостинице, то «Русская освободительная армия» генерала Власова и другие прогитлеровские воинские формирования из пленных русских солдат насчитывали до полутора миллионов человек. Еще 600 тысяч добровольцев-перебежчиков сражались непосредственно под командованием вермахта. Что касается солдат нерусского происхождения, то украинцы, казаки, эстонцы, калмыки, латыши, кавказцы, литовцы не только переходили на сторону врага, но часто становились охранниками и надзирателями в концлагерях и бойцами всевозможных зондеркоманд. Из всего этого Сталин сделал вывод: массами движет не интернационализм и даже не вождь, опирающийся на интернациональное учение, а национализм и национальный лидер. Как стать таковым? Только начав с преследований «народов-предателей» — чеченцев, ингушей, крымских татар

и др.⁸ Но прежде всего Сталин решил последовать примеру Гитлера и, опираясь на старую русскую традицию, обвинить во всем... евреев.

Конечно, Сталин знал, что в рядах Советской армии сражается более полумиллиона евреев (20 % еврейского населения страны), что 200 тысяч из них пали в боях с гитлеровской армией. Знал он и тот факт, что перебежчиков среди них в принципе не могло быть. Факты, однако, интересовали его в последнюю очередь. По его личному указанию был сфабрикован и широко внедрен в общественное сознание миф о еврейской трусости, еврейском предательстве, нежелании воевать и т. д. Все это противоречило здравому смыслу, тем не менее, легло на благоприятную почву. Ведь правда о массовой сдаче красноармейцев в плен, о Русской освободительной армии генерала Власова тщательным образом скрывалась, а между тем в далеких российских городах появились еврейские беженцы из Польши, Литвы, Молдавии. До войны они не были советскими гражданами, с трудом объяснялись по-русски и производили на местных жителей не самое лучшее впечатление. Этот факт способствовал распространению мифа о том, что «евреи не воевали вместе со всем народом, а отсиживались в Ташкенте».

Начиная с 1942 года появляются секретные распоряжения об отстранении евреев от командных должностей, об уменьшении числа еврейских фамилий, представленных к наградам, и т. д. Парадокс состоит в том, что миф о еврейской трусости и уклонении от участия в войне прочно укоренился в русской памяти. В то время как сам Сталин, отличавшийся патологической трусостью (главнокомандующий Советской армией ни разу не был на фронтах войны!) и полной некомпетентностью как военачальник, остался в ней в качестве выдающегося полководца, организатора победы в Великой Отечественной войне.

⁸ Историк Михаил Геллер насчитал 14 обвиненных в предательстве и выселенных народов.

Следующим этапом сталинских гонений стало обвинение евреев в космополитизме (1949), в попытке под видом общечеловеческих ценностей внедрить в сознание советских людей «превосходство капитализма над социализмом и главенствующую роль США на мировой арене». Началась окончательная зачистка от евреев государственного и партийного аппарата, армии, органов НКВД.

Но не успел русский человек переварить слова «еврей-космополит», как Сталин обвинил евреев в национализме, в намерении отторгнуть от Советского Союза Крым и создать там еврейское государство под патронатом США. Обвинение это вылилось в громкий «процесс еврейского Антифашистского комитета» (1948—1952), который стоил жизни двенадцати крупным еврейским деятелям и которому сопутствовало массовое изгнание евреев из культурных и научных учреждений, из редакций газет, университетов и т. д.⁹

И опять-таки, не успел в русском сознании укорениться «еврейский национализм», как последовало новое обвинение: еврейские врачи намеревались отравить ведущих деятелей партии и государства! Очередное обвинение вылилось в «дело врачей» (1953), которое сопровождалось массовым изгнанием евреев из медицинских учреждений, бойкотом еврейских врачей и т. д.¹⁰ Непосредственно после смерти Сталина дело врачей было прекращено. Однако антисемитская пропаганда под лозунгом: «убийцы в белых халатах» — сделала свое дело, глубоко в русской памяти осел образ еврейского врача, который сознательно прописывает русскому человеку неправильное лечение, а то и просто дает ему отраву вместо лекарств!

Преемник Сталина Никита Хрущев (1894—1971) отказался от наиболее свирепых методов правления своего предшественника, но не от антисемитизма. Сталинские запреты на участие евреев в высшем и среднем руководящем звене госу-

⁹ Наумов В. Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. М. : Наука, 1994.

¹⁰ Костырченко Г. В плену красного фараона. М. : Международные отношения, 1994.

дарства, армии, дипломатической службы, промышленности, науки и т. д. расширялись и углублялись. Впрочем, Хрущев не только продолжил дело Сталина, но и внес в него свою лепту. В 1959—1960 годах он развернул кампанию под названием «Борьба с экономическими преступлениями». В течение нескольких лет страницы газет пестрели статьями об экономических преступлениях, по всей стране начались аресты «подпольных» предпринимателей, причем в числе лиц, приговоренных к расстрелу за подобную деятельность, подавляющее большинство составляли евреи. Герои бесчисленных фельетонов на тему экономической преступности носили типично еврейские имена и фамилии. А ведь евреи составляли один процент населения страны! Если у западных либералов не было сомнения, что борьба Хрущева с экономическими преступлениями — прежде всего новая форма антисемитизма, то в русской памяти от того периода остались имена расстрелянных евреев — «валютчиков» Файбушенко и Рокотова, а также неприязнь к «еврейским махинаторам и стяжателям», которой через несколько десятилетий суждено будет обрести другой накал и другие масштабы.

Наследник Хрущева Л. Брежнев (1906—1982) отнюдь не поспешил отказаться от антисемитизма, который в годы его правления принял главным образом форму антисионизма. Пытаясь подорвать влияние Запада в Третьем мире, «Брежнев и Компания» продолжили начатую Хрущевым политику поощрения «прогрессивных», то есть просоветских арабских режимов. Хотя отечественная экономика уже хромала на обе ноги, а СССР превратился в «страну всеобщего дефицита», арабские союзники Кремля не знали ни в чем отказа: военная и экономическая помощь диктаторам-авантюристам исчислялась сотнями миллиардов долларов. Но в июне 1967 году арабские армии, оснащенные советским оружием, подготовленные советскими инструкторами и руководимые советскими военными советниками, потерпели сокрушительное поражение от армии Израиля. Репутация СССР как ведущей военной державы оказалась подорванной, влияние США в мире усилилось. Виновниками своих бед кремлевские вожди объ-

явили «сионистов», ненависть к которым в Кремле зашкаливала. Началась неслыханная по накалу и масштабу пропагандистская антиссионистская кампания. Увы, в русской памяти она запечатлелась совсем не так, как бы того хотелось ее организаторам.

Во-первых, военная победа «евреев над арабами» в какой-то мере дезавуировала в русском сознании образ еврей-труса, созданный сталинской пропагандой. Во-вторых, русскому человеку, с презрением относившемуся к «зажравшимся» вождям, в равной степени были ненавистны и их клиенты — «арабские нахлебники». Поражение последних русские люди восприняли с нескрываемым злорадством, а к победителям отнеслись с некоторым почтением. Так они и вошли в русскую память.

С определенным пониманием и сочувствием отнеслись россияне и к еврейскому движению за эмиграцию (70—80-е годы) и к их активному участию в диссидентском движении (60—80-е годы). Рядовой россиянин уважал тех, кто находил в себе мужество действовать вопреки воле властей!

Крах советской системы и развал Советского Союза в русской исторической памяти связан с именем Михаила Горбачева. Евреи там не присутствуют. С другой стороны, можно не сомневаться, что в ней останется массовый исход евреев из СССР и России. В период с 1989 года до начала 2000-х годов из России эмигрировали сотни тысяч человек. Благодаря этому прорыву для россиян впервые за всю историю страны открылся, а затем и вовсе открылся внешний мир: чуть ли не у каждого русского человека появились личные знакомые, а то и друзья в Америке, Израиле, да и всюду по миру...

Последующее десятилетие, связанное с обвалом социалистической экономики и начальной, по существу — криминальной, капитализацией, вошло в русскую память как стихийное бедствие, виновником которого в русской памяти остался президент Б. Ельцин. Но не он один. Нет сомнения, что в ней — в русской памяти — останутся имена кремлевских плутократов и олигархов, «наживших на народном горе фан-

тастические капиталы». Слово «семибанкирщина», имена: Березовский, Гусинский, Ходорковский, Роман Абрамович, Фридман, Вексельберг — уже укоренились в ней в качестве злодеев — расхитителей национальных богатств России. И это несмотря на то, что истинными расхитителями народной собственности стало многочисленное чиновничество всех уровней и связанные с ним предприниматели, число евреев среди которых совсем не так велико, как о том гласит молва.

История евреев в России завершилась. Факт этот не остался незамеченным. В 2002 году вышел в свет объемистый труд Александра Солженицына «Двести лет вместе (1795—1995)» (М. : Русский путь, 2002). Книга эта породила массовую критику и ожесточенные споры, главным образом со стороны его еврейских оппонентов, которые обвиняли Солженицына во всех грехах, в том числе и в антисемитизме.

В действительности Солженицын, одна из самых ярких фигур русской истории XX века, увидел в исходе евреев из России Божий промысел. Увидел и попытался его осмыслить. Осмыслить не получилось. Удалось разве что составить перечень расхожих мифов и легенд о евреях, которые лежали на поверхности народной памяти или сохранились в порой сомнительных источниках. Удалось взвесить вину сторон — русских и евреев — друг перед другом и уже на этом «основании» вынести «исторический приговор». А вот об огромном наследии, которое, уходя, евреи оставили России, Солженицын не обмолвился ни словом.

Наследие же это чрезвычайно велико и многогранно. Трудно найти какую-либо сферу материальной и духовной культуры России, где бы евреи не оставили следа за исторически короткое время своего пребывания в этой стране. Тысячи звезд первой величины и десятки тысяч — второй, сотни тысяч рядовых тружеников в области музыки, науки, литературы, медицины, кино, театра, в армии, промышленности, дипломатии, журналистике и бог весть, где еще! Всех перечислить невозможно, но вспомним хотя бы имя уроженца Полтавской губернии легендарного ученика Рентгена Абрама

Иоффе (1880—1960), который, вернувшись в Россию из Германии в 1906 году, на ровном месте создал великолепную, вторую в мире (после немецкой) школу физики. Его ученики, крупнейшие ученые планеты, среди которых было значительное число выходцев из еврейских местечек, создали — в числе прочего — советское ядерное оружие, которое являлось и является до сих пор гарантом самого существования независимого Российского государства.

Да что там наука, литература или медицина — евреи умудрились оставить след даже в... традиционно враждебной им русской православной церкви! Вспомним хотя бы имена православного философа Семена Франка (1877—1950) или известного среди советской интеллигенции популяризатора православия отца Александра Меня (1935—1990). В целом, уходя из России, евреи оставили там заметное число священников и мирян.

Разумеется, Солженицын мог бы сказать, что и Россия оказала на своих еврейских подданных/граждан заметное влияние. «Обожженные Россией» сильно отличаются от своих соплеменников в других странах. Потеряв в значительной мере религиозную и национальную самоидентификацию, они сумели — в массовом порядке — приобщиться к образованию, чаще всего — к высшему, превратившись во «вторую интеллигенцию мира» (после американского еврейства). В среде российских евреев изжиты многие местечковые предрассудки, там не встречаются профессиональные иждивенцы и «люди воздуха», там царит культ интеллигентности и жизненного успеха.

Тем более не заметил и не сказал Солженицын и о другом очень важном наследии евреев. Когда-то Петр Великий, Екатерина Вторая и их преемники на русском троне в значительных количествах зазывали и завозили в страну иностранцев — немцев, французов, голландцев, датчан и др. В конце концов и сами цари, и русская аристократия, и высшие эшелоны бюрократии, и военная верхушка, и, в определенной мере, рядовое дворянство оказались «онемеченными» (условие было одно — переход в православие). Возник слой (или класс) так на-

зываемых «русско-европейцев», создававший ее культуру и новый, своеобразный уклад жизни. Многие министры, сенаторы, губернаторы, дипломаты и генералы русской армии носили немецкие, французские, польские фамилии. Не говоря уж о поэтах, писателях, музыкантах, драматургах... В сущности, русская культура и история, начиная с петровских времен и вплоть до 1917 года, в значительной мере делалась классом русско-европейцев, который после большевистской революции не только утратил влияние, но практически прекратил свое существование.

Нечто подобное произошло и после краха советской власти и развала Советского Союза. Правда, русские евреи не были перебиты революционными рабочими и солдатами — они просто бежали из России. Но при этом покидали ее и те, кто реально ощущал себя евреями, и те, кто воспользовался своим еврейским происхождением, чтобы обосноваться в той или иной стране Запада. В России при этом осталась заметная прослойка людей, которые не ассоциировали себя с еврейством. Чаще всего это люди смешанного происхождения, связанные с не евреями брачными узами, и те, кто был столь глубоко укоренен в русской национальной культуре, что просто не мыслил себя вне ее рамок. По аналогии с русско-европейцами, этих русских людей с еврейскими корнями можно назвать русско-евреями, тем более что и они образуют влиятельную часть российской элиты, особенно в области культуры, науки, хозяйственной деятельности. Сколь долго продлится влияние этой части элиты и не уготована ли ей судьба русско-европейцев — это другой вопрос.

Итак, Солженицыну не удалось постичь Божий промысел. Писатель-пророк априори считал, что евреи сыграли отрицательную (если не роковую) роль в истории России и тем самым вечно виноваты перед русским народом. Своей же целью он счел всего лишь собирать тому «доказательства». Но и его многочисленные критики, уличавшие автора в дилетантизме, передергиваниях, искажениях фактов, ничего, по существу, не прояснили. Главная причина неудачи как Солженицына, так и его оппонентов проста: еврей из России ушел, но

еврейский вопрос еще не стал там историей. И лишь когда он, этот «вечный» вопрос, окончательно уйдет в историю, а за его изучение возьмутся историки-профессионалы, владеющие научной методологией, умеющие работать с первоисточниками и не стремящиеся выносить «исторические» приговоры, тогда, возможно, представление о евреях обретет в русской памяти иную окраску.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
ОСВЕНЦИМ И ГУЛАГ: ОТКРОВЕНИЕ ЗЛА	
Михаил Чечинский	9
Борис Хазанов	13
Евгений Барабанов	18
Александр Архангельский	25
МЕЖДУ ОСВЕНЦИМОМ И ГУЛАГОМ	
Марк Мойзес	31
Томас Венцлова	50
МЫ ИЗ СТРАНЫ ГАЙДАРА	
Бenedикт Сарнов	60
Артур Штильман	77
Константин Кикоин	94
У КРАСНОЙ ЧЕРТЫ	
Владимир Порудоминский.....	106
ЕВРЕЕВ НЕТ, ВОПРОС — ЕСТЬ	
«ЧЕРНАЯ КНИГА» ВАСИЛИЯ ГРОССМАНА.....	116
МИФЫ ХОЛОКОСТА.....	125
ЕВРЕЙ В РУССКОЙ ПАМЯТИ.....	141